

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Средн. Подъяч., № 1.

1863.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ С. Платонова.

Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому К. Патканова.

О миниатюрахъ одной вѣнской рукописи А. Кирпичникова.

Возмездіе Гавриилу П. Визоватого.

Критика и библиографія:

Донисторическіи челоуѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцева, профессора С.-Петербургскаго университета. Съ 122 иллюстраціями въ текствѣ, 2 цитогрaфiи и 12 таблицами фототипій И. Сет-скаго.

Писцовая книга Гродненской экономіи, съ прибавленіями. Двѣ части С. Пташицкаго.

Родовой бытъ въ современной Индіи П. Миняева.

Столѣтній юбилей В. А. Жуковскаго:

Рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ 29-го января П. Визоватого.

Два письма В. А. Жуковскаго къ графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Сокологубъ.

Открытие фресокъ Кирилловскаго монастыря подъ Киевомъ А. Прахова.

Некрологи:

К. А. Коссовичъ И. Б.
П. Ив. Мельниковъ К. Вестужева-Рюмина.
К. К. Герцъ И. Цветаева.
В. А. Мацѣевскій С. Пташицкаго.

Отдѣлъ классической филологіи.

(Ом. на 3-й стр. обертки)

БОЗМУНДЪ ТАРЕНТСКИИ.

Главнымъ и самымъ подробнымъ источникомъ для изложенія исторіи Бозмунда князя Тарентскаго, одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей перваго крестоваго похода, служатъ Алексіада, записки Анны Комнины, дочери Византійскаго императора Алексѣя I Комнина. Источникъ этотъ, написанный около 1145 г., тѣмъ болѣе для насъ драгоцененъ, что авторъ многое видѣлъ самъ, многое слышалъ отъ отца и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ разныхъ событіяхъ, наконецъ по своему положенію могъ имѣть въ рукахъ официальные документы. Мы пользовались боннскимъ изданіемъ Алексіады, но цитировали по пагинаціи парижскаго изданія, отмѣченной на поляхъ боннскаго, для того чтобы желающій могъ справиться въ любомъ изданіи. Изъ Византійцевъ мы, кромѣ Анны, ссылаемся нѣсколько разъ на компилятора XII вѣка Зонару, самостоятельный трудъ котораго ограничивается нѣсколькими страницами, посвященными царствованію Алексѣя Комнина.

Прекраснымъ дополненіемъ къ Алексіадѣ, но почти исключительно для похода Роберта Гвискара, являются норманскіе писатели: Малатерра, писатель конца XI вѣка, изданный въ 5-мъ томѣ сборника Муратори; Вильгельмъ Апулійскій, современникъ Малатерры, авторъ „Gesta Roberti Wiscardi“, поэмы, написанной гекзаметрами и изданной у Пертца (SS. IX). Важное значеніе по своей хронологической точности имѣютъ Барійскія лѣтописи; одна редакція ихъ извѣстна подъ названіемъ Лула Протоспаварія и издана Пертцемъ (SS. V, p. 51—63), другую, такъ-называемаго Барійскаго авонима, можно найти въ пятомъ томѣ

Муратори. Мы пользовались и болѣе поздними авторами, а именно Ордерикомъ Виталиемъ, писателемъ первой половины XII вѣка, по лучшему изданію Le Prevost (въ скобкахъ противъ цитатъ изъ Ордерика нами отмѣчаются томъ и страница этого изданія), Ромуальдомъ, епископомъ Салернскимъ, умершимъ въ 1181 г. (Muratori VII и Pertz XIX), Сикардомъ, епископомъ Кремонскимъ, умершимъ 1215 г. (Muratori VII). Кромѣ того, мы пользовались и Альбертомъ Ахенскимъ, Фулькеромъ Шартрскимъ, Гибертомъ Ножанскимъ, Вильгельмомъ Тирскимъ и другими источниками перваго крестоваго похода, изданными Парижскою академіей надписей въ *Recueil des historiens des Croisades*. Въ скобкахъ противъ цитатъ изъ этихъ писателей мы отмѣчаемъ томы и страницы упомянутого сборника.

I.

Походъ Роберта Гвискара на Византію (1081—1085 гг.).

Въ концѣ десятаго вѣка греческая власть въ южной Италиі, казалась, должна была окончательно рухнуть. Съ сѣвера ей угрожали Германцы, съ юга—сицилійскіе Арабы, внутри самой Италиі все увеличивалось княжество Беневентское, лангобардскаго происхожденія. Къ счастью для Византіи, ея талантливому императору Василию II, знаменитому Болгаробойцѣ, удалось возстановить отчасти свою власть въ Апуліи и Калабриі и отсрочить на полстолѣтія окончательную потерю этихъ земель. Тѣмъ не менѣе Арабы въ началѣ XI столѣтія опустошали южную Италию и доходили даже до Бари, столицы и главнаго оплота греческихъ владѣній. Разоренныя непріателемъ, итальяскія провинціи Византійской имперіи находились въ отчаянномъ положеніи. Тогда богатый гражданинъ города Бари, по имени Мель, рѣшилъ окончательно сломить греческую власть; соединившись съ своимъ зятемъ Даттомъ, онъ возбуждѣлъ возстаніе по всей Апуліи. Попытка оказалась неудачною: въ 1011 г. мятежники были осаждены въ Бари катаномъ Василиемъ, прибывшимъ изъ Византіи со значительнымъ войскомъ, и должны были бѣжать; жена Мела и сынъ его Аргіръ попались въ плѣнъ къ непріателю. Вожди апулійскаго возстанія нашли себѣ сильнаго защитника въ лицѣ папы Бенедикта VIII, который вполне проникся идеей Григорія Великаго, что престолъ Петра обязанъ служить защитою всей Италиі, и стремился изгнать оттуда Грековъ и Арабовъ. Онъ склонилъ на сторону Мела грозныхъ

сѣверныхъ завоевателей, которые вскорѣ получили громадное значеніе въ судьбахъ южной Италіи.

Въ 1016 г. Сарацины осаждали Салерно; въ то же время сорокъ норманнскихъ рыцарей возвращались изъ Іерусалима и случайно высадились недалеко отъ этого города. Они вступились за христіанъ, притѣсняемыхъ мусульманами, потребовали у князя Салернскаго коней и оружія, и храбро бросившись на поле сраженія, на голову разбили непріателя. Послѣ того они вернулись на родину. Вслѣдъ за ними прибыло въ Нормандію посольство изъ Салерно, приглашавшее норманнскихъ рыцарей для борьбы съ нечестивыми. На этотъ призывъ откликнулись 250 рыцарей, и предводимые пятью братьями съ Рудольфомъ во главѣ, направились въ Римъ. Когда папа Бенедиктъ увидѣлъ ихъ гигантскій ростъ, ихъ лица, выражавшія безпредѣльную храбрость и отвагу, ему пришла мысль направить ихъ противъ Грековъ. Онъ жаловался имъ на то, что эти извѣженные еретики еще господствуютъ на италійской землѣ, побуждалъ рыцарей вырвать Апулію изъ рукъ этихъ расслабленныхъ людей и указалъ имъ на Мела, который въ то время находился въ Капуѣ и успѣлъ набрать наемное войско въ лангобардскихъ княжествахъ. Вскорѣ заключенъ былъ союзъ Норманновъ съ Меломъ. Дѣла союзниковъ пошли сначала удачно, Византійцы потерпѣли пораженіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, и Мель завладѣлъ всею страню до Трани. Но въ 1018 г. прибылъ новый катапаль Воіаннъ, съ значительною византійскою арміею и варяжскою дружиною, и навесъ инсургентамъ жестокое пораженіе при Офанто близъ Каннъ. Въ Салерно въ это время собралось три тысячи вновь прибывшихъ Норманновъ, но и они потерпѣли неудачу въ новомъ сраженіи съ Воіанномъ, и изъ нихъ спаслось всего 500 человекъ. Въ 1020 г. Мель съ рыцаремъ Рудольфомъ отправились въ свитѣ папы въ Гамбургъ, гдѣ у него было свиданіе съ Германскимъ императоромъ Генрихомъ II, и гдѣ шли переговоры о союзѣ противъ Византіи. Лѣтомъ того же года умеръ Мель, и папа съ Рудольфомъ вернулись въ Италію. Между тѣмъ дѣла ихъ шли все хуже; Греки отвоевали вновь всю Апулію и даже часть Веневетской области; Ландульфъ IV, княжившій въ Капуѣ, стоялъ на сторонѣ Византіи, туда же тянулъ и Ваймаръ III Салернскій; папѣ нечего было ждать помощи отъ лангобардскихъ князей, хотя Ландульфъ V Веневетскій все еще оставался ему вѣренъ. Когда крѣпость на рѣкѣ Гарильяно, дарованная папою Датту, была взята Греками, и онъ самъ зашитъ въ

мѣшокъ и броненъ въ море, апулійское возстаніе окончилось ¹⁾. Большая часть норманнскихъ рыцарей ушли на родину подъ предводительствомъ Рудольфа, а четыре племянника Мела получили небольшое графство въ гористой мѣстности къ сѣверу отъ Монте Кассино. Даровалъ имъ эту землю Германскій императоръ, который въ 1021 г. побѣдоносно прошелъ по Италіи и заставилъ лангобардскихъ князей вновь признать свою власть. ²⁾

Съ этихъ поръ мы постоянно видимъ норманнскихъ рыцарей въ южной Италіи, и они являются постоянными противниками Византии, хотя въ началѣ и не самостоятельными. Въ 1027 г. имъ покровительствовалъ императоръ Конрадъ II и обрекъ ихъ на служеніе лангобардскимъ князьямъ, которые, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вновь признали себя въ зависимости отъ Германіи. Но черезъ три года рыцарь Райнульфъ, происходившій изъ семейства Кварель и пришедшій въ Италію подъ предводительствомъ Рудольфа, соединился съ Сергіемъ, княземъ Неаполя, который былъ изгнанъ Пандульфомъ IV, сильнѣйшимъ въ то время лангобардскимъ княземъ, но въ 1029 г. вернулся въ свой городъ. Норманнскій рыцарь женился на вдовѣ графа Гаецкаго, сестрѣ Сергія, и получилъ въ приданое плодородный кусокъ земли въ Кампаніи между Неаполемъ и Капуей; здѣсь онъ заложилъ крѣпость Аверсу (1030 г.), и эта была первая территорія Норманновъ. По смерти жены Райнульфъ женился на племянницѣ Пандульфа и сталъ вассаломъ врага своего прежняго господина. Когда Ваймаръ IV, воцарившійся въ Салерно по смерти отца, затѣялъ войну противъ Пандульфа, Норманны за деньги и другіе цѣнные подарки передались на сторону Салернскаго князя. Этою распріею между лангобардскими князьями воспользовался Конрадъ, изгналъ Пандульфа и отдалъ Капую и Салерно въ ленъ Ваймару, а Райнульфа надѣлилъ графствомъ Аверсою. Такимъ образомъ этотъ норманнскій рыцарь сталъ вассаломъ Германскаго императора.

Въ 1038 г. патрицій Георгій Маніакъ и катапанъ Михаилъ Докіанъ были посланы императоромъ Михаиломъ IV въ Сицилію, чтобъ отвоевать у Арабовъ этотъ давно утраченный островъ. Въ этой

¹⁾ *Giesebrecht*. Geschichte der deutschen Kaiserzeit, II, 175—179 (2-е издание). Ср. *De Blasiis*, La insurrezione Pugliese, I, 45—53, 59—60, 69—96.

²⁾ *Giesebrecht*, II, 183.

экспедиціи Византіи помогали и Ваймаръ, и Норманны; такъ Западъ подавъ временно руку Востоку, въ борьбѣ противъ общаго врага ¹⁾).

Въ походѣ приняли участіе и повые выходцы изъ Нормандіи. На полуостровѣ Контентенѣ (Contentin), въ четырехъ миляхъ къ сѣверу отъ Мариньи, возвышался замокъ Готвилль, давшій свое имя семейству, принадлежавшему къ тому роду бароновъ, которые выходили сражаться подъ собственнымъ знаменемъ и назывались *banperets*. Одинъ храбрый рыцарь Танкредъ прозывался Готвиллемъ въ началѣ XI вѣка. Онъ былъ женатъ два раза и имѣлъ 12 сыновей, отъ Моріеллы: Вильгельма Желѣзную Руку, Дрогона, Гумфрида, Готфрида и Серлона; отъ Фредесинны: Роберта, Мальжера, Вильгельма, Алфреда, Гумфрида, Танкреда и Рожера. Недовольные черевчуръ малыми надѣлами, доставшимися имъ отъ отца, Вильгельмъ Желѣзная Рука, Дрогоны и Гумфриды отправились на поиски новыхъ земель и прибыли наконецъ въ Италію. Вотъ эти три брата съ 300 подчиненныхъ имъ рыцарей сопровождали Маниака въ Сицилію, и имъ обязаны Греки тѣми успѣхами, которые имѣли въ экспедиціи противъ Арабовъ ²⁾. Изъ западныхъ рыцарей въ этомъ походѣ принималъ участіе еще Ардуинъ, служившій челоѣкъ миланскаго архіепископа. Сицилійская экспедиція, блестящая и весьма успѣшная въ началѣ, не дала никакихъ прочныхъ результатовъ; въ 1040 г. Маниакъ былъ отованъ въ Константинополь и брошенъ въ темницу; съ удаленіемъ этого вождя кончились успѣхи Византійцевъ, и всѣ ихъ завоеванія отошли назадъ къ Арабамъ.

Въ самой Италіи вновь поднялось возстаніе апулійскаго населенія. Поэтому катанавъ Докіанъ оставилъ Сицилію и явился въ Апулію съ Норманнами и Ардуинномъ; послѣдній питалъ противъ Грековъ глубокую, но скрытую злобу за позорное наказаніе, которому былъ подвергнутъ Маниакомъ. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе византійскаго катанана и получилъ отъ него въ управленіе городъ Мельфи. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ интересахъ Византійской имперіи онъ возбуждалъ апулійское населеніе къ открытому возстанію, отправился въ Аверсу и заключилъ союзъ съ Райнульфомъ, съ тѣмъ что половина всѣхъ завоеваній достанется самому Ардуину, а другая половина Норманнамъ. Райнульфомъ были избраны въ предводители норманнскаго войска 12 рыцарей, и между ними Вильгельмъ Желѣз-

¹⁾ *Giesebrecht*, II, 183, 245—246, 326—330.

²⁾ *De Blasiis*, I, 125—127.

ная Рука и Дрогоуъ; онъ далъ имъ 300 рыцарей и наказалъ раздѣлить всѣ завоеванія поровну между собою ¹⁾.

Дѣла Норманновъ пошли какъ нельзя лучше; въ 1041 г. они два раза разбили Докіана при Оливенто и Офанто. Въ томъ же году понесъ сильное пораженіе при Монте-Пелозо и новый каталанъ Воіоаннъ, сынъ того Воіоанна, который дѣйствовалъ въ 1018 г.; онъ самъ попался въ плѣнъ, и вся византійская армія была уничтожена. По справедливому замѣчанію италіанскаго ученаго, норманнскіе рыцари, не смотря на всю свою храбрость, не могли бы одержать столь быстрыхъ успѣховъ, еслибъ имъ не помогало мѣстное населеніе, недовольное византійскимъ управленіемъ ²⁾. Замѣтимъ, что греческая армія состояла главнымъ образомъ изъ варяжской дружины, которая также никогда не отличалась трусостью.

Норманны, еще слишкомъ слабы, чтобы стать самими во главѣ завоевательнаго движенія, и недовольные Ардуинномъ, приписывали себѣ вождя, который не слишкомъ держалъ бы ихъ въ рукахъ, но исполнялъ ихъ желанія, и который былъ бы близокъ къ апулійскому населенію. Они нашли его въ Аргирѣ, сынѣ того Мела, который былъ вождемъ Норманновъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Аргиръ воспитывался въ Константинополѣ и былъ посланъ въ 1040 г. въ Апулію для того, чтобы подавить возстаніе въ Барн. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе, но когда послѣ побѣдъ Норманновъ опять поднялись Барн, Матера и другіе города, тогда пошатнулась его преданность византійскому престолу, и въ февралѣ 1042 г. апулійскіе висургенты и норманнскіе рыцари избрали его своимъ предводителемъ.

Въ декабрѣ 1041 г. умеръ Византійскій императоръ Михаиль Пафлагонянинъ и на престолъ вступилъ Михаиль V, который освободилъ Маніака и отправилъ его съ значительнымъ войскомъ въ Италію. Тогда многія земли, завоеванныя Аргиромъ, были вновь отняты Маніакомъ; послѣдній, взявъ Матеру, долженъ былъ однако отступить и запереться въ Тарентѣ. Аргиръ, между тѣмъ, взялъ штурмомъ Джювенацио и осадилъ Траян. Въ это время въ Византіи произошла новая перемена: Михаиль V былъ свергнутъ съ престола и воцарился Константинъ Мономахъ (въ іюнь 1042 г.), старый соперникъ и врагъ Маніака; онъ лишилъ этого послѣдняго предводительства въ Апуліи,

¹⁾ *Giesebrecht*, II, 415—417; *В. Г. Васильевскій*, Варяго-русская и варяго-англійская дружина, стр. 77—82 — *Ж. М. Н. Пр.* 1875 мартъ.

²⁾ *De Blasiis*, I, 152.

и Маниакъ, не ожидая ничего для себя хорошаго въ Византіи, поднялъ бунтъ, провозгласилъ себя императоромъ, и послѣ неудачной попытки взять Бари, переправился въ Болгарію въ началѣ 1043 г. Между тѣмъ Аргиръ за почетный титулъ патриція и должность катапана продалъ себя и Бари Византіи. Такъ вновь возвратилась въ подданство Византійскаго императора часть Апуліи, преимущественно южныя приморскіе города ¹⁾.

Норманны вновь остались безъ главы, но на этотъ разъ они рѣшились не выбирать иностраннаго вождя; они выбрали своимъ предводителемъ Вильгельма Желѣзную Руку, и чтобы санкціонировать свое избраніе, предложили Ваймару Салернскому признать его своимъ вассаломъ, на что тотъ согласился съ радостью. Вильгельмъ былъ провозглашенъ графомъ Апуліи, и какъ онъ, такъ и 11 другихъ норманнскихъ вождей получили по небольшой области. Райнульфъ получилъ, кромѣ Аверсы, Сипонтъ и мѣстность около Монте-Гаргано, но также считался вассаломъ Ваймара, который въ то время былъ сильнѣйшимъ властелиномъ южной Италіи (ему принадлежали Салерно, Капуя, Амальфи) и вскорѣ провозгласилъ себя княземъ Апуліи и Кабринъ. Въ 1044 г. Вильгельмъ сражался за одно съ Ваймаромъ противъ Грековъ и до конца жизни оставался вѣренъ своему господину. Такъ было положено начало норманнскаго господства въ Италіи ²⁾.

По смерти Вильгельма въ 1046 г. Норманны, по желанію Ваймара, избрали своимъ графомъ Дрогопа; вассальныя отношенія были скрѣплены еще больше бракомъ норманнскаго графа на дочери Салернскаго князя. Такъ Норманны, ставъ въ вассальныя отношенія къ сильнѣйшему италіанскому князю, приобрѣли твердое положеніе въ Апуліи. Вскорѣ они нашли себѣ еще болѣе сильнаго покровителя въ лицѣ Германскаго императора Генриха III; въ завоеваніи Апуліи Норманнами онъ видѣлъ торжество Запада надъ Восточною имперіей, и поэтому не могъ не покровительствовать этому завоеванію. Въ 1047 г. онъ отдалъ Аверсу въ ленъ Райнульфу, а графство Апулію—Дрогопу ³⁾.

Въ это время норманнское рыцарство въ южной Италіи постоянно увеличивалось новыми выходцами, шедшими сюда изъ тѣсной Нормандіи искать земель, богатства и славы. Ихъ привлекало про-

¹⁾ *Giesebrecht*, II, 418—419.

²⁾ *Giesebrecht*, II, 420; *De Blasiis*, I 174—174.

³⁾ *Giesebrecht*, II, 421—422; *De Blasiis*, I, 188.

славленное плодородіе Апуліи и быстрые успѣхи графовъ Аверсанскаго и Апулійскаго. Около 1047 года появляются два пылкіе отважные юноши, Робертъ Готвиль и Ричардъ Кварель. Послѣдній присоединился къ своему двоюродному брату Райнульфу. Единородные, но не единоутробные братья Роберта приняли его не слишкомъ благосклонно, и онъ сначала служилъ Пандульфу IV, но когда былъ обманутъ имъ, присоединился-таки къ братьямъ¹⁾.

До сихъ поръ папы, естественные враги Византіи и союзники Норманновъ, смотрѣли благосклонно на ихъ утверженіе въ южной Италіи. Но вскорѣ положеніе измѣнилось. Въ то время на римскомъ престолѣ сидѣлъ Левъ IX, папа весьма замѣчательный, который первый воспользовался такъ-называемою *Donatio Constantini*, подложною грамотою, по которой Константинъ Великій отдавалъ Римскому епископу всю Италію. Этотъ фактъ ясно показываетъ, чего добивался Левъ IX. Понятно, какъ пріятно ему было приглашеніе Беневентцевъ, изгнавшихъ своихъ князей, взять ихъ городъ въ свое управленіе. 5-го іюля 1051 г. прибылъ онъ въ Беневентъ и отправилъ туда Ваймара Салернскаго и Дрогона, поручивъ имъ защищать свое новое владѣніе; онъ строжайше обязалъ графа Апулійскаго удерживать Норманновъ отъ всякаго насилія противъ его новыхъ подданныхъ. Въ августѣ папа удалился съ Ваймаромъ въ Салерно, и въ это время произошла рѣзня между Норманнами и Беневентцами. Фактъ, ясно указывающій, что Норманны значительно усилились и уже не будутъ слѣпымъ оружіемъ въ чужихъ рукахъ, сильно разгнѣвалъ Льва. „Я найду средство“, воскликнулъ онъ, — „сохранить городъ и наказать дерзость Норманновъ!“ Съ этой минуты онъ сталъ заклятымъ врагомъ Норманновъ. Но напрасно папа считалъ Дрогона виновникомъ того, что случилось въ Беневентѣ. 10-го августа того же года этотъ графъ палъ жертвою заговора, возбужденнаго, какъ кажется, Греками; въ замкѣ Монте-Аллегро его поразилъ кинжалъ одного довѣреннаго ему Апулійца. Графомъ Апулійскимъ былъ избранъ Гумфридъ, братъ убитаго.

Между тѣмъ Левъ IX отлучилъ Норманновъ отъ церкви и готовился къ войнѣ съ ними; но когда онъ пришелъ въ Кампанію, и Ваймаръ Салернскій отказалъ ему въ помощи и отсовѣтовалъ вступить въ неравный бой съ Норманнами, все папское войско разбѣжалось и самъ папа спасся въ Неаполь. Вскорѣ затѣмъ, 3-го іюня

¹⁾ *De Blasiis* I, 200—202.

1052 г., былъ зарѣзанъ Ваймаръ, и съ тѣхъ поръ пало могущество его княжества. Не смотря на свою неудачу, папа не отказывался отъ мысли изгнать Норманновъ изъ Италіи и набралъ въ Германіи и Италіи небольшое войско, верномъ котораго были Швабы. Но сознавая свою слабость, онъ вступилъ въ переговоры съ Аргиромъ, предводителемъ греческаго войска, который былъ вновь присланъ для борьбы съ Норманнами. Пока эти завоеватели въ интересахъ Запада сражались съ Арабами и Византіядами, папы покровительствовали имъ какъ людямъ, служившимъ ихъ цѣлямъ; но когда Норманны стали обращать свои завоеванія въ свою пользу, они не могли уже быть терпимы папамъ; точно также являлись они сильнѣйшими противниками Византіи. Поэтому удалить Норманновъ изъ Италіи было одинаково въ интересахъ Запада и Востока. Не удивительно, что Аргиръ заключилъ союзъ съ Львомъ IX, и рѣшено было обоимъ войскамъ соединиться на границахъ Апуліи. Въ іюнѣ папа двинулся на соединеніе съ византійскимъ военачальникомъ и остановился въ мѣстечкѣ, называвшемся просто Городомъ, „Чивитате“, на равнинѣ, омываемой рѣкою Форторомъ. Норманны собрали всѣ свои силы. Ричардъ Аверсанскій соединился съ Гумфридомъ; къ нимъ присталъ и Робертъ съ Калабрійцами, набранными въ Калабріи, часть которой онъ успѣлъ уже покорить. Такимъ образомъ набралось до 3 тысячъ рыцарей, которые храбростью и военною опытностью значительно превосходили папское войско. Тѣмъ не менѣе Норманны находились въ весьма невыгодномъ положеніи: они стояли между двумя непріятелями, папой и греческимъ военачальникомъ; кромѣ того, къ нимъ враждебно относилось апулійское населеніе, страдавшее отъ гнета ихъ управленія. Поэтому былъ большой недостатокъ въ продовольствіи, приходилось даже питаться колосьями, срываемыми съ полей. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ Норманны послали посольство къ папѣ, предлагая ему отдать имъ въ лѣтъ ихъ завоеванія, съ тѣмъ что они будутъ платить ежегодную подать римской церкви. Но папа отвергъ всѣ ихъ предложенія, предоставляя имъ выборъ между смертью и бѣгствомъ. На это Норманны отвѣтили, что оружіемъ пріобрѣтенныя земли, оружіемъ будутъ защищать. Рѣшено было дать сраженіе въ пятницу 18-го іюня 1053 г. Папа, окруженный духовенствомъ, вошелъ на стѣны Чивитате, осѣнилъ войско знаменіемъ креста, отпустилъ грѣхи борцамъ за дѣло Христова и подалъ сигналъ къ выступленію. Войско раздѣлилось на двѣ части—на Швабовъ и Италіанцевъ. Противъ нихъ двинулись

Норманны подѣ предводительствомъ Гумфрида, Ричарда и Роберта. При первомъ натискѣ непріятеля обратились въ бѣгство Италіанцы; Швабы продолжали храбро сражаться, но осиленные численнымъ превосходствомъ противниковъ, были почти всѣ перерѣзаны Норманнами. Сраженіе при Чивитате имѣло для Италіи то же значеніе, какъ битва при Гастингсѣ въ исторіи Англій. Пораженіе это поставило папу въ весьма затруднительное положеніе. Жители городка Чивитате, видя себя беззащитными, боялись ярости побѣдителей Норманновъ и возстали противъ Льва, котораго они нѣсколько дней передъ тѣмъ добровольно впустили къ себѣ. Они ограбили папу и покушались выгнать его изъ города, такъ что и ему и кардиналамъ пришлось дрожать за свою жизнь. Тогда совершилось какъ бы чудо, спасшее ихъ. Графъ Гумфридъ самъ предложилъ проводить папу въ Беневентъ съ однимъ только условіемъ, чтобъ онъ снялъ съ нихъ церковное отлученіе. Разгадку такого страннаго поведенія надо искать въ отношеніяхъ, которыя установились между Норманнами и побѣжденнымъ апулійскимъ населеніемъ. Верховенство графовъ Аверсанскаго и Апулійскаго было болѣе фивитивное, чѣмъ реальное. Каждый рыцарь собиралъ вокругъ себя нѣкоторое число солдатъ и проходивцевъ и старался силою и хитростью отноровать себѣ кусокъ земли; они грабили сосѣдей, налагали подати и налоги. Всякій старался расширить свои владѣнія и увеличить богатство. Съ каждымъ днемъ увеличивалось ихъ число; они угнетали туземное населеніе, отнимали у церковныхъ владѣльцевъ замки, земли, города, дома, даже женъ, разграбляли церковное имущество, произвольно производили самые тяжкіе поборы. Неудивительно, что апулійское населеніе враждебно относилось къ своимъ побѣдителямъ, и что Гумфридъ хлопоталъ о сложеніи страшной церковной кары, которая могла сдѣлаться сильнымъ оружіемъ въ пользу угнетаемаго народа. Положеніе Льва IX было на столько отчаянное, что онъ долженъ былъ согласиться на предложеніе Гумфрида. И вотъ побѣдители-Норманны пали на колѣна предъ побѣжденнымъ непріателемъ и облобызали его ноги. Папа снялъ съ Норманновъ церковное отлученіе, и они составили ему почетный конвой до Беневента. Но примиреніе это было не искренне: папа не оставлялъ своего плана изгнать Норманновъ изъ Апуліи и для этого вступилъ въ переговоры съ Аргиромъ, который также нуждался въ его помощи, тѣмъ болѣе, что недавно понесъ пораженіе отъ Норманновъ. Однако союзъ папы съ Византіей не состоялся, потому что въ это время начались церковныя недоразумѣнія между Западомъ

и Востокомъ, которыя окончились такъ-называемымъ окончательнымъ раздѣленіемъ церкви 1054 г. ¹⁾).

Съ этого времени начинаютъ возвышаться два побѣдители при Чивитате, Ричардъ и Робертъ Готвиль, прозванный однимъ изъ своихъ родственниковъ Гвискаромъ, то-есть, хитрецомъ. Ричардъ получилъ въ 1047 г. въ ленъ графство Аверсу, а Робертъ, основавъ на мѣстѣ, данномъ ему братомъ Гумфридомъ, небольшую деревянную крѣпость, названную имъ *Rossa di San Marco*, завоевалъ къ 1057 г. часть Калабрін. Когда въ томъ же году умеръ Гумфридъ, оставивъ двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Абеяра и Германа, Робертъ Гвискаръ былъ избранъ Норманнами въ графы Апуліи. На слѣдующій годъ Ричардъ осадилъ и завоевалъ Капую и положилъ конецъ этому лангобардскому княжеству; Ричардъ назывался съ тѣхъ поръ княземъ Капуи, и графство Аверса потеряло свое самостоятельное значеніе. Между тѣмъ Робертъ раздвинулъ свои владѣнія почти до Мессинскаго пролива и сталъ зваться герцогомъ Апуліи и Калабрін. Въ это время норманскія завоеванія получаютъ иное значеніе, чѣмъ прежде; въ началѣ норманскіе рыцари находились подъ покровительствомъ германскаго императора и папъ, а княжества, основанныя Ричардомъ и Робертомъ, были вполнѣ независимы. Въ интересахъ папъ было привлечь на свою сторону этихъ отважныхъ, сильныхъ завоевателей; норманскіе рыцари съ своей стороны питали глубокое уваженіе къ преемникамъ апостола Петра, страшились отлученія отъ церкви, которому ихъ всегда могли подвергнуть, нуждались въ томъ, чтобы ихъ завоеванія были освящены авторитетомъ церкви. Не удивительно же, что Гильдебрандъ, правая рука папы Николая II, призналъ Ричарда княземъ Капуи, а послѣдній, ставъ вассаломъ Римскаго престола, помогалъ папѣ въ его борьбѣ съ римскою знатію. Въ 1059 г. въ городѣ Мельфи было свиданіе Римскаго первосвященника съ обоими норманскими завоевателями. Ричардъ и Робертъ принесли ленную присягу папѣ и были утверждены: первый — княземъ Капуи, второй герцогомъ Апуліи, Калабрін и Сициліи, хотя ему еще не принадлежало ни клочка на этомъ островѣ. До насъ дошла ленная присяга, подписанная Гвискаромъ: онъ обязывался защищать папу и всѣ его владѣнія, не нападать на княжество Венецианское и папскія земли, платить ежегодную подать, всѣ церкви въ своихъ владѣніяхъ подчинить верховенству папы. Ленъ Роберта можно раздѣ-

¹⁾ *Giesebrecht*, II, 485—505; *De Blasiis*, I, 220.

лить на двѣ части: къ первой относятся тѣ владѣнія, которыя принадлежали или считались принадлежащими Римской церкви, ко второй—земли, которыми прежде владѣли Греки и Арабы. По отношенію къ перваго рода землямъ папа являлся прямымъ сюзереномъ, и съ нихъ — то и требовалъ подати; а въ провинціяхъ Апуліи, Калабріи и Сициліи Гвискаръ долженъ былъ только подчинить церкви папѣ, вмѣсто Константинопольскаго патріарха, и ввести латинскіе обряды вмѣсто греческихъ. Въ одномъ случаѣ Робертъ является настоящимъ вассаломъ папы, въ другомъ скорѣе его союзникомъ, чѣмъ подданнымъ¹⁾.

Союзъ съ норманнскими князьями, хотя искренній и дружественный, доставилъ не мало хлопотъ папѣ. Правда, они дѣятельно проводили въ своихъ владѣніяхъ всѣ мѣропріятія папы, чтили церкви и монастыри, но тѣмъ не менѣе они были болѣе воинственны, чѣмъ благочестивы, и ихъ развивающееся могущество не могло не внушать опасеній папѣ. Изъ лангобардскихъ княжествъ оставались еще Беневентское и Салернское, на которое зарился Ричардъ и Робертъ и которое папа старался отстоять. Въ видахъ политическихъ Гвискаръ развелся со своею первою женою Альберадой, приходившеюся ему родственницею, и женился на Сигельгантѣ, сестрѣ князя Салернскаго Гвульфа. Между тѣмъ владѣнія его все расширялись: въ 1060 году онъ отвоевалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Рожеромъ Тарентъ и Бриндизи у Грековъ, и покоривъ Реджіо и Сквиллаче, окончательно закрѣпилъ за собою Калабрію. Его манила Сицилія, прославленная своимъ плодородіемъ и своими естественными богатствами. Въ 1061 г. предпринята была имъ первая сицилійская экспедиція, городъ Мессина былъ взятъ, и это послужило основаніемъ норманнскаго господства въ Сициліи; слава покоренія этого острова принадлежитъ Рожеру; Роберту нельзя было удалиться на долго изъ своихъ владѣній: его отсутствіемъ всегда могли воспользоваться Византійцы и завидовавшій его могуществу Ричардъ Капуанскій. Поэтому онъ отдалъ Сицилію и даже половину Калабріи въ ленъ Рожеру, а самъ обратилъ всѣ свои силы на окончательное завоеваніе Апуліи. Въ 1068 г. онъ взялъ Отранто и осадилъ Бари, послѣдній оплотъ византійскаго могущества въ Италіи. Осада эта представила величайшія затрудненія, потому что у Роберта не было достаточнаго флота, а осажденные получали постоянныя подкрѣпленія изъ Византіи и

¹⁾ *Giesebrecht*, III, 29—36, 45—47; *De Blasiis*, II, 53—57.

находили сочувствіе въ апуліинскомъ населеніи. На третій годъ осады, въ Лазарево воскресенье, палъ Бари. Съ этихъ поръ греческая власть въ Италиі была окончательно сломлена, Апулія и Калабрія закрѣплены за Норманнами. „Тѣмъ не менѣе“, говорятъ де-Влазіисъ, — еще не было государства, а только беспорядочная агрегація, центръ которой составлялъ герцогъ; города не были ни вполне свободны, ни зависимы, какъ стали впоследствии; графы не были вполне самостоятельны и не были вассалами, какими стали позже. Еще былъ живъ контрастъ между новымъ и старымъ порядкомъ; но преобладали начала перемѣны“¹⁾).

Побѣды Роберта не давали покоя Ричарду, князю Капуи. Чтобы проложить себѣ путь въ Салерно, онъ женилъ своего сына Юрдана на сестрѣ Сигельганты, а въ концѣ 1071 г., когда Робертъ помогалъ Рожеру въ осадѣ Палермо, поднялъ возстаніе противъ него. Съ нимъ соединились двоюродный братъ Амикъ, сыновья Гумфрида, Абеларъ и Германъ, и другіе самые сильныя апуліійскіе вассалы. Но Робертъ и на этотъ разъ одолѣлъ противниковъ, съ большимъ трудомъ отнималъ онъ у графовъ городъ за городомъ, и наконецъ, совершенно подавилъ возстаніе. Но это стоило ему очень дорого: весной 1073 г. онъ заболѣлъ такъ опасно, что пронеслась молва, будто онъ умеръ²⁾.

Извѣстіе это сильно обрадовало знаменитаго папу Григорія VII: онъ опасался возрастающаго могущества Роберта Гвискара, и потому старался поддерживать хорошія отношенія съ Гизульфомъ Салернскимъ, Ландульфомъ Беневентскимъ, и главнымъ образомъ съ Ричардомъ Капуанскимъ, ставшимъ изъ союзника врагомъ Роберта. Лѣтомъ 1073 г. папа отправился въ Беневентъ и звалъ Роберта къ себѣ съ тѣмъ, чтобы послѣдній принесъ ему здѣсь ленную присягу. На это приглашеніе герцогъ со своими вассалами двинулся въ путь и сталъ лагеремъ предъ воротами Беневента. Григорій приглашалъ его вступить въ городъ, но тотъ отказывался подъ тѣмъ предлогомъ, будто не можетъ довѣрять Беневентцамъ, и съ своей стороны просилъ папу имѣть свиданіе въ его лагерь. Но папу никакъ нельзя было побудить войти въ палатку съ его ленника, окруженную вооруженными Норманнами. Дѣло кончилось тѣмъ, что Робертъ, исполненный гнѣва, ушелъ и не принесъ присяги папѣ. Вслѣдствіе такой неудачи Григорій VII успѣшилъ принять ленную присягу отъ Ричарда, по

¹⁾ *De Blasiis*, II, 144; *Giesebrecht*, III, 189—198.

²⁾ *Giesebrecht*, III, 201; *De Blasiis*, II, 160—174.

соглашенію съ Ландульфомъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ княжество Беневентское, а самого князя низвелъ на степень своего наместника. Поэтому, когда Робертъ сдѣлалъ въ 1074 г. нападеніе на Беневентъ, это было равносильно вторженію въ Папскую область. Въ то же время продолжалась и борьба Гвискара съ Ричардомъ, которому удалось даже поднять противъ него нѣсколько вассаловъ и между прочимъ Абельра, сына Гумфрида; впрочемъ, переицъ въ этой борьбѣ былъ на сторонѣ Роберта. Но на слѣдующій годъ герцогъ и князь Капуи, имѣя въ виду новыя завоеванія, подали другъ другу руку и рѣшились помогать другъ другу. Вслѣдствіе этого союза сынъ Ричарда Иорданъ въ скоромъ времени завоевалъ часть герцогства Сполетскаго, а Робертъ—Камеринскую марку. Въ 1078 г. Гвискаръ осадилъ и взялъ Салерно, и пало послѣднее лангобардское княжество въ южной Италіи; на слѣдующій годъ, онъ осадилъ и Беневентъ. Въ наказаніе за такіе дерзкіе поступки и нарушеніе присяги, Григорій VII отлучилъ отъ церкви всѣхъ Норманновъ, которые нападали на владѣнія св. Петра ¹⁾.

Въ 1078 г. умеръ Ричардъ, и вновь возобновилась вражда между Капуей и Гвискардомъ. Папѣ, который постоянно старался ссорить Норманновъ между собою, и Иордану удалось поднять противъ Роберта сильнѣйшее возстаніе; противъ него возмутились почти всѣ его и бывшіе Ричардовы вассалы и мѣстное населеніе многихъ городовъ. Только въ веснѣ 1080 г. Роберту удалось подавить окончательно это возстаніе, которое, казалось, должно было окончательно сокрушить его власть, и показать всей Италіи, какъ онъ ²⁾ достоинъ, и какъ опасно быть его противникомъ ²⁾.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ положеніе папы существенно измѣнилось: дружественныя связи съ Генрихомъ IV были окончательно порваны, съ сѣвера угрожала война, приходилось протянуть руку примиренія Норманнскому герцогу, чтобъ одновременно не подвергнуться нападению и съ юга. Въ такихъ обстоятельствахъ папа снялъ съ Роберта церковное отлученіе и въ Чеперано Гвискаръ призналъ себя вассаломъ папы. Онъ поклялся защищать папскія владѣнія, заботиться о спокойствіи святаго отца, подчинить всѣ свои церкви авторитету Рима и со всѣхъ папскихъ владѣній, которыя находились въ его рукахъ, платить ежегодную подать. За это папа призналъ

¹⁾ *Giesebrecht*, III, 236—238, 241, 334, 443, 448.

²⁾ *De Blasiis*, II, 243—253.

Роберта герцогомъ Апуліи, Калабріи и Сициліи и предоставилъ ему также Салерно, Амальфи и часть Ферманской марки ¹⁾.

Близость Византіи, доходившіе слухи о богатой добычѣ варваровъ, разграблявшихъ Восточную имперію, Печенѣговъ и Половцевъ, Славянъ, Сельджуковъ, невольно должны были навести Норманновъ на мысль о походѣ на Царьградъ. Норманнамъ не стоило большого труда покорить греческіе города въ южной Италиі; имъ приходило на умъ, что завоеваніе самой Византіи, или по крайней мѣрѣ, части ея земель не должно представлять особеннаго затрудненія. Въ 1080 г. Робертъ, подавивъ вышеупомянутое возстаніе, окончательно укрѣпился въ южной Италиі; отношенія къ папѣ, поглощенному борьбою съ Генрихомъ IV, установились самыя дружественныя, ничто не препятствовало Роберту подумать о походѣ на чужую страну, объ отпущеніи изъ отечества значительнаго количества военныхъ силъ съ цѣлію приобрѣтенія новыхъ земель, новой добычи и новой славы. Моментъ былъ самый благоприятный: Никифоръ Вотаниатъ, незаконно захватившій византійскій престолъ, столь же незаконно свергнулся великимъ domestикомъ Алексѣемъ Комнинымъ. Борьба эта требовала большихъ усилій съ обѣихъ сторонъ, и Робертъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ, что нападеніе его въ такую минуту встрѣтитъ весьма незначительный отпоръ. Однако, никакой причины къ войнѣ не было, надо было подыскать поводъ: такой поводъ скоро представился.

Въ 1080 г. пришелъ къ Роберту въ Апулію какой-то Грекъ, назвавшійся императоромъ Михаиломъ, и просилъ его помочь ему возвратиться вновь на Константинопольскій престолъ. Видимою причиною такой просьбы было свойство императора Михаила съ герцогомъ Апуліи. Михаилъ VII Дука (1071—1078 гг.) обручилъ своего сына Константина съ Еленою, дочерью Роберта, когда тому было всего два-три года; низвергнувшій Михаила Никифоръ Вотаниатъ разорвалъ этотъ брачный договоръ и отослалъ Елену, которая находилась при Константинопольскомъ дворѣ, къ ея отцу ²⁾. Не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ хроникахъ мы читаемъ, будто это былъ не самозванецъ, а

¹⁾ *Giesebrecht*, III, 496—497. Краткій очеркъ покоренія Норманнами южной Италиі можно найти еще въ хорошемъ, но устарѣвшемъ сочиненіи *Фойта*: *Hildebrand als Papst Gregorius VII und sein Zeitalter*. Weimar, 1846 (2-е изд.).

²⁾ *Л. Г. Васильевскаго*, Византія и Печенѣги (*Ж. М. Н. Пр.* 1872, декабрь, стр. 309).

истинный императоръ ¹⁾, этого извѣстія нельзя признать достовѣрнымъ, кромѣ противорѣчія другихъ источниковъ, и по инымъ соображеніямъ. Михаилъ Дука послѣ своего низверженія былъ сперва заключенъ въ Студійскомъ монастырѣ, затѣмъ постриженъ и сдѣланъ митрополитомъ Эфесскимъ. Объ этомъ говорятъ и Вріенній, и Зоара, и Анна; этого не могли не знать на Западѣ ²⁾. Состояніе Византійской имперіи, гдѣ то и дѣло одинъ императоръ свергалъ другаго, было таково, что появленіе самозванца было весьма возможно, и онъ могъ найти приверженцевъ. Анна говоритъ, что въ народѣ ходили разные слухи о самозванцѣ Михаилѣ: одни считали его обманщикомъ, другіе вѣрили ему. И повдѣе приходится встрѣчаться съ самозванцами; напримѣръ, въ 1091 г. появился какой-то бродяга, выдававшій себя за сына императора Романа Діогена, и нашлось не мало людей, которые ему вѣрили ³⁾. Этими же-Михаиломъ рѣшился воспользоваться Робертъ; онъ имѣлъ какъ бы истинную причину къ войнѣ съ Византіей: онъ вступался за права оскорбленнаго свояка и шелъ походомъ затѣмъ, чтобы отмстить за него и возвратить ему престолъ ⁴⁾.

¹⁾ Lup. Prot. a. a. 1080: Et hoc anno imperator Michail descendit in Apuliam. Точно также Ордериъ Виталій (кн. VII): perturbatus vero Michael in Italiam confugit. Но Малатерра (III, 13), Вильгельмъ Апулійскій (IV, 162—163), Ромуальдъ Салерскій (подъ 1080 г.) говорятъ о самозванцѣ.

²⁾ Византія и Печенѣги, стр. 309.

³⁾ Тамъ же, стр. 289.

⁴⁾ Анна (I, p. 29—30) говоритъ, что самозванецъ этотъ былъ въ дѣйствительности монахъ Ректоръ. Она передаетъ еще другой слышанный ею разказъ: будто Робертъ уговорилъ какого-то невѣстнаго человека назваться императоромъ Михаиломъ и разыграть роль самозванца, прийти къ нему просить помощи и т. д. Но разказъ этотъ, который Анна считаетъ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ первый слухъ о самостоятельномъ самозванствѣ, съ одной стороны не подтверждается другими источниками, а съ другой — оказывается весьма сомнительнымъ, когда мы обратимъ вниманіе на основаніе, которое приводитъ Анна къ такому дѣйствию Роберта. «Задумавъ войну съ Ромейцами», говоритъ она, — «онъ издавна приготовлялся къ ней, но всегда встрѣчалъ препятствія со стороны нѣкоторыхъ своихъ графовъ и самой своей жены Ганты, которые говорили ему, что онъ начинаетъ *войну несправедливую и возстанетъ противъ христіанъ*, а потому многократно удерживали его стремленія. Желая найти благовидный предлогъ и т. д. Такъ могла разсуждать греческая царица, но не такъ думали славолюбивые норманскіе рыцари, отвоевавшіе южную Италію у христіанъ.

Малатерра (III, 13) сообщаетъ, что Робертъ воспользовался самозванцемъ съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ удачи посадить его на Константинопольскій престолъ и подъ его именемъ править самому.

Подъ столь благовиднымъ предлогомъ Робертъ начинаеть готовиться къ войнѣ. Онъ снаряжаетъ флотъ, въ количествѣ 15 судовъ различнаго вида, и назначаетъ сборнымъ пунктомъ Отранто. Сколько у него было войска—опредѣленно сказать нельзя; показанія колеблются между 1300 и 30 тысячами ¹⁾. Эта послѣдняя цифра, приведенная въ Алексіадѣ, конечно слишкомъ велика; византійская царица жила слишкомъ долго спустя послѣ описываемаго похода, чтобъ имѣть точныя статистическія свѣдѣнія. Кромѣ того, преувеличеніе числа противниковъ—явленіе самое обыкновенное у средневѣковыхъ писателей того времени. Лучшими свидѣтелями могутъ служить современники, Малатерра и Вильгельмъ Апулійскій. Первый указываетъ на 1,300 человекъ, но, по видимому, разумѣетъ при этомъ только рыцарей, безъ ихъ оруженосцевъ и свиты. Если принять за вѣрное, что у Роберта было 15 судовъ и на каждомъ суднѣ помѣщалось 200 человекъ, окажется, что численность норманскаго войска уже доходила до 3,000; Ордерикъ Виталій говоритъ о десяти тысячахъ военныхъ людей; и такъ какъ его показаніе можетъ быть соотнесено съ предмудрымъ Малатерры, то едвали не слѣдуетъ остановиться на этой цифрѣ, считая ее за maximum.

Робертъ обратился къ своему сюзерену, папѣ Григорію VII, и просилъ его содѣйствія въ предстоящей войнѣ съ Византіей. Григорій VII, въ планы котораго входило всякое ослабленіе Восточной имперіи, написалъ по этому случаю посланіе, въ которомъ увѣщевалъ епископовъ Апуліи и Калабрій поддерживать въ войскахъ Роберта вѣрность къ нему и побуждать ихъ храбро содѣйствовать предпріятію герцога. Одобреніе папы было весьма важно для Роберта: онъ могъ быть увѣренъ, что въ случаѣ какого-либо возстанія въ его отсутствіе Римскій первосвященникъ заступится за его права.

Робертъ Гвискардъ былъ женатъ два раза; отъ первой жены Альберадн у него былъ только одинъ сынъ, Воэмундъ, а отъ второй, Сигельгаиты,—нѣсколько, и старшій между ними былъ Рожеръ. Вотъ этому-то Рожеру онъ поручилъ править Апуліей въ свое отсутствіе,

¹⁾ Малатерра (III, 24) и Вильгельмъ Апулійскій (IV, 200) говорятъ, что у Роберта было 15 судовъ. О количествѣ войска у перваго: *ipse armatae militiae, non plusquam 1300 milites secum habuisse, ab eis qui eidem negotio interfuerunt, attestatur. Ord. Vit. VII. (III, 170): In exercitu quippe suo non plusquam decem milia bellatorum habebat.* Анна Комнина пишетъ, что норманскій флотъ состоялъ изъ 150 судовъ, и что на каждомъ суднѣ было по 200 человекъ, то-есть, всего 30,000 войска.

а Возмунда взялъ съ собою въ походъ ¹⁾). Съ этой минуты начинается историческая роль Возмунда, получившаго впоследствии столь громкую извѣстность.

Такимъ образомъ весной 1081 г. Робертъ былъ готовъ выступить въ походъ, и все войско было собрано въ Отранто.

Въ то время, какъ Робертъ окончательно укрѣпился въ Италіи и могъ совершенно спокойно предпринять завоевательный походъ безъ страха, что въ это время рухнетъ сооруженное имъ зданіе, Византійская имперія находилась въ довольно плачевномъ состояніи. По словамъ Анны, „царь Алексѣй замѣчалъ, что царство его находится какъ бы въ предсмертной агоніи“ ²⁾). Онъ занятъ былъ борьбою съ Вотавіатомъ, въ то время какъ Робертъ снаряжалъ уже флотъ. Кромѣ того, Турки не давали покоя имперіи, и Алексѣй поспѣшилъ заключить съ ними далеко не выгодный миръ, лишь бы только ему не приходилось въ одно и то же время защищаться противъ страшныхъ варваровъ Востока и не менѣе страшнаго варвара Запада ³⁾). У императора не было ни достаточно войска, ни денегъ. Кромѣ того, онъ еще не укрѣпился на престолѣ и долженъ былъ осторожно выбирать полководцевъ, постоянно боясь измѣны, ибо было не мало людей, преданныхъ только что сверженному Вотавіату. Алексѣй Комнинъ воцарился 1-го апрѣля 1081 г., и только съ этого дня онъ могъ начать дѣятельныя приготовленія противъ Роберта. Первое, о чемъ подумалъ императоръ, было укрѣпить Иллирикъ — провинцію, на которую Норманны естественно должны были напасть прежде всего. Дуксомъ Иллирика въ царствованіе Вотавіата былъ Георгій Мономахъ, который, въ виду личныхъ интересовъ, во время борьбы Алексѣя съ Никифоромъ, держался нейтрально, не знавъ—чья сторона одержитъ верхъ ⁴⁾, и отказалъ въ помощи Алексѣю. Воцарившись, императоръ рѣшился смѣстить Мономахата и назначилъ на его мѣсто своего свояка и весьма преданнаго ему человѣка, Георгія Палеолога ⁵⁾). Главнымъ оплотомъ Иллирика служила очень сильная крѣпость Драчь (Диррахій), древній Эпидамнъ; ее-то Алексѣй при-

¹⁾ Mal. III, 24; Guil. Apul. IV, 193—194; Ord. Vit. VII; Romuld. a. a. 1081.

²⁾ Anna Comn. III, p. 91.

³⁾ Anna Comn. III, p. 94—96.

⁴⁾ Anna Comn. I, p. 39.

⁵⁾ Алексѣй Комнинъ и Георгій Палеологъ были женаты на родныхъ сестрахъ: См. Доклаждъ, прил. къ р. 92 Алексіады.

казаль укрѣпить какъ можно лучше, велѣвъ устроить на стѣнахъ города бѣлницы по новому способу, то-есть, множество бревенъ на верху оставить не пригвожденными, чтобы, когда вздумается осаждающимъ валѣзать на нихъ по лѣстницамъ, они опрокидывались и вмѣстѣ съ ними падали на земь ¹⁾. Крѣпкія стѣны вокругъ Драча были такъ широки, что на нихъ могли помѣститься рядомъ четыре всадника.

Воясь, что не хватитъ собственныхъ силъ, императоръ Византійскій обратился за помощію на Западъ. Онъ посылаетъ грамоты— норманскому графу Герману, брату Абелара, племяннику и врагу Роберта, котораго послѣдній лишилъ владѣній и имущества, архіепископу Капуи Ербію и Германскому императору Генриху IV. Всѣмъ имъ онъ сулитъ богатые дары, если они помогутъ ему въ войнѣ противъ Роберта. Но большая часть этихъ посланій осталась безъ серьезныхъ послѣдствій: Генриху IV требовалось столько силъ для борьбы съ папою, что онъ не могъ принять дѣятельнаго участія въ дѣлахъ константинопольскихъ, хотя былъ радъ союзу съ Византіей. Католическіе епископы уже никакъ не стали бы способствовать величію монарха, не признающаго верховенства ихъ церкви. На призывъ Алексѣя къ нему явились Абеларъ и Германъ, нѣсколько разъ какъ мы видѣли неудачно возстававшіе противъ Роберта, и былъ присланъ небольшой норманскій отрядъ, сражавшійся противъ своего единоплеменника ²⁾. У Алексѣя не было достаточно флота, и для пополненія своихъ морскихъ силъ, онъ обратился къ самой сильной и самой близкой къ Византіи морской державѣ, Венеціи. За хорошее вознагражденіе Венеціанцы не отказались служить императору, и какъ увидимъ ниже, оказали ему большую услугу ³⁾. Финлей справедливо замѣчаетъ, что въ интересахъ Венеціи было помочь Византіи, чтобы торговые пути съ Греціей и Востокомъ не попали въ руки Роберта ⁴⁾. Въ отношеніи торговой конкуренціи отважные моряки-Норманны были гораздо опаснѣе Византійскаго императора.

Сухопутное войско, которымъ могъ располагать Алексѣй, состояло изъ разнородныхъ частей, въ составъ которыхъ входили разныя племена, населявшія имперію, и наемные отряды. Отрядамъ экскубито-

¹⁾ Anna Comn. III, p. 92—93.

²⁾ Mal. III, 6.

³⁾ Anna Comn. IV p. 105; Mal. III, 26; Guil. Ap. IV, 275 и сл.

⁴⁾ G. Finlay, History of the Byzantine and Greek empires, Vol. II, p. 94.

ровъ греческаго происхожденія, то-есть, дворцовой царскою гвардіей, командовалъ Константинъ Олъ; македонскимъ, то-есть, мѣстнымъ ополченіемъ Македоніи, гдѣ значительный контингентъ жителей составляли Славяне, начальствовалъ Антиохъ; командованіе охридскими Турками было поручено великому прииакрью Татию, крещенному мусульманину; во главѣ особаго отряда гвардіи, вестяриотовъ, состоявшаго изъ ближнихъ людей императора благороднаго происхожденія, стоялъ Панукомитъ. Было еще наемное войско, норманнское, подъ начальствомъ Константина Гумбертопула, вѣроятно, одного изъ племянниковъ Гвискара, и вараго-англійская дружина подъ начальствомъ Нампита, происхожденіе котораго не извѣстно. Кроме того, къ императорскому войску присоединились 2,800 филиппопольскихъ манихеевъ или павликианъ, подъ предводительствомъ Ксанты и Кулеона, великій домашній Пакуріанъ съ мѣстными войсками и сербскій отрядъ подъ командою Водина, вассала и союзника императора Алексѣя ¹⁾. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы хотя приблизительно опредѣлить численность византійскаго войска. Прошло довольно много времени, пока было организовано и снаряжено все это войско, и Алексѣй могъ выступить изъ Византіи только въ августѣ 1081 г. ²⁾. Въ этомъ-то и заключалось большое преимущество Роберта въ началѣ войны; онъ успѣлъ приготовиться и мобилизовать войско гораздо раньше императора.

Въ мартѣ Норманны сѣли на суда, и изъ Отранто началась переправа въ Илирикъ ³⁾. Часть флота остановилась въ Вутротѣ, городѣ, лежащемъ на берегу Адриатическаго моря, противъ сѣверо-восточнаго берега остр. Корфу (въ нынѣшней южной Албаніи), а часть была послана для занятія острова Корфу. Диверсія эта окончилась

¹⁾ *Anna Comn.* IV p. 109; *Mal.* III 27: *Angli, quos Varingos appellant.* Ср. В. Г. Васильевскій, Вараго-русская и вараго-англійская дружина стр. 136—139. (*Ж. М. Н. Пр.* 1875' мартъ); того же автора *Совѣты и разказы боярина XI в.*, стр. 320—324 (*Ж. М. Н. Пр.*, 1881 авг.).

²⁾ *Anna Comn.* IV, p. 106.

³⁾ *Mal.* III, 24; *Rothwald.* s. a. 1081; *Ord. Vit.* VII; *Anon. Bar.* (*Murat.* V, 153). Анна говоритъ, что Робертъ переправился изъ Бриндизи и выбралъ эту гавань потому, что переездъ оттуда въ Илирикъ короче, чѣмъ изъ Отранто. Извѣстіе это, однако, не заслуживаетъ довѣрія по тѣмъ противорѣчіямъ, въ которыя впадаетъ Анна. Она говоритъ сначала, что Робертъ имѣлъ намѣреніе переехать къ Никополю, потому—что онъ переехалъ въ Вутротѣ, сперва—что время было зимнее, а потомъ—лѣтнее (ср. I p. 37, и III, p. 98).

очень удачно: города Кассионе и Корфу были взяты, и въ маѣ островъ покорился Роберту ¹⁾. Сдѣлать этотъ маневръ было необходимо, чтобы обезопасить тылъ и плечь спокойно къ главвой цѣли, Драчу. Въ Вутротѣ была высажена часть войска и отправлена сухимъ путемъ подъ командою Воэмунда ²⁾. Флотъ подъ начальствомъ Роберта поплылъ по берегу по направленію къ Главиницѣ, древней Акрокеравни, находившейся на мысу Акрокеравни, нынѣ называемомъ Глоссой. Переходъ былъ не вполне удаченъ, флотъ потерялъ нѣкоторый уронъ отъ настигшей его бури, такъ что для поправленія его пришлось провести нѣсколько дней въ Главиницѣ ³⁾. Между тѣмъ Воэмундъ шелъ побѣдителемъ сухимъ путемъ; онъ завоевалъ Авлону, Канину, доселѣ существующій городъ въ южной Албаніи, недалеко отъ берега Адриатическаго моря, къ юго-востоку отъ Авлоны, и безпрепятственно дошелъ до Драча; безъ дальнѣйшихъ препятствій доплылъ туда и Робертъ ⁴⁾. Ни въ западныхъ хроникахъ, ни въ запискахъ греческой царицы не сохранилось никакихъ извѣстій о сопротивленіи, оказанномъ Норманнамъ въ началѣ ихъ похода. Изъ этого видно, что сопротивленія почти никакого не было. Робертъ останавливается въ Главиницѣ, второмъ послѣ Драча городѣ такъ, какъ будто онъ находится у себя дома. Если предположить, что этотъ городъ былъ раньше покоренъ Воэмундомъ, то отсутствіе у современниковъ и намекъ на его защиту указываетъ на то же самое. Причина такой слабой защиты заключается, кажется, отчасти въ томъ, что мѣстное населеніе Иллирика состояло главнымъ образомъ изъ Славянъ, довольно равнодушно относившихся къ интересамъ Византіи, предпочитавшихъ выбрать изъ двухъ золъ меньшее и безъ сопротивленія отдаться въ руки войска, которое непременно должно

¹⁾ Lur. Prot. v. a. 1061; Guill. Ar. IV, 200 и сл.; Mal. III, 24; Anon. Bar. S. a. 1061.

²⁾ Anna Comn. III, p. 98. Кромя нѣкоторыхъ у насъ смутныхъ указаній на дѣленіе войска на два отряда, морской и сухопутный, это предположеніе можетъ быть подтверждено еще тѣмъ соображеніемъ, что необходимо было добывать провѣантъ и не возможно было оставлять лошадей долго на судахъ безъ сѣна, а неудобно было везти съ собою достаточное его количество, хотя бы на нѣсколько дней.

³⁾ Anna Comn. III, p. 98, 99. Она преувеличиваетъ ущербъ, понесенный смотомъ отъ этой бури; это ясно будетъ изъ того, какая сила была противопоставлена Венеціанцамъ. Guill. Ar. IV, 218 и сл.

⁴⁾ Mal. III, 24; Guill. Ar. IV, 231 и сл.

было оказаться побѣдителемъ, чѣмъ жертвовать людьми и въ случаѣ почти вѣрной неудачи очутиться въ гораздо худшемъ положеніи. Кромѣ того, въ Илирикѣ не могло быть много мѣстнаго войска, а набранные императоромъ отряды не успѣли еще прибыть на театръ войны. Въ этомъ-то и выразилось преимущество Роберта, успѣвшаго гораздо скорѣе мобилизовать войско; еслибъ Алексѣй нѣсколькими мѣсяцами раньше, могъ сдѣлать то, что было сдѣлано позже, дѣло могло принять совсѣмъ иной оборотъ. Не такъ легко было бы приступить къ Драчу, если бы въ его гавани уже стоялъ венеціанскій флотъ.

Во второй половинѣ іюня ¹⁾ Робертъ расположился лагеремъ у самаго Драча и обложилъ городъ. Флотъ былъ поставленъ на сѣверо-западѣ, а сухопутное войско съ другихъ сторонъ. Робертъ осаждалъ городъ, согласно тогдашнему военному искусству, камнеметательными и другими машинами. Въ самомъ началѣ осады Георгій Палеологъ, успѣвшій уже смѣстить Мономахата и заняться, согласно съ императорскимъ повелѣніемъ, укрѣпленіемъ города, сдѣлалъ вылазку, но неудачную. Онъ былъ разбитъ и получилъ, неопасную впрочемъ, рану ²⁾. Послѣ первой побѣды надъ Палеологомъ, Робертъ выстроилъ башню вышиною съ городскія стѣны, такъ чтобы можно было, придвинувъ башню къ стѣнамъ, отворить верхнюю дверь и пройти по ней на стѣну. Дверь эта открывалась, вѣроятно, не такъ, какъ наши, а сверху внизъ, такъ что отворенная представляла нѣчто въ родѣ моста, по которому легко было пройти на крѣпостную стѣну. Это былъ обыкновенный приѣмъ атаки; башня могла вмѣстить въ себѣ около 500 человѣкъ, такъ что въ случаѣ удачи, народу было достаточно, чтобы, пробравшись въ городъ, сломать ворота. Но Палеологъ, узнавъ объ этомъ планѣ противника, выстроилъ внутри города такую же башню съ брусомъ, который, будучи надвинутъ на неприятельскую башню, не позволялъ двери открыться. Вслѣдствіе этого контрманевра, маневръ Роберта не удался; 500 человѣкъ въ башнѣ ничего не могли сдѣлать, потому что не было никакой возможности открыть дверь; въ

¹⁾ Anna Comn. IV, p. 102; Ord. Vit. VII (III, 170); Anon. Bar. s. a. 1081.

²⁾ Anna Comn. IV, p. 110; Ord. Vit. въ 7-й книгѣ (III, 172) рассказываетъ, что Воевундъ, вышедши на сраженіе съ 50 всадниками, наткнулся на 500 неприятелей и нанесъ имъ пораженіе. Guill. Ar., IV, 324 и сл., говоритъ также, что Греки были разбиты еще до прибытія Алексѣя. Вѣроятно, всѣ эти не сходные въ подробностяхъ разсказы относятся къ той же вылазкѣ, о которой говоритъ Анна.

то же время Палеологъ приказалъ поджечь башню, и Норманнамъ оставалось только одно—спуститься съ верхняго этажа башни въ нижній и убѣжать назадъ въ лагерь. Нисколько не унывая, Робертъ принялся строить вторую башню ¹⁾. Положеніе Палеолога было довольно опасно; онъ нѣсколько разъ отправлялъ письма къ императору, извѣщая о ходѣ осады и просилъ его скорѣе спѣшить на помощь ²⁾.

Положеніе осажденных нѣсколько улучшилось, когда прибылъ венеціанскій флотъ. Венеціанцы дали Норманнамъ два сраженія въ теченіе трехъ дней; одержали верхъ, и результатомъ было то, что норманнскій флотъ былъ оттѣсненъ на югъ, а Венеціанцы остановились въ гавани Драча, и открылись сообщенія между наемнымъ флотомъ и осажденными ³⁾. Такимъ образомъ городъ былъ освобожденъ отъ морской блокады, и осажденные приобрѣли то важное преимущество, что Венеціанцы могли постоянно подвозить имъ провіантъ. Впрочемъ, настоящей блокады, въ современномъ смыслѣ этого слова, не было да не могло быть; для этого потребовалось бы такое большое войско, которымъ никакъ не могъ располагать Робертъ.

Императоръ Алексѣй, выступившій изъ столицы въ августѣ и соединившійся по дорогѣ съ великимъ доместикомъ Пакуріаномъ и его войскомъ, прибылъ къ Драчу въ срединѣ октября. Онъ расположился со своимъ войскомъ у храма св. Николая, на мысѣ къ западу отъ Драча, возлѣ той бухты, гдѣ остановился, вѣроятно, венеціанскій флотъ. Прежде всего императоръ постарался уладить дѣло миромъ и вступилъ въ переговоры съ Робертомъ; но соглашенія, очевидно, произойти не могло, потому что ни та, ни другая сторона не потерпѣла еще рѣшительнаго пораженія, и требованія обѣихъ сторонъ должны были быть чрезмѣрныя. Послѣ неудавшихся переговоровъ, Алексѣй вызвалъ изъ Драча Палеолога, на что тотъ не сразу согласился, чувствуя опасность такой отлучки изъ защищаемаго имъ города. Составился

¹⁾ Anna Comn. IV, p. 111; Guil. Ar. IV, 248.

²⁾ Anna Comn. IV, p. 113; Mal. III, 25.

³⁾ Lup. Prot. s. a. 1081; posueruntque mense Julii ante Dyrrachinm obsidionem per mare et per terram, quam stolus Veneticorum veniens dissipavit apertumque est mare Dyrachii. Anna Comn., IV p. 106—107, говоритъ, что Венеціанцы дали второе сраженіе весной 1082 г., и что въ этомъ сраженіи принималъ участіе и греческій флотъ, но здѣсь хронологія ея не заслуживаетъ довѣрія. Весною 1082 г. Драчъ былъ уже взятъ, какъ увидимъ ниже, и Норманновъ тутъ не было. Анна путаетъ второе сраженіе, происшедшее чрезъ день послѣ перваго, и совсѣмъ другое сраженіе, бывшее гораздо позже.

военный совѣтъ, и вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли дать Роберту генеральное сраженіе, былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, не смотря на протестъ опытнѣйшаго полководца, Палеолога, прославившагося въ борьбѣ съ Турками въ Малой Азіи. Самъ Алексѣй, такъ недавно одержавшій не легкую побѣду надъ Никифоромъ Вотаниатомъ, былъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ силахъ; онъ вмѣстѣ съ молодыми и неопытными офицерами горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ Робертомъ и нанести ему, какъ онъ думалъ, пораженіе. Онъ ожидалъ, вѣроятно, что вслѣдъ за этимъ пораженіемъ прекратится норманскій походъ; ему, конечно, было важно, чтобъ этотъ походъ не затанулся; онъ еще не твердо сидѣлъ на престолѣ, могъ постоянно бояться возмущенія какого-нибудь новаго узурпатора или же хищническаго набѣга Печенѣговъ или еще болѣе опасныхъ Сельджуковъ. Поэтому нетерпѣніе его весьма понятно, и не зачѣмъ объяснять его рѣшеніе, какъ это дѣлаетъ Финлей, завистью къ Палеологу и желаніемъ блестящею побѣдою затмить его военные подвиги ¹⁾.

Причастившись св. таинъ, императоръ готовился къ сраженію. Въ авангардѣ онъ помѣстилъ варяжскій отрядъ подъ начальствомъ Намичта; за нимъ шли стрѣлки; далѣе главное войско, центромъ котораго командовалъ самъ императоръ, а флангами—Никифоръ Мелиссинъ и Пакурианъ. Кромѣ того онъ приказалъ осажденнымъ сдѣлать вылазку, что и было ими исполнено. Центромъ норманскаго войска командовалъ Робертъ, флангами графъ Амикъ и Боэмундъ. Сраженіе началось съ того, что Варяги напали на передовой отрядъ норманскаго войска и смяли его; Норманны обратились въ бѣгство, Варяги преслѣдовали ихъ, но увлеклись своимъ преслѣдованіемъ и въ свою очередь были обращены въ бѣгство, собравшимися съ силами Норманнами; они спаслись въ храмъ св. Николая, или по другимъ извѣстіямъ, архистратига Михаила, который былъ подоженъ Норманнами; такимъ образомъ погибъ одинъ изъ лучшихъ отрядовъ византійскаго войска. Послѣ этого перевѣсъ перешелъ на сторону Роберта, и греческое войско было на голову разбито. Пало много знатныхъ людей, и уронъ, понесенный императорскимъ войскомъ, былъ весьма значителенъ ²⁾. Все войско спаслось бѣгствомъ, бросивъ палатки со всею

¹⁾ *Finlay*, p. 94.

²⁾ *Lup. Prot. s. a. 1082: cecideruntque in ea pugna plus quam sex milla ex suis (Graecis); fuerunt autem in eius exercitu septuaginta millia hominum.* Это число, конечно, преувеличено, потому что императорская армія не могла состоять

утварю, въ нихъ находившеюся; самъ Алексѣй былъ въ большой опасности и едва спасся отъ посланной за нимъ погони ¹⁾. Отступление довольно сильнаго отряда манихеевъ, какъ только они увидѣли, что побѣда клонится на сторону Норманновъ, много способствовало этому страшному поражению; точно также и полное бездѣйствіе Бодина. Въ разноплеменномъ составѣ императорскаго войска не было и не могло быть настоящаго единства; одни сражались за деньги, другіе, какъ Славяне и Турки, не принимали близко къ сердцу интересовъ Византійской имперіи. Вслѣдствіе того и поражение было весьма важно по своимъ послѣдствіямъ.

Палеологъ не могъ вернуться въ Драчъ, и защиту города пришлось поручить Венеціанцамъ, которые составляли значительную часть городского населенія. Крѣпость была лишена опытнаго защитника крѣпко отстаивавшаго византійскіе интересы. Судьба города находилась теперь въ рукахъ чужеземцевъ, у которыхъ не было особыхъ

нѣз 70 тыс. человекъ: иначе она легко могла бы справиться съ отрядомъ Роберта, въ которомъ не было вѣроятно и 10 тысячъ. Ту же цѣну приводитъ и Ромуальдъ Салернскій подъ 1081 г. и замѣчаетъ, что у Роберта было всего 700 человекъ. Отношеніе между войсками выходитъ черезчуръ несообразное. Вильгельмъ Апулійскій говоритъ, что со стороны императора пало больше 5 тысячъ, а со стороны Роберта всего 30. *Kulcers* (*Kompenen und Kreuzfahrer* p. 300 въ *Sybel's Historische Zeitschrift* В. XIV) говоритъ, что у Роберта было 30 тыс., а у Алексѣя 70 тыс., основываясь на показаніи Анны и Луна.

¹⁾ Всѣ источники согласны, что Алексѣй былъ разбитъ на голову; это видно даже изъ замаскированныхъ словъ его дочери. *Anna Comn.* IV, p. 112—120; *Guil. Ar.* IV, 410 и сл.; *Mal.* III, 27; *Lup. Prot.* s. a. 1082; *Anon. Bar.* s. a. 1082 (*Murat.* V, 154); *Ord. Vit.* ии. VII. *Rom.* s. a. 1081. *Zonar.* XVIII, 22 (*Migne, Patrologiae* ser. gr. t. 135, p. 300): ὁ βασιλεὺς γενόμενος κατὰ τὸ Δουράχιον προσβάλλει τοῖς κολερίοις, καὶ ἡττηθεὶς ἀκλεῶς ἔφυγε, πολλῶν ἔχει κερσόντων οὐ τῶν τυχόντων μόνον στρατιωτῶν, ἀλλὰ καὶ τῶν ἐν ὑπερογαῖς καὶ βασιλείου τυχευόντων ἐξ αἵματος, καὶ ἡ κερρβολὶς εὐμπεσῶσα ἰάλω τοῖς κολερίοις. Анна, вѣроятно, чтобы огладить нѣсколько впечатлѣніе о пораженіи отца, подробно разказываетъ о геройскомъ подвигѣ, который онъ совершилъ, защищаясь одинъ противъ посланной Робертомъ погони. Разказъ этотъ по своимъ весьма неправдоподобнымъ подробностямъ долженъ быть отнесенъ къ области легенды. Точно также мы не можемъ считать историческимъ фактъ, приводимый Анной и Малатеррою, будто Робертъ приказалъ ожечь всѣ свои суда, дабы этакъ уничтожить возможную помытку его войска отступить назадъ, на родину. Фактъ этотъ напоминаетъ сказаніе древнихъ Грековъ и противорѣчитъ дальнѣйшему ходу событій. Откуда же появлялись суда, на которыхъ Робертъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого переправился въ Апулію? Откуда едетъ, который, по показанію Анны, сражался весной 1082 г. съ Венеціанцами?

побужденій терпѣть лишенія и рисковать жизнью для того только, чтобъ отстоять не родной все-таки городъ. Выгоднѣе было сдать городъ Роберту безъ кровопролитія и не подвергаться ужасному грабежу и убійствамъ, которые непременно должны были послѣдовать, если бы Норманны взяли городъ штурмомъ. Поэтому Роберту не трудно было подкупить одного знатнаго Венеціанца, который, конечно, съ согласія своихъ земляковъ, отворилъ Роберту ворота и безъ сопротивленія выпустилъ норманское войско ¹⁾. Это произошло 8-го февраля 1082 г. ²⁾.

Императоръ отступилъ сперва въ Охриду, а потомъ, поручивъ остатокъ войска Пакуріану, удалился въ Солунь, чтобы сдѣлать новый наборъ. Положеніе его было критическое: войско было слишкомъ мало-численно; „онъ нуждался въ союзникахъ“, пишетъ его дочь, — „но союзниковъ нельзя было имѣть безъ денегъ, а денегъ не было, потому что царскія казнохранилища царствовавшимъ прежде Никифоромъ Вотианіатомъ были безъ всякой нужды опустошены до того, что даже двери ихъ не заперлись, но безвозбранно были открыты всякому желавшему проходить чрезъ нихъ: въ казнохранилищахъ ничего не оставалось. Отсюда все пришло въ крайне стѣснительное положеніе; слабость и бѣдность въ одно и то же время терзали Ромэйское царство“. Императоръ прибѣгъ къ крайнему средству: онъ превратилъ въ монету драгоценныя вещи матери и брата Исаака, конечно — съ ихъ согласія, а когда и этихъ денегъ не хватило, были взяты священные сосуды изъ церквей и также переплавлены въ монету ³⁾.

Въ это время въ Италіи принимала новый критическій оборотъ знаменитая борьба церковной власти со свѣтскою, Григорія VII съ Генрихомъ IV. Въ мартъ 1082 г. Германскій императоръ съ много-

¹⁾ Анна, V р. 125, говоритъ, что городъ сдать какой-то знатный переселенецъ изъ города Мельен. Но Лупъ Протоспаарій, Вильгельмъ Апулійскій (IV, 449 и сл.), Малатерра (III, 28) приписываютъ сдачу города Венеціанцамъ; два послѣдніе считаютъ виновникомъ Доминика, можетъ быть — дожа, и говорятъ, что цѣною выкупа было обѣщаніе выдать за него племянницу Роберта съ приданнымъ, ей принадлежащимъ.

²⁾ Лупъ Протосп. и Ромуальдъ (а. 1081) говорятъ, что городъ былъ сдать въ январь, Анда—зимою; а по Барійскому Анониму, хронологическія показанія котораго заслуживаютъ полнаго довѣрія, 8-го февраля. (*Monat.* V р. 154). Въ хронографіи г. Мурализма порядочная путаница. Выходитъ, будто Робертъ проведъ въ Византійской имперіи дѣя зими, сраженіе подъ Драчемъ отнесено къ 1082 г., взятіе этого города къ 1083 г., возвращеніе Роберта въ Апулію къ лѣту 1083 г. См. *Essai de chronographie Byzantine*, t. I р. 49—51.

³⁾ Anna Comn. V, р. 127—130.

численнымъ войскомъ явился подъ Римомъ; и папа, очутившись въ такомъ положеніи, что онъ не имѣлъ никакой возможности держаться собственными силами, звалъ къ себѣ своего вассала Роберта: пусть онъ подумаетъ о томъ, какая опасность угрожаетъ его матери, святой Римской церкви. Но норманнскій герцогъ не былъ согласенъ добровольно остановиться на пути своихъ побѣдъ, и вмѣсто того, чтобы переправиться въ Апулію, подошелъ къ Костуру (Касторіи), взялъ приступомъ этотъ городъ, и поставилъ тамъ гарнизонъ ¹⁾.

Между тѣмъ Алексѣй принималъ мѣры, чтобы ослабить могущество Роберта въ самой Италіи и такимъ образомъ заставить герцога покинуть Византійскую имперію. Онъ отправилъ второе посольство къ Генриху IV и послалъ ему 144 тысячъ денаріевъ (около 10 тысячъ рублей золотомъ), сто шелковыхъ одѣяній, золотой крестъ, украшенный жемчугомъ, и другіе цѣнные подарки; кромѣ того, онъ обѣщалъ ему еще 216 тысячъ денаріевъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ сдѣлалъ нападеніе на Апулійскія владѣнія Роберта. Германскій императоръ, очень нуждавшійся въ деньгахъ, съ большою радостью вступилъ въ союзъ съ Византіей, обѣщая исполнить то, что отъ него требовали. Но конечно, онъ имѣлъ въ виду прежде всего свои цѣли; въ 1084 г. онъ дѣйствительно двинулся противъ Роберта и дошелъ до границы Апуліи; но когда онъ получилъ извѣстіе, что есть надежда взять Римъ, онъ отступилъ, не причинивъ никакого вреда владѣніямъ Роберта ²⁾.

Вскорѣ послѣ взятія Костура Гвискардъ узналъ, что въ его владѣніяхъ поднялось возстаніе. Во главѣ движенія стоялъ Іорданъ, князь Капуи, давнишній противникъ Гвискарда, съ которымъ теперь заключилъ союзъ Генрихъ IV; ему помогали Германъ и Абеляръ, присланные Комниномъ, чтобы раздуть возстаніе, и другіе графы; поднялось и апулійское населеніе, угнетаемое и сильно раздраженное норманнскими завоевателями. Рожеръ находился въ критическомъ положеніи и звалъ къ себѣ отца ³⁾. Послѣдній поспѣшно сѣлъ на корабль и переправился въ Отранто весною 1082 г. ⁴⁾. Онъ два года занятъ былъ

¹⁾ Mal. III, 29. Анна не говоритъ о взятіи Костура Робертомъ, но изъ ея разказа о завоеваніяхъ Возмунда видно, что этотъ городъ находился уже въ рукахъ Норманновъ. Ср. *Giesebrecht*, III, 531; *De Blasiis*, II, 285.

²⁾ *Giesebrecht*, III, 536—541.

³⁾ *De Blasiis*, II, 284—297.

⁴⁾ Anna Comn. V, p. 131—133; Lup. Prot. s. a. 1082; Mal. III, 31; Ord. Vit. I. VII; Guil. Ap. IV 524; Rom. s. a. 1081 (по мартовскому лѣтоисчисленію).

подавленіемъ этого опаснаго возстанія, и до 1084 г. могъ помогать папѣ только деньгами, но не войскомъ. Такъ въ эту минуту совпали интересы двухъ имперій—Западной и Восточной. Ослабленіе Роберта, могущественнѣйшаго союзника папы Григорія, было одинаково важно какъ для Генриха IV, такъ и для Комнина. Поэтому союзъ императоровъ Германскаго и Византійскаго, основанный на общихъ интересахъ, былъ достаточно проченъ, и если не привелъ къ существенно важнымъ результатамъ, то и не остался совсѣмъ безъ послѣдствій.

Лѣто и осень 1082 г. прошли въ бездѣйствіи, а на зиму Возмундъ рѣшился пойти въ Янину, большой городъ въ нынѣшней южной Албаніи, при озерѣ того же имени, который былъ завоеванъ еще до осады Драча. Возмундъ старался всячески укрѣпить Янину для того, чтобы за стѣнами города онъ могъ держаться въ случаѣ осады. Онъ вырылъ ровъ, возстановилъ частью разрушившуюся крѣпость и даже выстроилъ новыя укрѣпленія.

Въ маѣ 1083 г. императоръ Алексѣй выступилъ изъ Константинополя съ тѣмъ войскомъ, которое успѣлъ набрать за зиму. Онъ прибылъ къ Янинѣ не раньше конца іюня или начала іюля, судя по тому, что въ 1081 г. ему потребовалось около двухъ мѣсяцевъ, чтобы дойти до Драча. Онъ рѣшилъ дать сраженіе Возмунду, но боялся перваго стремительнаго натиска норманнской конницы, съ котораго обыкновенно начинались сраженія, и котораго не могли выдерживать византійскія войска. Во избѣжаніе этого опаснаго непріятельскаго маневра онъ придумалъ хитрость: онъ устроилъ колесницы, и на каждой изъ нихъ утвердилъ по четыре шеста, которые сидящіе на колесницахъ вооруженные люди должны были выдвинуть впередъ, какъ только норманнская конница понесется на нихъ въ карьеръ. Но Возмундъ, узнавъ объ этой хитрости, перемѣнилъ планъ своей обычной атаки и, раздѣливъ войско на двѣ части, напалъ на императорское войско съ обѣихъ фланговъ, такъ что миновалъ колесницы, поставленныя предъ центромъ. Не долго сопротивлялось греческое войско; послѣ непродолжительнаго боя, оно обратило непріятелю тылъ, и императоръ бѣжалъ въ Охридъ, гдѣ предоставилъ Пакуриану реорганизовать остатки войска, а самъ занялся въ то же время новымъ наборомъ ¹⁾.

Въ это время Возмундъ осадилъ Арту. Когда Пакурианъ успѣлъ организовать разстроенное войско, и оно кое-какъ на скорую руку

¹⁾ Anna Comn. V, p. 133—134; Guil Ap. V, 6 и сл.; Ord. Vit. I. VII.

было пополнено, императоръ съ своей стороны подошелъ къ этому городу, чтобъ освободить его отъ норманнской осады. Но и на этотъ разъ дѣйствія императора были неудачны: дано было сраженіе, византійская армія вновь обратилась въ бѣгство, и на этотъ разъ императору ничего не оставалось дѣлать другого, какъ вновь удалиться въ Царьградъ набирать новое войско ¹⁾). Мы видимъ, что Комнинъ опять совершалъ ту же стратегическую ошибку; совершенно покинувъ на время театръ войны, онъ является на него опять со слишкомъ незначительнымъ войскомъ; что онъ могъ набрать армію побольше, видно изъ того, что на слѣдующій годъ онъ и сдѣлалъ это; онъ, очевидно, не соразмѣрлялъ своихъ силъ съ непріятельскими, разчитывал, что войско Воэмундово постоянно уменьшается. Это на самомъ дѣлѣ и происходило, хотя убывающее постепенно число Норманновъ отчасти пополнялось туземными жителями, вступавшими въ ряды Воэмунда. Послѣ окончательнаго пораженія войска Алексѣева Арта, вѣроятно, сдалась Воэмунду, хотя источники умалчиваютъ объ этомъ обстоятельстве.

Послѣ этихъ послѣднихъ двухъ побѣдъ Воэмунду не стоило большаго труда завоевать Иллирикъ, большую часть Македоніи и Великой Влахіи. Но у него было, конечно, слишкомъ мало войска, чтобы поставить гарнизоны во всѣ вновь завоеванные города, и такимъ образомъ окончательно покорить себѣ страну. Онъ могъ почти безпрятственно прогуливаться по значительному пространству Византійской имперіи, конечно, не вездѣ одинаково удачно; сильнаго отпора онъ не встрѣчалъ, но тѣмъ не менѣе оказалось, что не всѣ города легко отпирали ворота наводившему ужасъ непріятелю, и что еще труднѣе было удержаться въ этихъ городахъ. Такимъ образомъ онъ овладѣлъ Скопией (или Скоплемъ, по-турецки Ускубомъ), епархіальнымъ городомъ Болгарской архіепископіи, лежащимъ на верхнемъ Вардарѣ, Соскомъ, Сервіей (по турецки Сельфидже) въ южной Македоніи, недалеко отъ праваго берега р. Быстрицы или Индже-Карасу, Верріей также въ южной Македоніи, недалеко отъ границы съ Фессаліей, въ разстояніи дня пути отъ Солуни, Воденой (древнею Едессой), городомъ знаменитымъ своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, верстахъ въ 90 на сѣверо-западъ отъ Солуни, наконецъ Мъглиномъ (Могленами), епархіальнымъ городомъ Болгарской архіепископіи, въ настоящее время не существующимъ; онъ находился недалеко отъ существующаго до нашего вре-

¹⁾ Anna Comn. V, p. 135—136; Mal. III, 29.
часть ССХХVI, отд. 2.

мени городка Нотья, а сей послѣдній лежитъ за правымъ берегомъ Вардара, на верховьяхъ рѣки Могленицы, верстахъ въ 30 на сѣверо-востокъ отъ Водени ¹⁾. Нѣсколько позднѣ завоеваны были Бозмундомъ Пелагонія, въ древнѣйшее время Ираклія, въ настоящее время Витоль (на картахъ Витолия, по-гречески Βοῦταλις), Толи-монастырь и просто Монастырь, большой и хорошей городъ, верстахъ въ 50 на юго-востокъ отъ Охриды, на рѣчкѣ Драгоръ, притокъ р. Черной, впадающей въ Вардаръ; затѣмъ Цивискъ (Τσιβισκος, Cíviscus) и Трикалы (τὰ Τρίκαλα), между Яниной и Лариссой ²⁾. Въ осенній Георгіевъ день 1083 г. Бозмундъ подступилъ къ Лариссѣ и осадилъ ее. Защитникъ города, Левъ Кефала держался шесть мѣсяцевъ, но въ то же время далъ знать объ осадѣ императору, прося его помощи. Осажденные находились на краю гибели, они начали терять голодъ отъ недостатка сѣстныхъ припасовъ, и не подошедшій императоръ, городу пришлось бы сдаться. „Вотъ уже не стало у насъ дозволенной христіанамъ пищи“, писалъ Левъ Кефала императору, — „и мы начали употреблять не дозволенную, да и той болѣе не имѣется. Если ты, желая намъ помочь, поспѣшишь и успѣешь прогнать осаждающихъ, то да будетъ слава и благодареніе Богу; а когда—нѣтъ, то я уже исполнилъ свое дѣло, и покоряюсь необходимости—ибо что сдѣлаешь противъ природы и столь великой силы?—мы должны будемъ сдать крѣпость давящимъ и явно задушающимъ насъ врагамъ“. Къ счастью для Лариссы, императоръ былъ уже недалеко; онъ шелъ съ большимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ 7-ми-тысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Его сопровождали братъ Адріанъ и Никифоръ Мелиссинъ, зять, женатый на его сестрѣ ³⁾. Дошедъ почти до Лариссы, императоръ перешелъ чрезъ Келлійскую гору, близъ нея лежащую, оттуда направился въ Езеванъ (εἰς Ἐζεβάν), валашское мѣстечко неподалеку отъ Андронія. Затѣмъ чрезъ Плавицу войско дошло до Трикаль, гдѣ и остановилось. Слѣдовательно, этотъ городъ, занятый Норманнами, былъ покинута ими. Здѣсь императоръ долго обдумывалъ планъ сраженія, и не рѣшанъ прямо напасть на Бозмунда, за-

¹⁾ Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи церкви Болгарскихъ и т.д., стр. 60 Тутъ же можно найти свѣдѣнія о другихъ упомянутыхъ городахъ.

²⁾ Алпа Сопп. V, р. 137; Guil. Ар. V 25. Завоеваніе этихъ трехъ городовъ Алпа относитъ къ тому же времени, какъ призывъ 7.000 Турокъ, о содѣйствіи которыхъ см. ниже.

³⁾ Анна Комнина не упоминаетъ объ участіи Адріана, но о немъ говорятъ Вильгельмъ Апулійскій и Зонара.

мыслилъ особаго рода хитрый маневръ. Онъ раздѣлилъ войско на двѣ части: одна, подъ предводительствомъ Адріана и Никифора, должна была напасть на Норманновъ и затѣмъ устроить притворное бѣгство по направленію къ Лякостому, мѣстечку Фессаліи. Между тѣмъ самъ императоръ хотѣлъ засѣсть въ засаду и завладѣть лагеремъ Возмунда въ его отсутствіе. Планъ этотъ былъ въ точности исполненъ. Вечеромъ императоръ, прошедъ чрезъ Ливотанискую тѣснину при рѣкѣ Салабріи между Оссою и Олимпомъ, обошелъ городъ Ревенику и расположился въ низменной долинѣ. Чтобы Возмундъ не успѣлъ замѣтить этотъ маневръ, вниманіе его отвлекли небольшою перестрѣлкой, окончившеюся съ закатомъ солнца. На другой день Возмундъ расположилъ войско въ боевой порядокъ, и открылось сраженіе. Византійское войско притворно обратило тылъ и побѣжало. Возмундъ и конетабль Бріанъ, командовавшій однимъ изъ флаговъ, занялись преслѣдованіемъ. Этою минутою воспользовался императоръ, вышелъ изъ засады, напалъ на опустѣвшій лагерь Возмунда и укрѣпился въ немъ. Такимъ образомъ освобожденъ былъ осажденный городъ, и Возмундъ, хотъ и одержавшій небольшую побѣду надъ турецкимъ отрядомъ, долженъ былъ отвязаться отъ Лариссы, которую считалъ уже своею. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ и отличную позицію въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ подл Лариссою. На слѣдующій день Возмундъ засѣлъ въ узкомъ проходѣ недалеко отъ этого города, но послѣ неудачнаго сраженія ему пришлось отступить въ Костуръ. Сраженіе подл Лариссою происходило въ іюнѣ 1084 г. ¹⁾.

Пораженіе Возмунда имѣло рѣшительное вліяніе на ходъ событій; съ этого времени перевѣсъ переходитъ на сторону Византіи. Зонара, не знающій объ отсутствіи Роберта, говоритъ, что послѣ этого пораженія онъ удалился въ Италію. Дѣло въ томъ, что послѣ этой неудачи поднялся бунтъ въ войскѣ. Солдаты были недовольны тѣмъ, что имъ за годъ не заплачено жалованья, что война движется такъ медленно впередъ; а многіе изъ тѣхъ, которые были набраны среди населенія апулійскаго и калабрійскаго, питали тайную ненависть къ своимъ завоевателямъ. Возмундъ былъ вынужденъ обѣщать имъ, что онъ тотчасъ же отправится къ отцу за деньгами и подкрѣпленіемъ, и удалился въ Авлону какъ бы съ намѣреніемъ переправиться въ Англію ²⁾.

¹⁾ Anna Comn. V, p. 138—142; Guil. Ap. V, 24—79; Zonar. XVIII, 22 (Patriologia, t. 135 p. 300). Ср. De Blasis, II, 309.

²⁾ Anna Comn. V, p. 148, VI, p. 153. Она говоритъ, что Возмундъ, полу-

Защиту Костурѣ Боэмундъ поручилъ Бріану, котораго вскорѣ послѣ побѣды подѣ Лариссою осадилъ императоръ; Бріану пришлось сдаться и поклясться никогда не поднимать оружія противъ Византійской имперіи. Боэмундъ, по недостатку силъ, не могъ предпринять никакого серьезнаго дѣйствія ¹⁾.

Осенью 1084 г. ²⁾ Робертъ, заключивъ миръ съ Іорданомъ, и не пужный уже напѣ, снарядилъ флотъ въ 20 судовъ ³⁾ и переправился съ сыновьями Рожеромъ и Гвидомъ изъ Отранто на островъ Корфу.

У острова Корфу стоялъ уже соединенный флотъ венеціанскій и греческій подѣ предводительствомъ Маврикса ⁴⁾. Норманны одер-

чивъ въ Апулію извѣстіе о капитуляціи Бріана, покинулъ войско, что несогласно съ другими источниками. По разказу Малатерры (III, 40) выходитъ, что Боэмундъ вовсе не покидалъ театра войны. Вильгельмъ Ап. (V, 223—227) рассказываетъ, что весной 1083 г. Боэмундъ заболѣваетъ и ѣдетъ съ согласия отца лечиться въ Апулію. То же находимъ у Ордерика въ кн. VII. Эти два послѣдніе писателя кажутся намъ наиболее авторитетными, тѣмъ болѣе, что приписаніи сраженія съ Венеціанцами и осады Кефалоніи, ни въ одномъ источникѣ не находятъ имени Боэмунда. Но одного показанія Анны мало для того, чтобы считать отъѣздъ Боэмунда вслѣдъ за пораженіемъ его подѣ Лариссою историческимъ фактомъ. Ср. *De Blasis*, II, 309, 317.

¹⁾ Anna Comn. VI, p. 152—154. Хотя Анна рассказываетъ, что послѣ побѣды подѣ Лариссою императоръ вернулся въ Константинополь, и уже послѣ говоритъ о взятіи имъ Костура и вновь о возвращеніи въ Византію, но очевидно, что взятіе этого города послѣдовало за пораженіемъ Боэмунда (иначе ему не можетъ быть мѣста), что она помѣщаетъ послѣднее то, что было раньше, и что, говоря два раза о возвращеніи отца въ столицу, она разумѣетъ одно возвращеніе.

²⁾ Mal. III, 40; Guil. Ap. V, 135; Lrp. Prot. s. a. 1095; Anon. Var. s. a. 1085. Въ Варійскихъ лѣтописяхъ принято сентябрьское лѣтосчисленіе, такъ что сентябрь—декабрь 1085 г., по нашему, конецъ 1084 г. Анна Комнина (VI, p. 159) ошибочно относитъ второй походъ Роберта къ веснѣ 1085 г. Ср. *Kugler*, *Komnenen und Kreuzfahrer*, p. 300—301; *Giesebrecht*, III, 558.

³⁾ Вильгельмъ Апулійскій (V, 143) сперва говоритъ, что Робертъ снарядилъ 120 кораблей, а по дальнѣйшему его разказу выходитъ, что ихъ было всего 20.

⁴⁾ Вслѣдъ за первую побѣдой, одержанною Венеціанцами надъ норманнскимъ флотомъ въ 1081 г., Анна Комнина говоритъ о второмъ сраженіи Норманновъ съ соединеннымъ флотомъ венеціанскимъ и греческимъ (послѣднимъ предводительствовалъ Мавриксъ), происшедшемъ будто бы весной 1082 г. Какъ мы видели выше, извѣстіе это нельзя считать достовернымъ. Вильгельмъ Ап. (V, 80 сл.) рассказываетъ о томъ, что греческій флотъ подѣ командою Маврикса прибылъ къ Корфу еще до вторичнаго прибытія Роберта. Изъ этого, кажется, можно заключить, что помѣщенное у Анны гораздо раньше сраженіе происходило въ 1084 г. Говоря о сраженіяхъ этого года, царица постоянно упоминаетъ о соединенномъ

жали блестящую побѣду, погибло много венеціанскихъ судовъ и пало много людей ¹⁾). Послѣ этой побѣды Робертъ зимуетъ недалеко отъ Корфу. Въ это время открылась въ норманнскомъ лагерѣ какая-то желудочная эпидемія, отъ которой погибло до 10 тысячъ человекъ, заболѣлъ и Воэмундъ, и съ согласія отца поѣхалъ лечиться въ Апулію. Весною 1085 г. Робертъ думалъ о новомъ походѣ на Константинополь, но предварительно, чтобы обезпечить за собою тылъ, онъ хотѣлъ быть полнымъ господиномъ на Ионическомъ морѣ, и послалъ своего сына Рожера взять Кефалонію. Герцогу Апуліи не суждено было осуществить своихъ широкихъ плановъ; отправившись моремъ провождать своего сына, на пути къ Кефалонію, лѣтомъ 1085 года, онъ настигнутъ былъ болѣзненнымъ припадкомъ и долженъ былъ всадиться на островъ Корфу; здѣсь онъ палъ жертвою той же эпидеміи, отъ которой заболѣлъ его старшій сынъ Воэмундъ ²⁾).

олють. Затрудненіе отнести вышеописанное Анною сраженіе къ 1084 г. заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ, по ея свидѣтельству, Норманны были побѣждены, а во второмъ оказались побѣдителями. Но тутъ Анна могла перепутать второе сраженіе съ Венеціанцами въ 1081 г. съ сраженіемъ 1084 г.; она, слѣдовательно, говорить и о первомъ и о второмъ, о результатѣ перваго и объ участвующихъ втораго. Такая путаница могла произойти потому, что она писала 50 лѣтъ спустя послѣ этихъ событій. Анна говоритъ о четырехъ сраженіяхъ, происходившихъ между Венеціанцами и Робертомъ въ 1084 г.; въ первые два раза и въ четвертый побѣдили Венеціанцы, а въ третій разъ Норманны одержали блестящую побѣду. Это и есть та самая побѣда, о которой говорить и западные источники. Такимъ образомъ мы можемъ считать историческимъ только одно сраженіе, третье по свидѣтельству византийской царицы. Сл. *Lup. Prot.* s. a. 1085; *Guil. Ar. V*, 154—200; *Rom.* s. a. 1085.

¹⁾ Луизъ Протоспаваірій говоритъ, что пало тысяча человекъ, а по свидѣтельству Анны (VI, p. 151), 13,000; число, вѣроятно, преувеличенное.

²⁾ Анна Комнина (VI p. 163) говоритъ, что Робертъ умеръ естественною смертію отъ изнурительной лихорадки или отъ плевроітиса (*pleuritis*). Ея свидѣтельство подкрѣпляется и другими источниками. *Anon. Bar.* s. a. 1085 (*Murat.* V, 154): *mense Iulii in die S. Alexii obiit Robb. Dux in Kefalonia*; *Lup. Prot.* s. a. 1085: *Mense Iulii dux Robertus profluvio ventris extinctus est.* *Rom.* s. a. 1085: *mense vero Iulio Robertus Guiscardus obiit morte communi.* *Guil. Ar. V*, 288—289, и *Mal.*, III, 40, согласны съ тѣмъ, что Робертъ умеръ естественною смертію. Ордерикъ Виталій къ кн. VII (III, 181—187) разказываетъ, будто Сигелганта, жена Роберта, постоянно сопровождавшая его въ походахъ, отравила мужа, и вотъ по какому поводу: Когда Воэмундъ уехалъ въ Апулію лечиться, Ганга, боясь, чтобъ онъ не воспользовался отсутствіемъ ея сына и своего брата единокровнаго, но не единокровнаго, Рожера, и не завладѣлъ Апуліей, изготовила ядъ и послала его докторамъ, лечившимъ Воэмунда, проси ихъ отравить сына.

По смерти отца Рожеръ повезъ его тѣло въ Апулію и прекратилъ походъ. Венеціанскіе колонисты сдали Драчъ Грекамъ, какъ раньше сдали его Роберту, заботясь главнѣйше о личной выгодѣ и становясь на сторону сильнаго ¹⁾).

Почти вся жизнь герцога прошла на полѣ брани. Изъ незначительно норманнскаго вассала онъ сдѣлался герцогомъ и владѣтелемъ порядочнаго куска земли, благодаря своей личной храбрости и своему умѣнью пользоваться обстоятельствами. За эти-то качества онъ и получилъ, по свидѣтельству одного западнаго писателя, прозваніе

Объ этомъ узналъ Робертъ и пригрозилъ убить жену, въ случаѣ смерти Воэмунда. Воясь, что не успѣютъ вѣровъ выгнать Воэмунда, не смотря на посланное ею письмо, она рѣшается отравить и Роберта. Это, очевидно, сказка, и доверить Ордернику трудно, потому что онъ не разъ мѣшаетъ съ достоверными извѣстіями передавать самые малѣйше слухи. То же извѣстіе объ отравленіи Роберта, но безъ легендарныхъ подробностей, находимъ еще у Гиберта Номанскаго (III, 2): *Sed заперunhero eum (то-есть, Алексѣя) subigens nisi veneni haustus ei subito vitam praeripulisset, caput coronatum infra paucos, ut dicitur diea, Constantiopolitana sedibus intulisset.* Этыхъ двухъ источниковъ, конечно, недостаточно для того, чтобы принять за достоверное отравленіе Роберта его вониственною и вѣрною женою, которая, по свидѣтельству Анны и Вильгельмъ Ап., даже принимала участіе въ сраженіи подъ Драчемъ. Ордерникъ представляетъ ее коварною и преступною женщиной, а ее современникъ Вильгельмъ Ап. называетъ ее *«Matrona tenta tam nobilis et veneranda»* (IV, 431) и описываетъ ее любовь къ мужу сдѣлающимъ образомъ: *Haec ubi Robertum cognovit febricitare, In quo tota sui vita spes erat, utpote tanto Coninge, discissis flens vestibibus, acceleratis Curribus accessit; quae defecisse maritum Extremosque videns casus instare propinqua, Ungue genas lanians, impexos scisa capillos Proh dolor! exclamat, quid inibo miserrima vel quo infelix potero discedere?* (V, 295—302). Относительно времени смерти во всѣхъ источникахъ находимъ то же указаніе на 1085 г. и преимущественно на июль. Дюканъ (прим. къ Алексіадѣ, р. 162 с. стр. 547 болгарскаго изд.) напрасно обвиняетъ Малатерру, будто онъ относитъ смерть Роберта къ 1084 г. Онъ говоритъ только (III, 40), что 6-го севрала 1084 г. было солнечное затмѣніе, худое предзнаменованіе: Это былъ несчастный годъ, умерли Робертъ, король англійскій Вильгельмъ и папа Григорій. Но по нормальному (мартовскому) лѣтосчисленію 6-го севрала приходилось въ концѣ 1884 г., а по нашему въ началѣ 1085 г. Несчастный годъ здѣсь, очевидно, разумется слѣдующій вѣдѣ за затмѣніемъ, то-есть 1085 г. Папа Григорій VII умеръ въ 1085 г. и на счетъ его смерти Малатерра ошибиться не могъ; но Вильгельмъ умеръ не въ томъ же году, а въ 1087 г. Варійскій Анонимъ и Анна ошибочно мѣстомъ кончины Роберта называютъ Кесалонію.

¹⁾ Anna Comn. VI, p. 163.

Гвискарда, то-есть изворотливаго, лукаваго ¹⁾). Анна Комнина отдаетъ ему справедливость какъ искусному и храброму полководцу, но изъ ненависти къ человѣку, надѣлавшему не мало бѣдъ отцу, особенно нападаетъ на его коварство и жестокость. Конечно, она преувеличиваетъ эти не симпатичныя стороны его характера, описывая нѣсколько разъ его безчеловѣчное обращеніе съ непріятелями. Западные лѣтописцы останавливаются больше на привлекательныхъ чертахъ его характера, говорятъ о его храбрости, удали, непреклонномъ слѣдованіи къ цѣли, но также описываютъ его лукавство ²⁾. Удали и необходимая въ тѣ времена хитрость на войнѣ—вотъ главныя, основныя черты Робертова характера. О наружности его сказать что-нибудь опредѣленное трудно. Анна Комнина описываетъ его въ слишкомъ общихъ чертахъ, и притомъ такихъ, которыя приписываются обыкновенно, съ одной стороны, людямъ выдающимся, а съ другой—Германцамъ. По ея разказу, онъ гигантскаго роста, необыкновенно красивый, въ глазахъ искрится огонь, волосы рыжіе, голосъ громкій, какъ у Ахилла, и т. д. ³⁾.

Походъ Роберта на Византію—одно изъ самыхъ неудачныхъ его предпріятій; онъ причинилъ много хлопотъ императору Алексѣю, нанесъ не мало вреда Византійской имперіи, ужь и безъ того истощенной, но имъ Робертъ не достигъ никакихъ фактическихъ результатовъ и не принесть своему отечеству никакой видимой пользы. Походъ этотъ однако на всегда прославилъ его имя; всѣ были увѣрены, что не умри онъ, Византія была бы покорена Норманнами, хотя это болѣе чѣмъ сомнительно. Много лѣтъ спустя, говоря о Воэмундѣ, лѣтописцы вспоминаютъ съ уваженіемъ о знаменитомъ его отцѣ. Воэмундъ явился въ этомъ походѣ исполнителемъ воли отца; онъ выказался храбрымъ и искуснымъ полководцемъ, но и только. Ему не принадлежала инициатива, и только по смерти отца начинается его самостоятельная роль. Походъ Робертовъ былъ походъ чисто-завое-

¹⁾ Guillelmus Gemmeticensis VII, 30 (въ сборникѣ *Duchesne*): quem (Robertum) pro versutia Guiscardum cognominaverat.

²⁾ Romuald. s. a. 1085: Fuit autem Robertus Guiscardus vir strenuus, in bello potens et fortis, corpore insignis, animo constans, moderatus, civilis, providus, callidus moribus et admodum astutissimus et prudens ingenio, paululum impatiens, morum corrector et diligens coercitor disciplinae militaris, dominandi supra quam credi potest ambitiosus.

³⁾ Anna Comn. I, p. 23—24.

вательный, цѣль его—пріобрѣтеніе земель и добычи. Неотложной необходимости предпринять его для какихъ-нибудь государственныхъ цѣлей не было; внутренняя причина, почему онъ состоялся, кроется въ честолюбіи Роберта и въ прирожденномъ ему, и всѣмъ Норманнамъ, завоевательномъ духѣ.

Воэмундъ не имѣлъ средствъ продолжать походъ послѣ смерти отца. Еще при жизни Роберта Рожеръ управлялъ всею Апуліей, а Воэмундъ, не получившій удѣла отъ отца, долженъ былъ отвоевать себѣ землю у брата. О дѣятельности его въ періодъ времени съ 1085 по 1096 г. мы имѣемъ весьма скудные свѣдѣнія. Мы можемъ сказать навѣрно только то, что нѣсколько лѣтъ продолжалась междоусобная война между Рожеромъ и Воэмундомъ, и что она окончилась тѣмъ, что первый уступилъ брату часть Апуліи, а именно города Тарентъ и Варн. Это произошло между 1085 и 1090 годами ¹⁾. Далѣе имя его вновь встрѣчается на страницахъ лѣтописей, когда начинается разсказъ о первомъ крестовомъ походѣ.

II.

Участіе Воэмунда въ первомъ крестовомъ походѣ ²⁾ (1095—1104).

Великія историческія событія никогда не возникаютъ внезапно, не созрѣваютъ въ нѣсколько дней или даже мѣсяцевъ, но приготовляются издавна въ теченіе десятковъ, иногда и сотенъ лѣтъ. Причинъ ихъ коренятся гораздо глубже, чѣмъ это часто кажется современни-

¹⁾ Mal. IV, 4; IV, 10; Ord. Vit. l. VIII; Lup. Prot. s. a. 1086, 1092; Rom. s. a. 1088, 1090, 1091.

²⁾ Для выясненія причинъ перваго крестоваго похода и участія въ немъ Воэмунда мы пользовались преимущественно классическимъ сочиненіемъ Зибелла: *Geschichte des ersten Kreuzzugs* (стр. 183—255), изслѣдованіемъ прое. Василевскаго «Византия и Печенѣги» и его критическою статью «Письмо Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому», помѣщенною въ издательской книгѣ Ж. М. Н. Ир. за 1880 г. Зибель первымъ надлежащимъ образомъ выяснилъ истинныя причины перваго крестоваго похода и указалъ на несправедливое многія наветы, встрѣчающіеся въ хроникахъ того времени, которыя съ легкой руки прежнихъ историковъ стали ходячими и вѣрдно принимаются за истину до сихъ поръ. Онъ проникъ въ самую глубь этого движенія, превосходно охарактеризовалъ тогдашнее направленіе умовъ и въ немъ, а не въ другихъ второстепенныхъ и случайныхъ обстоятельствахъ, искалъ причинъ перваго крестоваго похода. Все, что касается Запада, понято авторомъ въ совершенствѣ, и по этому вопросу имъ высказано, кажется, послѣднее слово науки. Въ 1881 г. вышло вто-

камъ и недалъновиднымъ историкамъ; причины эти обыкновенно довольно сложны и не зависятъ отъ мановенія одного лица, хотя бы геніальнаго. Только уяснивъ себѣ господствовавшее тогда настроеніе умовъ, представивъ себѣ положеніе Европы, можно доискаться истинныхъ причинъ этого великаго движенія народовъ съ запада на востокъ.

Въ XI столѣтіи сильно развилось въ средневѣковомъ обществѣ зародившееся уже раньше аскетическое и мистическое направленіе. То была борьба духа съ матеріей: старались уничтожить плоть и ея естественное воздѣйствіе на человѣка, старались самобичеваніемъ и всякими физическими страданіями окончательно парализовать матерію, и чрезъ это уничтоженіе плоти и сохраненіе въ себѣ только божественной души, дойти до созерцанія Божества, но созерцанія не абстрактнаго, а реальнаго. Это уничтоженіе плоти ставили выше всего, выше чистоты помысловъ, выше отсутствія дурныхъ пожеланій. Стремилась стать въ близкія, такъ-сказать матеріальныя, осязательныя отношенія къ Божеству и достигали своей цѣли: люди прямо и непосредственно сносились съ Богомъ, Спасителемъ, Богоматерью и святыми; они видѣли ихъ, говорили съ ними, и никто не могъ бы

рое изданіе этого труда (первое вышло въ 1841 г.), и самъ авторъ говоритъ въ предисловіи (р. V): «Я вижу съ величайшимъ удовольствіемъ, что лучшіе изъ современныхъ знатоковъ крестовыхъ походовъ приняли существенные выводы всего изслѣдованія». Но въ другомъ отношеніи, по вашему мнѣнію, есть нѣкоторый пробѣлъ въ прекрасномъ трудѣ знаменитаго историка: онъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на Востокъ и недостаточно отмѣтилъ причину похода, кроющагося въ положеніи Византійской имперіи. Онъ считаетъ воззваніе Алексѣя Комнина къ западнымъ державамъ только поводомъ, случайнымъ обстоятельствомъ и не отмѣчаетъ того, что этотъ поводъ былъ прямымъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ общаго положенія Европы. Письмо Алексѣя къ Роберту есть, конечно, поводъ, вѣдущая причина, но фактъ, ее вызвавшій, плачевное состояніе Византіи,—не только поводъ, а внутренняя причина похода.

Дополненіемъ къ сочиненію Зибеля служатъ вышеупомянутыя изслѣдованія прое. Васильевскаго. Первый крестовый походъ не служилъ темой его трудовъ, но положеніе Византійской имперіи, въ вѣрныхъ и яркихъ чертахъ имъ описанное, замѣчанія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, совершенно достаточны для того, чтобы понять, на сколько причина этого колоссальнаго предпріятія кроется въ Восточной имперіи. Прое. Васильевскій оказалъ наукѣ значительную услугу тѣмъ, что привелъ весьма вѣсныя доказательства въ пользу подлинности знаменитаго письма Алексѣя къ Роберту Фландрскому. Допустивъ подложность письма, приходится уничтожить немаловажную роль, которую игралъ Востокъ въ событіяхъ послѣднихъ годовъ XI столѣтія.

убѣдить ихъ, это предъ ихъ глазами—плодъ галлюцинаціи, а не реальныя образы. Такого рода аскетическое направленіе было распространено повсемѣстно и во всѣхъ слояхъ общества; этотъ мистическій духъ царилъ не только среди пустынниковъ и монаховъ, богослововъ и философовъ, но и среди свѣтскихъ лицъ, занимавшихся практическими дѣлами и жившихъ обыкновенною жизнью. Вслѣдствіе такого настроенія умовъ весьма естественно развилось пилигримство. Что могло доставить аскету столько наслажденія, какъ хожденіе въ Римъ или Іерусалимъ? Не мало можно было физически настрадаться, и слѣдовательно, насладиться во время такого труднаго хожденія! А ходить по той же землѣ, по которой ходилъ Христосъ, взять въ руки камень, изъ котораго была выложена его гробница, жить въ той странѣ, гдѣ всего скорѣе могъ представиться Спаситель и святые, не было ли это верхомъ блаженства? Для средневѣковаго пилигрима паломничество въ Святую землю не было простымъ путешествіемъ, связаннымъ съ извѣстнымъ воспоминаніемъ: камень былъ не только камень, напоминающій страданія Христа, но какъ бы часть Божества; прикасаясь къ нему, онъ какъ бы прикасался ко Христу. Не удивительно, что паломничество, возникшее еще въ первые вѣка христіанства, приняло особенно широкіе размѣры въ XI столѣтіи, съ крайнимъ развитіемъ аскетизма.

Въ то же время въ средневѣковомъ обществѣ существовало и другое, какъ будто противоположное направленіе, это направленіе—воинственное, завоевательный духъ, который по преимуществу олицетворяли собою Норманны. Духъ приключеній, войны для войны, завоеванія, добычи, расширенія предѣловъ охватилъ всѣ европейскіе народы. Какъ аскеты старались пріобрѣсти славу и безсмертіе личными подвигами на поприщѣ уничтоженія плоти и матеріальныхъ лишеній, такъ и войны желали составить себѣ имя личною храбростію, презрѣніемъ смерти, физическими страданіями на полѣ брани. Какъ аскеты не падали ни здоровья, ни жизни, чтобы узрѣть Бога или даже то мѣсто, гдѣ жилъ Спаситель, такъ люди, обуреваемые воинственнымъ духомъ, готовы были на всякія жертвы для новыхъ подвиговъ и новыхъ завоеваній. Эти два направленія не были противоположны другъ другу; напротивъ, изъ обоихъ могъ выйдти одинъ и тотъ же результатъ. Аскеты готовы были на войну съ условіемъ, что узрятъ за это Бога или Святыхъ мѣста.

Еще другое обстоятельство въ значительной степени уясняетъ, какимъ образомъ могъ произойдти колоссальный по своимъ размѣрамъ

крестовый походъ. Во всей Европѣ сельское населеніе находилось въ крайне угнетенномъ и жалкомъ положеніи. Во Франціи еще не установился новый социальный порядокъ на развалинахъ стараго, и крестьянныя ничѣмъ не былъ огражденъ противъ притѣсненій своего господина. Въ Германіи народъ страдалъ отъ постоянной борьбы церкви съ государствомъ. Безначаліе въ Италиі, деспотизмъ въ Англии угнетали народъ не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Не удивительно, что народъ радъ былъ воспользоваться случаемъ выселиться изъ своего постоянного мѣстожительства и такимъ образомъ хотя на время освободиться отъ тяжелыхъ повинностей, вырваться, такъ-сказать, изъ тюрьмы на свободу ¹⁾.

Таково было положеніе на Западѣ; но Востокъ также не мало способствовалъ возникновенію перваго крестоваго похода. Византійская имперія во второй половинѣ XI вѣка постоянно подвергалась нападеніямъ Сельджуковъ и Печенѣговъ. Варвары мало по малу отнимали земли у Византійской имперіи, Малая Азія почти вся отошла къ Туркамъ, они подходили даже къ Константинополю, и столицѣ грозила серьезная опасность. Имперія, разоренная узурпаторами, истощенная постоянными междоусобными войнами, не могла сопротивляться внѣшнимъ врагамъ. Мы видѣли, какъ разстроены были финансы, и къ какимъ мѣрамъ приходилось прибѣгать Алексѣю Комнину для ихъ поправленія; а упадокъ финансовъ всегда указываетъ на истощеніе производительныхъ силъ страны и грозитъ полнымъ истощеніемъ и распаденіемъ государства.

Это плачевное положеніе Восточной имперіи не осталось безъ вліянія на Западъ. Оно въ значительной степени объясняетъ намъ, почему папа Урбанъ II всячески старался содѣйствовать первому крестовому походу. Завѣтною мыслию Григорія VII было учрежденіе теократіи, соединеніе подъ верховною властію папы всѣхъ государствъ, при чемъ онъ мечталъ также о Восточной имперіи. Онъ желалъ воссоединить Западную церковь съ Восточной, то-есть, конечно, подчинить ее себѣ, и такимъ образомъ приобрѣсти вліяніе на дѣла Византійской имперіи. Стремленія эти въ существенныхъ чертахъ были усвоены и Урбаномъ. Походъ на Востокъ имъ, конечно, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ: освободить Малую Азію отъ мусульманъ, то-есть, оказать

¹⁾ На это обстоятельство, а также на господствовавшій тогда воинственный духъ обратилъ вниманіе еще *Вильхельмъ*. См. его *Geschichte der Kreuzzüge*, Bd. I, p. 59—63.

громадную помощь Константинополю, значило приобрести большое влияние на Востокъ и Византію. Всего легче можно было достичь цѣли, конечно, въ то время, когда Восточная имперія находилась на краю гибели. Санкція папы была весьма важна въ такомъ предпріятіи, какъ крестовый походъ, безъ нея едва ли онъ былъ возможенъ. Конечно, рыцарямъ не было надобности въ этой санкціи, но она нужна была народу, видѣвшему въ папѣ чуть не Бога, во всякомъ случаѣ верховнаго владыку, и чтившему его превыше царей.

Всѣ изложенныя здѣсь причины: аскетизмъ, воинственный духъ, угнетенное положеніе народа, плачевное состояніе Византійской имперіи, стремленія папъ, создали въ своей совокупности грандіозный по своимъ размѣрамъ и необыкновенному одушевленію крестовый походъ. Всѣ эти причины находились въ пассивномъ состояніи; нуженъ былъ внѣшній толчокъ, чтобы онѣ начали дѣйствовать и произвели неизбежное послѣдствіе, чтобы совокупность ихъ породила одно предпріятіе.

Въ 1090 г. Византійская имперія находилась на краю гибели. Сельджукскій вождь Чаха собирался въ союзъ съ Печенѣгами осадить Константинополь съ суши и моря. Приблизилась еще новая соткатысячная масса степныхъ наѣздниковъ, Половцевъ. Намѣренія ихъ были неизвѣстны, можно было ожидать, что они будутъ дѣйствовать за одно съ Турками и подадутъ имъ руку чрезъ Дарданеллы. Положеніе, по словамъ Анны Комнины, было таково, что, судя по человѣчески, не было спасенія. Тогда императоръ Алексій разослалъ грамоты на Западъ, прося о помощи въ самыхъ унижайшихъ для себя выраженіяхъ. „Въ 1091 году“, говоритъ профессоръ Васильевскій, — „съ береговъ Босфора донесся до западной Европы прямой вопль отчаянія, настоящій крикъ утопающаго, который уже не можетъ различить, дружеская или непріязненная рука протянется для его спасенія. Византійскій императоръ не усумнился теперь раскрыть предъ глазами постороннихъ всю ту бездну стыда, позора и униженія, въ которую низвергнута была имперія греческихъ христіанъ“¹⁾. „Я самъ, облеченный саномъ императора“, писалъ Алексій Роберту, графу Фландрскому, — „не вижу никакого исхода и не нахожу спасенія; я принужденъ постоянно бѣгать предъ лицомъ Турокъ и Печенѣговъ, оставаясь въ одномъ городѣ, пока ихъ приближеніе не

¹⁾ Византія и Печеняги (Ж. М. Н. Пр. 1872, декабрь, стр. 271).

заставить меня искать убѣжища въ другомъ. Итакъ, снѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ...“ и т. д. ¹⁾).

Этотъ вопль отчаянія не остался безъ послѣдствій: онъ былъ услышанъ на Западѣ, и съ этого момента, надо думать, крестовый походъ былъ окончательно рѣшенъ въ умѣ папы и западныхъ князей и графовъ. Готовились и ждали удобной минуты. Эта минута настала, когда внутреннія дѣла Европы отошли на второй планъ, когда улажены были несогласія Французскаго короля съ Урбаномъ, и былъ низвергнутъ анти-папа Климентъ.

На Клермонскомъ соборѣ, созванномъ въ 1095 г., папа Урбанъ произнесъ пламенную рѣчь, точное содержаніе которой остается намъ неизвѣстнымъ; онъ уговаривалъ слушателей вооружиться и идти на освобожденіе Гроба Господня. Теперь стало яснымъ народу стремленіе, давно въ немъ скрывавшееся; всѣ поднялись какъ одинъ человекъ, и съ крикомъ: „того хочетъ Богъ“, бросились приносить присагу папѣ.

Рѣчь папы была послѣднею искрой, воспламенившею разбросанный въ обществѣ матеріалъ, но не больше, и безъ нея крестовый походъ состоялся бы, конечно, можетъ быть, не въ такомъ размѣрѣ и не съ участіемъ простаго не привыкшаго къ оружію народа. Съ 1096 г. началось общее движеніе по всей Европѣ: одни шли узрѣть Гробъ Господень, землю, освященную страданіями Спасителя, разчитывали на царство небесное; другіе рады были вырваться изъ гнетущихъ обстоятельствъ, освободиться отъ притѣсненій бароновъ; третьи разчитывали на новую славу и новыя пріобрѣтенія. Всѣ были одинаково воодушевлены, всѣ были готовы принять дѣятельное участіе въ общемъ предпріятіи ²⁾).

¹⁾ После весьма убѣдительныхъ доводовъ, представленныхъ прое. *Васильескиль* въ январской книгѣ 1880 г. *Ж. М. Н. Пр.*, мы никакъ не можемъ считать подложнымъ письмо Алексѣя Комнина къ графу Фландрскому.

²⁾ Историки, предшествовавшіе Зибелю и отчасти писавшіе послѣ него, смотрѣли на крестовый походъ съ точки зрѣнія современныхъ ему лѣтописцевъ. Оттуда весьма поверхностный и узкій взглядъ на самое значительное событіе среднихъ вѣковъ. Поводъ, внѣшнія и случайныя обстоятельства принимали за причину. Приведемъ для примѣра мнѣніе Вилькена; такъ же какъ онъ рассуждалъ почти всѣ историки до Зибеля, напримѣръ, Мишо и Кортюмъ, издавшій очень хорошій курсъ средней исторіи въ двухъ томахъ: *Die Geschichte des Mittelalters*. Bern. 1836 г. «Пылкія проповѣди Петра, страстная рѣчь Урбана, рываніи возвращающихся палатриновъ объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, жалкое состояніе ии-

Въ крестовомъ походѣ не замедлилъ принять участіе и Бозмундъ, сынъ Роберта Гвискарда, который послѣ смерти отца владѣлъ значительнымъ княжествомъ Отранто. Для его дѣятельности не было достаточно простора въ Италіи, и онъ шелъ на Востокъ съ намѣреніемъ основать тамъ обширное норманское княжество, можетъ быть, имѣя уже въ виду Антиохію ¹⁾. Войско его состояло изъ 7,000 чело-вѣкъ, но его поддерживалъ племянникъ Танкредъ, воинственный и талантливый рыцарь, вполне преданный Бозмунду и дѣйствовавшій постоянно въ его духѣ. Имена прочихъ участниковъ перваго кресто-ваго похода слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было перечислять ихъ въ трудѣ, не посвященномъ специально этому событію.

Въ концѣ 1096 г. и въ началѣ 1097 отряды крестовосцевъ одинъ за другимъ прибывали въ предѣлы Византійской имперіи. Въ послѣд-ніе пять лѣтъ положеніе Алексѣя Комнина значительно измѣнилось. Явившіеся въ 1091 г. ханы Половецкіе Тугорканъ и Бонякъ съ своею сорокатысячною ордою помогли императору Алексѣю разбить и окон-чательно сломить силу печенѣжскаго войска; Турецкій эмиръ Чаха въ борьбѣ съ греческими морскими силами потерялъ сначала часть своихъ завоеваній, а потомъ и самую жизнь. Двойное нашествіе ди-кихъ варваровъ было блистательно отражено, благодаря другимъ; столь же дикимъ варварамъ; уже не существовало страшной опас-ности, грозившей близкою, неминуемою гибелью Константинополю. Половцы, ставшіе изъ друзей врагами, напали на имперію въ 1095 г. но были отгѣснены за Балканы. Византійское войско значительно по-полнилось и пополнилось какъ разъ прежними своими врагами, Пе-ченѣгами и Турками. „Съ такимъ же усиѣхомъ, какъ враги внѣшніе, была подавлена и внутренняя смута; заговорщики и претенденты,

щенствующиыхъ въ Европѣ христіанъ съ Востока были дѣйствительныя побуди-тельные причины этого поразительнаго стремленія защитить Святую землю». (*Wilken, Geschichte der Kreuzzüge. Leipzig 1807. B. I, p. 59.*)

Особенную роль отводили постоянно Петру Аміенскому и считали его про-повѣди главною причиною крестоваго похода. Эту роль совершенно уничтожилъ Зибель и показалъ, что она основана на тѣхъ пѣсняхъ, которыя служили глав-нымъ источникомъ записокъ Альберта Ахенскаго, пѣсняхъ, въ которыхъ нѣтъ и слова правды, а все фантазія, и которыя выдаютъ басни за дѣйствительность. Всѣ историческія свидѣтельства современниковъ выставляютъ Петра въ совѣтъ другомъ свѣтѣ; онъ для нихъ темный евангелистъ, который набралъ свое крестъ-янское войско уже послѣ призыва Урбана.

¹⁾ См. *Kugler, Boemund und Tankred, стр. 1 и сл.*

которые хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ отечества и своего государя, были открыты и наказаны¹⁾. Можно сказать, что Алексѣй ни разу съ самаго начала своего царствованія не былъ такъ силенъ, какъ при приближеніи крестоносцевъ. Каково же было удивленіе западнаго рыцарства, когда оно увидѣло не слабую, разваливающуюся Византійскую имперію, которую думало спасти отъ непріятелей-язычниковъ, а державу, съ которою надо считаться; когда узнало, что изъ греческаго войска нельзя сдѣлать вспомогательнаго отряда и располагать имъ какъ угодно! Непрiятно подѣйствовало на аскетовъ видѣть въ рядахъ христіанскаго царя тѣхъ самыхъ мусульманъ, которые притѣсняли христіанъ и изъ рукъ которыхъ надо было вырвать Гробъ Господень и Святую Землю.

Съ другой стороны, императоръ Алексѣй былъ крайне разочарованъ, узнавъ о приближеніи крестоносцевъ. Не того ждалъ онъ отъ Запада. Въ критическую минуту Европа не оказала ему никакой помощи, а теперь, когда можно справиться одному, идетъ громадное войско, въ нѣсколько разъ превосходящее греческую армію. Императоръ надѣялся, что надъ нимъ сжалятся и пришлютъ ему отрядъ, который войдетъ какъ часть въ его войско, и который онъ будетъ держать въ полномъ своемъ подчиненіи. Вышло совсѣмъ не то, чего ожидали; отсюда и произошли взаимныя недоразумѣнія и недоумѣнія. Политика Алексѣя Комнина состояла въ томъ, чтобы заставить рыцарей принести ему ленную присягу и приобрести такимъ образомъ право на всѣ земли, которыя будутъ завоеваны; въ замѣнъ того, онъ готовъ былъ какъ сюзеренъ оказывать имъ содѣйствіе на полѣ брани. Когда императоръ узналъ о приближеніи западныхъ рыцарей, онъ принялъ соотвѣтствующія мѣры, на сколько то позволяли силы имперіи: войско и флотъ были приведены въ порядокъ, казна находилась въ сноскомъ положеніи, въ провинціяхъ всѣ были на готовѣ. Всего страшнѣе было имѣть дѣло со всею совокупностью крестоноснаго войска, важно было прекратить сношенія между отдѣльными отрядами и затѣмъ договариваться съ каждымъ предводителемъ отдѣльно. Раньше всѣхъ пришлось имѣть дѣло съ Гуго, графомъ Вермандуа, который еще изъ Апуліи отправилъ посланіе въ Константинополь, извѣщая о своемъ приближеніи, а затѣмъ отправилъ еще блестящее посольство въ Драчъ. Въ отвѣтъ на это намѣстникъ драчскій получилъ инструкцію увѣрить графа въ дружескомъ расположеніи Византійскаго двора,

¹⁾ Византія и Печенѣги, стр. 288.

самымъ почетнымъ образомъ принять его, а затѣмъ какъ можно скорѣе препроводить его въ столицу. Выѣстѣ съ тѣмъ близъ Драча постоянно крейсировалъ греческій флотъ, а берегъ охранялся цѣлѣю войска. Но эта предосторожность оказалась излишнею: графъ высадился въ Драчѣ, былъ любезно принятъ, и затѣмъ съ величайшимъ почетомъ доставленъ въ Константинополь. Здѣсь блестящій приемъ императора окончательно очаровалъ его, и онъ безъ всякихъ возраженій принесть ленную присягу.

Не такъ легка оказалась дипломатическая побѣда надъ Готфридомъ, герцогомъ Лотарингскимъ. Онъ выступилъ изъ своихъ предѣловъ въ августѣ 1096 г. и шелъ черезъ Венгрію и Болгарію. Въ Нишѣ его встрѣтило посольство отъ императора, которое обѣщало наилучшій приемъ и просило пощадить имперію; продовольствіе войска будетъ облегчено, и предоставлена полная свобода торговли между Греками и крестоносцами. Такъ дошли они до Филиппополя, гдѣ разнесся слухъ, будто Гуго находится въ плѣну въ Византіи, слухъ, основанный на томъ, что императоръ дѣйствительно присматривалъ за французскимъ графомъ, и онъ фактически не пользовался полною свободою, при чемъ, однако, между ними сохранялись хорошія отношенія. Слухъ этотъ возбудилъ ярость въ лотарингскомъ войскѣ, и начался грабежъ страны. Готфридъ не удерживалъ солдатъ; онъ былъ раздраженъ тѣмъ, что Гуго не позовалъ его къ себѣ на помощь и такъ легко поддался Византійскому императору. Неприязненные дѣйствія прекратились, когда войско расположилось 23-го декабря подъ Константинополемъ; но тѣмъ не менѣе Готфридъ, разжигаемый отдѣльными личностями изъ отряда Петра Аміенскаго или Гуго, твердившими ему о вѣроломствѣ Грековъ, отказывался отъ присяги. Онъ согласился, однако, перезимовать въ Перѣ, гдѣ по мнѣнію Комнина, его можно было всего легче уединить и прекратить возможные съ его стороны безпорядки. Онъ ждалъ, чтобы собрались остальные князья, и вовсе не былъ намѣренъ стать лениникомъ Византіи. Обѣ стороны не входили въ открытую борьбу, но не довѣряли другъ другу: императоръ велъ постоянно переговоры, съ каждымъ днемъ становился все настойчивѣе; герцогъ дѣйствовалъ уклончиво, сухо и спокойно увѣрялъ, что не довѣряетъ еще на столько Алексію, чтобы рѣшиться на личное свиданіе. Всѣмъ было ясно, что это предлогъ; но Комнинъ тѣмъ не менѣе не отказывался отъ своего плана: онъ надѣялся мирнымъ образомъ склонить на свою сторону герцога и всячески избѣгнуть непріязненныхъ дѣйствій. Проходила недѣля за

недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, герцогъ не покидалъ своей позиціи. Алексѣй почувствовалъ необходимость увеличить свои военныя силы, онъ окружилъ франкскія квартиры турецкимъ и славянскимъ отрядами. Послѣдніе получили строжайшій приказъ не допускать никакихъ сношеній между Готфридомъ и остальными крестоносцами, въ особенности съ Боэмундомъ. Зима приближалась къ концу, со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія о приближеніи остальнаго войска, опасность возрастала ежедневно, и пропадала всякая надежда на хорошій исходъ въ случаѣ, если до прибытія Боэмунда ничего не будетъ рѣшено съ Готфридомъ. Алексѣй ждалъ до крайности, наконецъ въ великій четвергъ, 3-го апрѣля 1097 г., когда Боэмундъ находился всего въ нѣсколькихъ переходахъ отъ столицы; онъ прибѣгъ къ оружію. Планъ заключался въ томъ, чтобы запереть Лотарингцевъ въ Перъ, и не давая сраженія въ открытомъ полѣ, постоянными нападеніями заставить ихъ покориться. Планъ этотъ не удался, благодаря храбрости брата Готфрида Балдуина, который вывелъ войско изъ Перы и подступилъ къ стѣнамъ столицы. Взять Византію приступомъ, однако, не было никакой возможности; лотарингское войско нѣсколько отступило отъ города и разбрелось по окрестностямъ, грабя и сожигая страну. Императоръ приказалъ прекратить военныя дѣйствія. Онъ находился въ опасномъ положеніи.

1-го апрѣля Боэмундъ покинулъ войско и торопился на свиданіе въ Византію. Для судьбы имперіи весьма важно было, чтобы онъ не прибылъ раньше покоренія Готфрида, чтобы онъ даже ничего не зналъ объ этой борьбѣ. Дѣйствительно, Алексѣй принялъ такіа хорошія мѣры, что въ норманнскомъ лагерѣ, когда его покинулъ Боэмундъ, ничего не знали о затрудненіяхъ, которыя причинялъ Готфридъ. Надо было, во что бы то ни стало, помѣшкать соединенію Боэмунда съ герцогомъ Лотарингскимъ. Поэтому императоръ сдѣлалъ еще попытку договориться съ Готфридомъ: онъ послалъ къ нему для переговоровъ о мирѣ графа Гуго, но тотъ получилъ отвѣтъ: „Ты, сынъ короля, сталъ рабомъ, и хочешь и изъ меня сдѣлать раба!“ Готфридъ объявилъ, что не принесетъ ленной присяги и не переправитъ своего войска въ Азію раньше другихъ, какъ того желалъ Алексѣй. Послѣ этого уже не оставалось выбора; отданъ былъ приказъ напасть со всѣми силами на Франковъ. Побѣда оказалась на сторонѣ Византійцевъ. Упрямство Готфрида было сломлено, и онъ, не зная, по видимому, о приближеніи Боэмунда, призналъ себя вассаломъ Византійской имперіи: онъ предлагалъ возвратитъ императору всѣ тѣ города и земли, которые при-

надлежали когда-либо Восточной имперіи. Съ тѣхъ поръ прекратились враждебныя дѣйствія, и лотарингское войско около 10-го апрѣля переправилось въ Азію. Императоръ Алексѣй одержалъ блестящую побѣду, которая зависѣла главнымъ образомъ отъ того, что ему удалось изолировать каждый отрядъ крестоносцевъ. Теперь можно было надѣяться, что примѣръ Готфрида подѣйствуетъ на расположеніе умовъ остальныхъ предводителей крестоноснаго войска.

Боэмундъ, намѣреваясь основать норманнское царство на Востокахъ и чувствуя, что его собственныхъ силъ можетъ не хватить на такое предпріятіе, и что онъ, можетъ быть, встрѣтитъ противодѣйствіе въ другихъ рыцаряхъ, хотѣлъ воспользоваться греческими силами для достиженія своего плана. Поэтому ему было необходимо войти въ дружельюбныя отношенія съ Алексѣемъ Комниномъ. Да и былъ только одинъ моментъ, когда онъ могъ рассчитывать на успѣхъ въ войнѣ съ Византіей — когда открылись враждебныя дѣйствія Готфрида съ императоромъ. Но неужели, имѣя такой планъ въ головѣ, онъ покинулъ бы 1-го апрѣля свое войско и пошелъ бы одинъ, подъ надзоромъ греческихъ пословъ, въ Византію?

Соединивъ свое войско на греческой территоріи, онъ высказалъ твердое намѣреніе пройти миролюбиво по имперіи. „Намъ, какъ пилигримамъ Христовымъ“, говорилъ онъ, — „слѣдуетъ быть лучше и смиреннѣе, чѣмъ мы были раньше; въ христіанской землѣ всѣ должны воздерживаться отъ насилія“. Алексѣй подвергъ норманнское войско строгому надзору, со всѣхъ сторонъ окружали его легкіе отряды; крестоносцы разорили одинъ замокъ близъ Пелагоніи, и за это, въ видѣ предупрежденія и наказанія, должны были выдержать сильное нападеніе. Танкредъ отразилъ его и взялъ въ плѣнъ нѣсколько чело-вѣкъ; когда Боэмундъ узналъ отъ нихъ, что они дѣйствовали по царскому приказанію, онъ тотчасъ же отпустилъ ихъ на волю. Но большею частію жители отказывались продавать провіантъ; Боэмундъ дозволялъ только самый необходимый грабежъ и однажды сильно вспылилъ противъ Танкреда, когда тотъ хотѣлъ ограбить одно мѣстечко, въ которомъ находились большіе запасы. Поводъ къ этимъ неприяностямъ скоро прекратился, потому что императоръ прислалъ двухъ сановниковъ, которые надлежащимъ образомъ позаботились о продовольствіи норманнскаго войска. 1-го апрѣля, какъ мы видѣли, Боэмундъ покинулъ войско, оставивъ вмѣсто себя Танкреда, который, однако, въ отсутствіе старшаго родственника, велъ себѣ уже не такъ миролюбиво.

Первый разговоръ Комнина съ Боэмундомъ ограничивался взаимными увѣреніями въ дружественномъ расположеніи; затѣмъ императоръ предложилъ князю Тарентскому привести ленную присягу. Послѣ нѣкотораго колебанія, Боэмундъ исполнилъ требованіе Алексѣя. Императоръ сильно обрадовался этому и богато одарилъ Боэмунда, такъ что онъ воскликнулъ: „Если бы у меня были такія сокровища, вся вселенная служила (принадлежала) бы мнѣ!“ Вскорѣ благодаря Боэмунду призналъ себя вассаломъ Комнина Раймундъ Тулузскій, который долго сопротивлялся этому и не сдавался даже послѣ пораженія. Изъ всѣхъ предводителей крестоносцаго войска не исполнилъ требованія Византійскаго императора одинъ Танкредъ, который, отъ души ненавидя Грековъ, переодѣтый переправился въ Азію. Хотя Боэмундъ и обѣщаль привести и его къ присягѣ, но фактъ этотъ заставилъ Алексѣя сильно усумниться въ дружелюбномъ отношеніи къ нему Норманновъ ¹⁾.

Византійскій императоръ, какъ мы видѣли, старался избѣгнуть всякой враждебности по отношенію къ Боэмунду; напротивъ, старался ласковымъ и деликатнымъ обращеніемъ задобрить его, для того чтобы воспользоваться его помощью и отвоевать себѣ потерянные области въ Малой Азіи. Оба эти замѣчательные правителя имѣли въ виду заключить союзъ, но каждый изъ нихъ хотѣлъ быть главнымъ и воспользоваться плодами усилій другаго. Каждый изъ нихъ намѣревался увеличить свое государство на счетъ и силами другаго, а отсюда непременно должна была произойти равнь, взаимное неудовольствіе, разрывъ и наконецъ война. Могли ли эти оба государя дѣйствовать заодно, заключить союзъ безъ всякой задней мысли, преслѣдовать одну общую цѣль—освобожденіе Азіи отъ мусульманъ, и мирно подѣлить завоеванную территорію? Куглеръ, пролившій много свѣта на отношенія Алексѣя къ крестоносцамъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ думаетъ, что не было существенныхъ препятствій къ общему походу Алексѣя Комнина и Боэмунда, что помѣхой послужилъ заманчивый блескъ всемірнаго владычества со стороны Византійскаго императора, а то легко было бы согласовать притязанія Грековъ съ притязаніями Норманновъ. Первые желали приобрѣсти Малую Азію, Боэмундъ—Антіохію, и стоило только императору усту-

¹⁾ Весь разказъ о сношеніяхъ Комнина съ западными рыцарями заимствованъ нами у *Зибелла* (стр. 258—277); мы то сокращали этого историка, то прямо переводили его.

пить ему Сирію, для того чтобы самому достигъ цѣли и не стать въ враждебныя отношенія къ крестоносцамъ ¹⁾). Однако, такой союзъ кажется намъ невозможнымъ. Сирія по своему положенію представляла слишкомъ много выгодъ, чтобы можно было безъ спора уступить ее. Антиохія, сильнѣйшая азіатская крѣпость, служила ключемъ къ Палестинѣ; мы знаемъ, что взявъ этотъ городъ, крестоносцы уже безъ затрудненій дошли до Іерусалима. Не владѣя Антиохіей, Византійскій императоръ не имѣлъ твердой опоры противъ мусульманъ; онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, не имѣлъ и твердой позиціи на морѣ. Отдать Антиохію Боэмунду значило почти то же, что отказаться на всегда отъ надежды возстановить греческое могущество въ Азіи. Чтобы согласиться уступить Сирію, Алексѣю надо было перестать быть самимъ собою, надо было забыть традиціи, забыть, что онъ преемникъ Римскихъ императоровъ, наслѣдникъ всемірнаго государства. Къ такой уступкѣ была нравственная невозможность: онъ не могъ отдать того, что считалъ своимъ и временно, беззаконно принадлежащимъ другимъ. Но допустимъ даже, что Алексѣй сталъ бы другимъ человѣкомъ; могла ли здравая политика клониться къ основанію норманнскаго царства въ Азіи? Развѣ такое царство не было страшнѣе для Византіи, чѣмъ турецкое владычество въ Азіи? Кто могъ поручиться Алексѣю, что Боэмундъ, разъ укрѣпившись въ Сиріи, не посягнетъ на сосѣднія съ нимъ владѣнія, не распространитъ своего владычества на византійскія земли? Очевидно, Алексѣй не могъ создать себѣ болѣе страшнаго и сильнаго сосѣда для того, чтобы сокрушить болѣе слабаго. Съ другой стороны, могъ ли желать Боэмундъ расширенія предѣловъ Византійской имперіи? Онъ, съ своей стороны, могъ опасаться такого близкаго сосѣдства съ державою, которая тогда станетъ несравненно сильнѣе, могъ опасаться, что Алексѣй соединится съ Турками, а бороться противъ такого союза у него не хватало бы силъ. Сосѣдство Сельджуковъ далеко не было для него такъ страшно: онъ могъ надѣяться, что сила ихъ будетъ если не совсѣмъ уничтожена, то въ значительной степени сломлена остальнымъ крестоноснымъ войскомъ; онъ могъ скорѣе рассчитывать на союзниковъ противъ мусульманъ, чѣмъ противъ христіанскаго императора. И такъ, совмѣстный походъ, безъ подчиненія одного другому, не былъ въ интересахъ ни Алексѣя Комнина, ни Боэмунда. Они не

¹⁾ Komnenen und Kreuzfahrer (*Sybel*, *Historische Zeitschrift*. B. 14).

могли мирно раздѣлить между собою лакомаго куска, но должны были стараться отнять его другъ у друга.

Зибель приходитъ къ тому заключенію, что Алексію, въ виду того, что онъ не могъ располагать по своему усмотрѣнію громаднымъ войскомъ крестоносцевъ, слѣдовало оставаться нейтральнымъ и не принимать никакого участія въ борьбѣ Запада съ востокомъ. На это весьма основательно отвѣчаетъ Куглеръ: „Греки возбудили крестовый походъ, чтобы получить помощь противъ Сельджуковъ, то есть, чтобы наконецъ вновь подчинить Малую Азію Византіи. Еслибъ они остались нейтральными, то отказались бы, можетъ быть, на всегда отъ приобрѣтенія этой страны. Ибо кто поручился бы императору, что крестоносцы не попытаются сохранить Малую Азію и основать тамъ сильное франкское государство? Такое государство было бы еще опаснѣе для Византійской имперіи, чѣмъ эмиратъ Никейскій“¹⁾.

Почему же это Куглеръ, признавая опасность франкскаго государства, не допускаетъ опасности норманнскаго княжества, которое, однако, могло нанести большой вредъ Византіи²⁾.

Покончивъ свои дѣла въ Константинополѣ, Возмундъ переправился въ Малую Азію и принялъ дѣятельное участіе въ крестовомъ походѣ. Въ началѣ мая 1097 г. началась осада Никеи; послѣ побѣды надъ Килиджъ-Арсланомъ и отступленія его, городъ, очевидно, не могъ долго продержаться, потому что не могъ ожидать уже помощи извнѣ и долженъ былъ рассчитывать на одиѣ собственныя силы. Эта сильная крѣпость была со всѣхъ сторонъ блокирована громаднымъ крестоноснымъ войскомъ, исключая только моря, по которому осажденнымъ постоянно подвозили провіантъ. Чтобы уничтожить это

¹⁾ Komnenen und Kreuzfahrer, p. 310.

²⁾ Зибель первый усиллъ надлежашимъ образомъ отношеніе Возмунда къ Алексію Комнину, во время пребыванія перваго въ Византійской имперіи; онъ показалъ, что Возмундъ совершенно искренно хотѣлъ заключить союзъ съ императоромъ. Куглеръ въ общихъ чертахъ слѣдуетъ Зибелю, отступая отъ него только въ частности, что видно изъ текста. Прежде господствовалъ взглядъ Вилкена, который называетъ поведеніе Алексія Комнина не умнымъ и коварнымъ, говорить, что Возмундъ былъ страшенъ и ненавистенъ императору, и что послѣдній боялся мести за пораженіе при Дариссѣ (Geschichte d. Kreuz. I, 108—109, 127). Финлей, который не читалъ ни Зибеля ни Куглера, говоритъ, что Возмундъ только по необходимости, видя примѣръ другихъ, принесъ ленную присягу Византійскому императору (History of the Byzantine and Greek empires, II, 124).

преимущество осажденныхъ, рыцари на совѣтъ постановили, за немѣніемъ собственныхъ судовъ, просить Византійскаго императора о присылкѣ ихъ. Алексѣй охотно согласился на эту просьбу, потому что ему представлялся такимъ образомъ удобный случай привести къ Никеѣ византійскія войска. Греческій флотъ, подъ прикрытіемъ отряда Туркопуловъ, которыми начальствовалъ Вутумитъ, окончательно блокировалъ Никею. Этому полководцу удалось войти въ сношеніе съ осажденными и уговорить ихъ сдаться Византійскому императору, доказывая, что это будетъ имъ выгодноѣе, чѣмъ отдаться въ руки западныхъ рыцарей. Алексѣй предложилъ имъ самыя свисходительныя условія и думалъ о томъ, какъ бы ему вполне исключить Франковъ изъ владѣнія этимъ городомъ. Всѣ мѣры для этого были приняты. Послѣ снаряженія флота былъ отправленъ въ Никею легкій двухтысячный отрядъ, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпить Вутумита. Кромѣ того, большое войско стояло на готовѣ между Халкидономъ и Пеликанумомъ; Алексѣй могъ достойнымъ образомъ отвѣтить, если бы на него напали Франки. 10-го іюня все было готово; Вутумитъ уговорилъ западныхъ рыцарей къ общему штурму съ суши и съ моря; вдругъ, по заранѣе заключенному условію, осажденные впустили къ себѣ греческій отрядъ. Тотчасъ же вновь открылись ворота, императорское знамя развивалось на стѣнахъ; западные рыцари, къ крайнему своему удивленію, увидѣли, что ихъ перехитрили. Такъ Алексѣй безъ большихъ жертвъ отвоевалъ весьма важный городъ; собственно говоря, завоевало его западное войско, которое еще до прибытія греческаго флота отразило султана и потому принимало самое дѣятельное участіе въ осадѣ. Западные рыцари послѣ нѣкотораго колебанія и не безъ досады рѣшились уступить городъ Византійскому императору, чувствуя, что осаждать греческую Никею не соответствовало бы цѣли ихъ похода, и думая, что Алексѣй еще можетъ имъ пригодиться. Затѣмъ въ Пелоканумѣ всѣ рыцари вторично принесли ленную присягу императору; одинъ Танкредъ отказывался подъ предлогомъ, что онъ признаетъ только главенство Воэмунда, но наконецъ склонился на увѣщанія Воэмунда и призналъ себя вассаломъ Комнина ¹⁾.

Воэмундъ принималъ также участіе въ сраженіи при Дорилеѣ и въ 1098 г. приступилъ вмѣстѣ съ остальнымъ войскомъ къ Антиохіи. Подъ Антиохіей крестоносцамъ пришлось простоять довольно долго:

¹⁾ Sybel, p. 285—290.

крѣпость была на столько сильна, что взять ее приступомъ представляло неодолимые трудности. Пришлось, кромѣ того, сражаться противъ Кербога Мосульскаго, пришедшаго на помощь осажденнымъ. Здѣсь Боэмунду удалось высказать во всемъ блескѣ свою храбрость и военное искусство. Онъ обѣщалъ взять городъ, если рыцари согласятся передать ему въ вѣчное владѣніе Антиохію. Предложеніе его было принято; онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченною властью, и ему удалось восторжествовать надъ всѣми затрудненіями, побѣдить Кербогу и присоединить Антиохію къ вновь завоеванной территоріи. Но тогда Раймундъ Тулузскій, занявшій нѣсколько башенъ въ Антиохіи, началъ оспаривать права Боэмунда на этотъ городъ. Собственно говоря, въ силу ленной присяги, принесенной рыцарями, они обязаны были отдать Антиохію Византійскому императору, какъ сдѣлали это съ Никеей. Но въ силу той же присяги, Византійскій императоръ обязанъ былъ помогать крестоносцамъ, чего онъ не сдѣлалъ въ критическую минуту, когда грозила серьезная опасность отъ Кербога. По феодальнымъ обычаямъ, западные рыцари имѣли право отказаться отъ присяги, вслѣдствіе нарушенія обѣщанія ихъ сюзереномъ, Алексѣемъ Комниномъ. Раймундъ, боясь усиленія Боэмунда, отстаивалъ права императора, но послѣ довольно продолжительнаго сопротивленія ему пришлось оставить свои притязанія и продолжать путь въ Іерусалимъ; того требовало его войско, возмущенное междоусобіями и стремившееся скорѣе увидѣть Святую Землю. Такимъ образомъ Боэмундъ вышелъ побѣдителемъ, онъ не продолжалъ похода съ остальными рыцарями и не участвовалъ во взятіи Іерусалима. Онъ занялся укрѣпленіемъ Антиохіи, завоеваніемъ сосѣднихъ мѣстъ, однимъ словомъ, основаніемъ новаго Сирійскаго государства.

Лѣтомъ, 1098 г. пока крестоносцы спорили еще о томъ, кому владѣть Антиохіей, они отправили посольство къ Алексѣю, обѣщая сдать ему городъ, если онъ пришлетъ имъ подкрѣпленіе. Въ отвѣтъ на это, весной 1099 г. прибыли послы въ Антиохію съ требованіемъ отдать императору всѣ завоеванія въ сѣверной Сиріи. Боэмундъ, находившійся въ то время одинъ въ Антиохіи, отвѣтилъ, что императоръ не сдержалъ своего обѣщанія, не прислалъ подкрѣпленія, и потому онъ не въ правѣ требовать, чтобы ему отдали то, что добыто большими усиліями и съ большими затрудненіями. Константинопольское посольство отправилось дальше къ остальнымъ крестоносцамъ и застало ихъ у замка Ирка. Здѣсь послы

изложили вновь свое неудовольствіе на Воэмунда, обѣщали, что къ Иванову дню императоръ придетъ къ нимъ на помощь съ большимъ войскомъ, и просили подѣйствовать на князя Тарентскаго. Но Алексѣй получилъ и отъ другихъ западныхъ рыцарей тотъ же отвѣтъ, что отъ Воэмунда, и видѣлъ, что ему нечего рассчитывать на добровольное исполненіе принесенной присяги ¹⁾.

Съ этой минуты начались непріязненные отношенія Алексѣя съ Воэмундомъ, и понятно, что они должны были начаться именно теперь, а не раньше. Теперь только ясно обозначились планы Воэмунда, которымъ не могъ не противодействовать Византійскій императоръ; теперь только понялъ князь Тарентскій, что нельзя пользоваться Византіей какъ слѣпымъ орудіемъ, и что Алексѣй, занятый расширеніемъ предѣловъ своего государства, вовсе не намѣренъ помогать Воэмунду въ основаніи новаго норманнскаго княжества. Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ крестоносцевъ, Алексѣй снарядилъ войско подъ начальствомъ Мануила Вутумита, опытнаго и искуснаго полководца, отличавшагося уже раньше въ дѣлахъ съ Турками ²⁾, и Монастры, полу-Грека и полу-Турка, защищавшаго имперію противъ Печенѣговъ ³⁾; цѣль экспедиціи была занять всю Киликію. Но туземцы Киликіи, Армяне, въ соединеніи съ Норманнами, дали такой сильный отпоръ греческому войску, что планъ не удался. Вутумитъ, избѣгая серьезнаго столкновенія, пробрался къ Марашу, взялъ этотъ городъ, завоеванный раньше Воэмундомъ и Раймундомъ, и препоручивъ его Монастрѣ, удалился въ Константинополь ⁴⁾.

Нѣсколько раньше этого похода Лаодикей, значительный портъ, населенный преимущественно Греками, была взята Робертомъ, гер-

¹⁾ Anna Comn. XI, p. 322—p. 333; Will. Туг. VII, 20; Kugler, Voemund und Tankred, p. 10.

²⁾ Anna Comn. p. 172, 249—250.

³⁾ Anna Comn. p. 213, 214, 232.

⁴⁾ Anna Comn. p. 333—334; Kugler, p. 12.

Мы слѣдуемъ хронологіи, установленной Куглеромъ (см. прим. 7) и подкрѣпленной весьма основательными доводами. Вопреки мнѣнію Зибела и другихъ историковъ, онъ относитъ событія, разказанныя Аниою послѣ втораго взятія Лаодикей Танкредомъ (1102 г.), къ 1099 г., то-есть, связываетъ ихъ съ первымъ взятіемъ Лаодикей Воэмундомъ. Онъ не обратилъ вниманія на нѣсколько словъ Аниы, подкрѣпляющихъ его догадку. «Пизанскій елотъ», говоритъ она (p. 337),— «быстро снявшись съ якоря, направляется въ Лаодикою къ Воэмунду». Во время взятія Лаодикей Танкредомъ, Воэмундъ былъ въ плѣну.

погомъ Нормандскимъ. Когда греческій флотъ осадилъ этотъ городъ, жители, возмущенные безчеловѣчнымъ обращеніемъ Норманновъ, изгнали гарнизонъ. На помощь явился Воэмундъ; узнавъ это, Алексѣй снарядилъ большой флотъ подъ начальствомъ Лантульфа. Ему пришлось имѣть дѣло съ пизанскимъ флотомъ, выступившимъ въ 1099 г. въ количествѣ 120 кораблей, подъ начальствомъ своего архіепископа Дайберта, иначе Дагоберта, впоследствии патріарха Іерусалимскаго. Пизанскій флотъ дѣлалъ десанты на нѣсколькихъ островахъ — Родосъ, Левкадіи, Кефалоніи, но много терпѣлъ отъ непогоды и отъ греческаго флота, постоянно беспокоившаго его и метавшаго въ него греческій огонь; впрочемъ, Пизанцы достигли своей цѣли: они пристали къ Лаодикеѣ и помогли Воэмунду взять этотъ городъ. Византійскому флоту не удалось помѣшать этому соединенію, и онъ въ безсиліи остановился на островѣ Кипрѣ. Для переговоровъ съ Норманнами былъ посланъ Бутумитъ, но Воэмундъ продержалъ его двѣ недѣли и отпустилъ съ угрозами, не думая входить въ какія-нибудь сношенія съ Византіей. Греческій флотъ, послѣ неудачной экспедиціи, возвратился въ Константинополь, потерпѣвъ еще дорогою порядочный уронъ отъ сильной бури ¹⁾).

Однако, Воэмунду не удалось удержать въ своихъ рукахъ Лаодикею: вслѣдствіе требованія остальныхъ крестоносцевъ и въ особенности Раймунда, завидовавшихъ его успѣхамъ, пришлось отдать городъ Алексѣю. Жители Лаодикеи были признаны подданными Византійскаго императора, и Раймундъ, временно занявшій этотъ городъ, сдалъ его Андронику Чинчилукъ ²⁾).

Въ то же время Алексѣй сдѣлалъ распоряженія, съ цѣлью отрѣзать Норманновъ отъ Сирійскаго моря. По его приказанію, Евстафій, великій другарій флота, возстановилъ укрѣпленный портъ Коррикъ, имѣвшій прежде большое значеніе, но въ то время разрушенный. Онъ укрѣпилъ рвами Селевкию, крѣпость, находившуюся въ 6 стадіяхъ отъ Коррика. Затѣмъ, оставивъ въ обоихъ городахъ гарнизоны и военные суда подъ начальствомъ Стратигія Страва, для того, чтобы

¹⁾ Anna Comn., p. 335—337; Gesta Triumphalia per Pisanos facta (*Muratori*, VI, 99; *Pertz*, SS. XIX, 269); *Kugler*, p. 12—13. Византійская царица говоритъ, будто у Пизанцевъ было 900 судовъ, но число это, очевидно, преувеличено, какъ всѣ цѣровыя данныя въ Алексіадѣ. Въ Пизанской хроникѣ значится 120 судовъ.

²⁾ *Kugler*, p. 13.

не допустить до Боэмунда вспомогательное войско, которое всегда могло прійти съ запада, Евстаѳій удалился въ Константинополь ¹⁾.

Вскорѣ послѣ сдачи Лаодикии Алексѳю, Боэмундъ соединился на время съ Раймундомъ, и они вмѣстѣ съ пизанскимъ флотомъ пытались нѣсколько разъ, но неудачно, взять Джебелъ ²⁾.

Въ ноябрѣ 1099 г. Боэмундъ прекратилъ на время военныя дѣйствія и предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ, цѣль котораго была скорѣе дипломатическая, чѣмъ желаніе поклониться Гробу Господню. Онъ отправился съ Валдуиномъ Эдесскимъ и Дагобертомъ, епископомъ, вполнѣ усвоившимъ себѣ взгляды Григорія VII на церковь, ея власть и права. Боэмундъ, какъ говоритъ Куглеръ, предпринялъ большую рекогносцировку отношеній между вновь возникшими тогда державами. Онъ увидѣлъ, что наложить руку на Іерусалимское королевство не было никакой возможности, тѣмъ не менѣе онъ старался подкопаться какъ-нибудь подъ могущество Готфрида. Благодаря его интригѣ, патриархъ Іерусалимскій Арнульфъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ Дагобертъ. Новый патриархъ употребилъ все свое стараніе на то, чтобы преобразовать Іерусалимское королевство въ церковную область. Готфридъ отдалъ въ его владѣніе Іерусалимъ и Іуппе и призналъ себя вассаломъ Гроба Господня и патриарха. Такимъ образомъ Боэмунду удалось подорвать могущество Готфрида и чрезъ своего приверженца Дагоберта пріобрѣсти вліяніе на дѣла Іерусалимскаго королевства. Такого рода дѣйствіе показываетъ намъ, что князь Антиохійскій былъ не только храбрый полководецъ, но и дипломатъ и государственный дѣятель ³⁾.

Одно несчастное обстоятельство, случившееся отъ неосторожности Боэмунда, не позволило ему развить своего могущества въ Сиріи. Положеніе Норманновъ было довольно шаткое: съ одной стороны, имъ приходилось обороняться противъ Грековъ, съ другой—имъ постоянно угрожали болѣе опасные непріатели, Сельджуки. Противъ тѣхъ и другихъ обратилъ свое оружіе Боэмундъ, возвратившись изъ Іерусалима. Прежде всего онъ напалъ на Марашъ и опустошилъ эту область, однако не достигъ блестящихъ результатовъ: городъ остался въ рукахъ Грековъ ⁴⁾. Затѣмъ Боэмундъ обратился противъ Сельджуковъ.

¹⁾ Anna Comn. p. 338.

²⁾ Kugler, p. 14.

³⁾ Kugler, p. 14—15.

⁴⁾ E. Dulaurier. Récit de la première croisade extrait de la chronique de Matthieu d'Edesse, p. 22.

Когда онъ напалъ на область эмира Алеппскаго, къ нему пришелъ вѣстникъ отъ армянскаго князя Малатіи Гавріила (по армянски Каурила), съ обѣщаніемъ отдать свой городъ, если онъ поможетъ ему отразить Каппадокійскаго султана Мелико-Гази Данишменда, осадившаго этотъ городъ. Узнавъ, что Норманны идутъ на помощь осажденнымъ, Данишмендъ снялъ осаду и пошелъ на встрѣчу къ Боэмунду. Послѣдній шелъ беззаботно, не готовый къ бою и не ожидая увидѣть непріятеля, пока не дойдетъ до Малатіи. Но Сельджуки внезапно напали на Норманновъ, разбили ихъ и захватили въ плѣнъ Боэмунда, Ричарда дель-Принчипато и другихъ знатныхъ рыцарей. Они были закованы въ цѣпи и отведены въ Неокесарею, городъ Понта, на рѣкѣ Ликъ. „Эта катастрофа“, говоритъ Матеей Едесскій, — привела въ уныніе христіанъ, и сильно обрадовала Сельджуковъ; ибо невѣрные считали Боэмунда настоящимъ королемъ Франковъ, и имя его приводило въ трепетъ весь Хорасанъ“. Это случилось лѣтомъ 1100 году ¹⁾.

Императоръ Алексѣй думалъ воспользоваться плѣнномъ Боэмундомъ, для того, чтобъ окончательно сокрушить его; онъ предложилъ Данишменду значительный выкупъ за Антиохійскаго князя, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ отданъ въ полное его распоряженіе; но попытка эта не удалась, и Боэмундъ оставался въ плѣну три года, то-есть, до 1103 г., когда онъ былъ выкупленъ за 100 тысячъ золотыхъ. Деньги эти уплатили частью Балдуиъ Едесскій, частью армянскій князь Когъ-Василій, царствовавшій въ области Комагенъ съ 1082 по 1112 г. и находившійся постоянно въ сношеніяхъ съ крестоносцами, въ особенноти же съ Тапкредомъ. Ричардъ дель-Принчипато былъ выданъ за большія деньги Византійскому императору ²⁾.

¹⁾ Мы слѣдуемъ Матеею Едесскому, армянскому писателю и эконому одного изъ одесскихъ монастырей. Онъ умеръ около 1144 г. Хроника его объимаетъ время съ 952—1136 г. (401—585 г. армянскаго лѣтосчисленія). Онъ относится довольно безпристрастно, какъ къ западному войску, такъ и къ Сельджукамъ; показанія его, какъ очевидца перваго крестоваго похода и человека, не зараженнаго ни западными, ни восточными предрасудками, весьма драгоцѣнны для выясненія похода крестоносцевъ. Сл. *Dulaurier*, стр. 23 и сл. О событіи, только что нами разказанномъ, говорятъ многіе западные писатели и приводятъ тѣ же подробности. См. *Fulch.* I, 85 (III, 368—369); *Alb. Aq.* VII, 27, 28 (IV, 524—525); *Will. Tyr.* IX, 21; *Rom.* в. а. 1100. Камаль-аль-идинъ (*Röhrich*, В. I, p. 228) говоритъ о нападеніи Боэмунда на эмира Алеппскаго.

²⁾ Здѣсь мы слѣдуемъ опять лучшему источнику, Матеею Едесскому (*Dulaurier*, p. 31 сл.); но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы выкупъ столь значительный былъ внесенъ однимъ армянскимъ княземъ безъ всякаго участія за-

«Когда Воэмундъ вернулся изъ плѣна», говорятъ Куглеръ,—, прошло самое благопріятное время для необходимыхъ завоеваній, и онъ уже не достигъ никакого существеннаго успѣха. Въ 1100 г. были завоеваны или по крайней мѣрѣ была сдѣлана попытка завоевать Киликію, Малатію, Алеппо; Едесса непременно должна была сдѣлаться леномъ Антиохіи. Вольшое преимущество заключалось въ отличномъ поло-

падныхъ рыцарей, какъ утверждаетъ этотъ писатель. Рауль Канскій (*Guisot, Recueil des mémoires*, XXIII, p. 276) говоритъ, что Валдуинъ одинъ выкупилъ Воэмунда изъ неволи въ Танкреду, который временно управлялъ Антиохіей и съ возвращеніемъ Воэмунда долженъ былъ лишиться власти. Габертъ Нокавскій, VII, 37 (IV, 254), Фульхеръ Шартрскій II, 23 (III, 407), *Gesta Franc. scr. N. cap. 62* (III, 537) не говорятъ о томъ, кто выкупилъ Воэмунда. Альбертъ Ахенскій, IX, 33—36 (IV, 610—612) рассказываетъ слѣдующую басню: императоръ Алексій предложилъ Данишменду 260 тысячъ золотыхъ съ тѣмъ, чтобъ онъ выдалъ ему Воэмунда. Солиманъ предложилъ Данишменду раздѣлять съ нимъ эту сумку; Данишмендъ отказалъ, и это послужило къ разрыву между сельджукскими монахами, бывшими раньше въ дружбѣ. Данишмендъ, подвергавшійся серьезной опасности и не зная, что ему дѣлать, пришелъ въ темницу къ Воэмунду просить у него совѣта. Послѣдній посоветовалъ ему уничтожить причину раздора съ Солиманомъ и отказать Алексію, а въ замѣнъ освободить его за 100 тысячъ, которыя будутъ ему уплачены западными рыцарями. Данишмендъ согласился на это, и въ Антиохіи и другихъ городахъ была собрана нужная сумма. Ордерикъ Виталій (IV, 140—158) рассказываетъ другую, еще болѣе удивительную басню, изложенную болѣею частью въ драматической формѣ. У Данишменда была очень красивая дочь Мелазія, которая сочувствовала крестоносцамъ и христіанской религіи. Она побудила Воэмунда и другихъ латинскихъ рыцарей принять участіе въ битвѣ Данишменда противъ брата Солimana. Для этого она выпустила ихъ изъ темницы, взявъ съ нихъ честное слово, что они вернуться. Благодаря храбрости рыцарей, сдержавшихъ свое слово, Данишмендъ одержалъ побѣду. Вернувшись домой и думая, что рыцари убились, онъ началъ обвинять Мелазію въ измѣнѣ и грозить ей наказаніемъ. Тогда Воэмундъ заступился за нее и засадилъ ей на шею подвѣздъ. Ричардъ былъ посланъ въ Антиохію за войскомъ, и когда онъ вернулся, Воэмундъ заключилъ съ Данишмендомъ вѣчный миръ и ушелъ. Съ нимъ ушла Мелазія и приняла христіанство. Воэмундъ выдалъ ее за своего племянника Ромера, бывшаго впоследствии княземъ Антиохійскимъ. Лучшіе историки Матей, Фульхеръ и Еккегардъ (XXVIII, 5) относятъ освобожденіе отъ плѣна Воэмунда къ 1103 г. См. также *Gesta Fr. cap. 62* (III, 537). Вильгельмъ Тирскій относитъ это событіе къ 1104 г., Альбертъ—къ 1102 и 1104. Ср. *Hagenmeier, Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita* (стр. 292, прим. 37). Въ письмѣ Феодоракта Волгарскаго къ Григорію Таровиту, переведенномъ и напечатанномъ *В. И. Успенскимъ* въ его «Образованіи втораго Волгарскаго царства» (стр. 14 прил.), есть также указаніе на переговоры императора Алексія съ Данишмендомъ. Ср. рецензію *В. Г. Васильевскаго* на трудъ профессора Успенскаго, стр. 75.

женіи Танкреда въ Галилеѣ, который съ фланга грозилъ неприятелю. Княжество Антиохійское было достаточно велико, чтобы образовать самостоятельное и устойчивое государство: оно опиралось преимущественно на важнѣйшей части христіанскаго населенія сѣверной Сиріи, на Армавахъ. Въ военномъ отношеніи Антиохія была гораздо сильнѣе Іерусалима, и ей нечего было бояться соперничества этого слабого королевства, которое никогда не могло бы справиться съ Норманнами. Но въ три года многое измѣнилось. Танкредъ, временно управлявшій Антиохіей въ отсутствіе Возмунда и всячески преслѣдовавшій норманнскіе интересы, вынужденъ былъ отдать Галилею новому Іерусалимскому королю Балдуину. Потеряна была отличная позиція на югѣ завоеванныхъ земель, и надежда завоевать страну между Антиохіей и Галилеей стала весьма шаткою. Іерусалимское королевство приобрѣло совсѣмъ иное значеніе: оно, рядомъ съ Антиохіей, стало вторымъ центромъ политической жизни западныхъ христіанъ на Востокѣ. Изъ внѣшнихъ враговъ Греки не представляли серьезной опасности; Танкреду удалось отвоевать у нихъ Тарсъ, Адану, Мопсуестію и Лаодикею. За то Сельджуки становились все страшнѣе и страшнѣе ¹⁾.

Противъ нихъ-то прежде всего и обратился Возмундъ, возвратившись изъ плѣна. вмѣстѣ съ Балдуиномъ Едесскимъ и графомъ Іосцелиномъ, владѣвшимъ Тель-Баширомъ, отправились они къ Гаррану съ цѣлю завоевать этотъ городъ. Позиція его была на столько важна, что въ случаѣ удачи крестоносцы, окруживъ Алеппо, Гамахъ и Гимсъ, непременно завладѣли бы этими провинціями. Но на этотъ разъ неприятели оказались слѣшкомъ сильны; Сокманъ, эмиръ Гисн-Кейфы, и Джекормишъ Мосульскій соединились и напали на христіанъ между Гарраномъ и Ракка. Союзное западное войско было на голову разбито, Балдуинъ и Іосцелинъ взяты въ плѣнъ, потеря людей была весьма значительна; Возмунду и Танкреду удалось, однако, спастись кое-какъ и убѣжать въ Едессу. Никогда до тѣхъ поръ христіане не претерпѣвали такого пораженія; послѣдствія были самыя грустныя: Сельджуки доходили до воротъ Антиохіи, большая часть территоріи отошла къ Алеппскому эмиру ²⁾.

Дѣйствія Возмунда противъ Грековъ были также далеко неудачны. Кантакузинъ осадилъ съ моря Лаодикею и взялъ городъ, но въ самой

¹⁾ Kugler, p. 16—24.

²⁾ Kugler, p. 25—26.

крѣпости еще держались Норманны; Возмунду удалось съ опасностью жизни пробраться къ осажденнымъ и доставить имъ съѣстныхъ припасовъ и новый гарнизонъ. Осада продолжалась еще тогда, когда Возмундъ покинулъ Антиохію, и только въ 1106 г. Танкреду удалось вновь завладѣть Лаодикеей. На сушѣ Монастра завоевалъ опять Тарсъ, Адану и Мопсуестію. Греки были особенно страшны для Возмунда, потому что они находились въ союзѣ съ Раймундомъ, графомъ Тулузскимъ. Теперь и Сельджуки, и Византія начинали брать перекѣсъ надъ Норманнами ¹⁾.

Пораженіе подъ Гарраномъ имѣло рѣшительныя послѣдствія: тутъ рушились надежды Возмунда, надежды, которыя онъ до своего плѣна начиналъ приводить въ исполненіе самымъ блестящимъ образомъ, благодаря своему ясному государственному уму и личной храбрости. Надежда основать сильное, самостоятельное норманнское государство оказывалась неосуществимою, по крайней мѣрѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Того, что оставалось, было достаточно только на небольшое княжество, въ родѣ того, какое имѣлъ Возмундъ въ Италіи. Князь Антиохійскій, конечно, не могъ не понять, что оставаться долѣе на Востокѣ не имѣетъ цѣли: надо было искать новаго войска и новыхъ средствъ для того, чтобы осуществить первоначальную идею. Движимый такими соображеніями, Возмундъ препоручилъ свое разлагающееся княжество Танкреду и въ 1104 г. отиравился въ Италію ²⁾.

¹⁾ Anna Comn. p. 339—341; Raoul de Caen, ch. 151; (*Guisot*, XIII, p. 283—284).

²⁾ У Анны Комнини (p. 341—342) и Зонары (*Migne, Patrologiae ser. gr. t. 136*, p. 312) находимъ разказъ о томъ, что Возмундъ распустилъ слухъ о своей смерти, легъ въ гробъ и его такимъ образомъ довели до Кореу, боясь нападенія греческаго флота. Но извѣстія этого нѣтъ ни у одного западнаго писателя; Рауль Кавенскій, очевидецъ этого событія, говоритъ, что Возмундъ переправился на 13 судахъ въ виду греческаго флота. См. Guib. VII, 317 (IV, 254); Alb. Agn. IX, 47 (IV, 620); Will. Тург. XI, 1 (I, 450); Gesta Fr. cap. 65 (III, 538), Rom. a. a. 1105; Fulch. II, 26 (III, 808); Ord. Vit. XI; Mathieu d'Edesse ch. 32; Raoul ch. 153. Вилькенъ написалъ особое приложеніе, чтобы защитить достоверность показанія византійской царевны. Аргументація его не выдерживаетъ критики. Первый его доводъ заключается въ томъ, что Возмунду, отправаившемуся на *одномъ* (?) суднѣ, надо было быть очень осторожнымъ. Вторыхъ, говоритъ онъ, — молчаніе западныхъ писателей не можетъ считаться опроверженіемъ Анны, потому что они вообще даютъ неполныя извѣстія о возвращеніи Возмунда въ Италію. Третьихъ, онъ приводитъ случаи, собранные Дюканжемъ, когда была пущена въ ходъ та же хитрость: *Wilken, Geschichte der Kreuzzüge. Bd.*

III.

Походъ Воэмунда на Византію (1107—1108 гг.).

Во всѣхъ источникахъ мы находимъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, что Воэмундъ, вернувшись изъ Азіи, путешествовалъ по Европѣ и всюду вербовалъ войско; но цѣль его не всѣми объясняется одинаково. Эккегардъ Урахскій, напримѣръ, говоритъ, что Воэмундъ странствовалъ по Европѣ до границъ Испаніи, набирая какъ можно больше войска противъ тиранна Алексѣя Комнина ¹⁾. Анна Комнина разказываетъ также, что Воэмундъ имѣлъ въ виду покорить Византію. Ордерикъ Виталій, напротивъ, говоритъ о крестовомъ походѣ въ Іерусалимъ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что Воэмундъ въ 1107 году переправился въ Византійскую имперію и осадилъ Драчь, а въ 1108 г. заключилъ миръ съ Алексѣемъ и вернулся домой; оказалось, что былъ походъ на Византію, но не было крестоваго похода въ Іерусалимъ. Впрочемъ, на этомъ основаніи всѣ историка единогласно утверждаютъ, что Воэмундъ во время своего путешествія по Европѣ проповѣдывалъ походъ противъ Византіи, и что цѣль его была завоевать это государство. Однако, если таковъ былъ планъ Воэмунда, насъ не можетъ не поразить его непослѣдовательность. Въ 1096 г. онъ задумываетъ основать норманнское царство въ Азіи, и въ этомъ ставитъ цѣль своей жизни, а черезъ десять лѣтъ забываетъ о своей цѣли и задается несбыточною мечтою покорить Византійскую имперію. И почему же это? Развѣ все было потеряно въ Азіи? Нисколько; еще существовало Антиохійское княжество, оно не разрушилось, у него было достаточно силъ, чтобы защищаться отъ непріятелей. Оно стало слабѣе, чѣмъ было раньше, оно требовало свѣжихъ силъ, но оно еще было далеко отъ распада. Къ чему же было бросать только что воздвигнутое и еще не

II, Beilage IV. Но Зибель, не убѣжденный этими доводами, заподозрилъ этотъ разказъ византійской царевны и считаетъ его баснею: *Geschichte des ersten Kreuzzugs*, p. 468. Съ нимъ соглашается Куглеръ (p. 70) и Гассимейеръ (p. 293). Филлей (p. 142—143), не читавшій Зибеля и слишкомъ доверяющій показаніямъ Анны, выдаетъ ея разказъ за истинное происшествіе.

¹⁾ *Ipse usque ad Hispaniae regna peragrare cunctanque quam posset militiam contra tyrannum prescriptum congregare* (XXXIII, 5).

развалившееся зданіе, для того, чтобы начать строить вавилонскую башню, которая касалась бы неба?

Ордерикъ Виталій, жившій во Франціи во время вербовки Бозмунда и на глазахъ у котораго происходили событія 1105—1107 гг., —единственный писатель, который подробно описываетъ путешествіе князя Антиохійскаго по Европѣ. Мы не имѣемъ основательныхъ причинъ не довѣрять ему. По его свидѣтельству, Бозмундъ проповѣдывалъ крестовый походъ въ Іерусалимъ съ цѣлью защищать гробъ Господень отъ непріятелей ¹⁾. Свидѣтельство его подкрѣпляется и другими источниками. Въ походѣ Бозмунда принималъ участіе, между прочимъ, Гуго, виконтъ Шартрскій. Предъ отправленіемъ въ походъ у него возникло дѣло съ графомъ Ротрокомъ. По этому дѣлу мы имѣемъ три письма Ивона, епископа Шартрскаго. Въ каждомъ изъ нихъ онъ говоритъ, что Гуго отправился въ Іерусалимъ.

„Vicesomes (Hugo), quia Hierusalem iturus erat“ ²⁾.

„Ab Hugone vicesomite Hierosolymam tendente“ ...³⁾.

„Hugoni vicesomiti Carnatensi Hierosolymam eunti“ ⁴⁾.

Далѣе, Ордерикъ Виталій разсказываетъ объ энтузіазмѣ, охватившемъ народъ послѣ рѣчи Бозмунда въ Шартрѣ. Вычтлѣннѣе это напоминаетъ воодушевленіе народа послѣ Клермонскаго собора, и трудно объяснить его, если предположить, что Бозмундъ звалъ рыцарей въ походъ съ тѣмъ, чтобы завоевать Византію. Напротивъ того, энтузіазмъ при мысли, что они идутъ въ Святую землю, идутъ освободить ее или защищать отъ невѣрныхъ иноплѣнъ, понятнѣе.

Забудемъ на время то, что говоритъ лучший историкъ Бозмунда, Куглеръ ⁵⁾. Забудемъ, что походъ состоялся въ Византію, что Боз-

¹⁾ *Iter in Hierusalem arripuerunt*, говоритъ Ордерикъ въ 11-й книгѣ объ участникахъ похода Бозмунда.

²⁾ *Epistola Ivonis Carnatensis episcopi ad Daibertum Senonensem archiepiscopum*. (*Воицетъ*, XV, 137).

³⁾ *Ad Galunem Parisiensem episcopum* (тамъ же, стр. 138).

⁴⁾ *Ad Paschalem II papam* (тамъ же стр. 139).

⁵⁾ «Имъ овладѣлъ вѣномъ», говоритъ Куглеръ, —прежній безпокойный норманскій духъ приключеній. Владѣствіе ли озлобленія противъ Грековъ, или заманчивости императорской византійской короны, за которую онъ воевалъ уже въ молодости, онъ перенялъ своей планъ и принималъ рыцарство Италіи и Франціи, хотъ и къ крестовому походу, но къ такому, главному цѣлью котораго было покореніе еретическихъ Грековъ» (*Boemund und Tankred*, p. 26). «Бозмундъ посѣтилъ Францію, чтобы собрать войско для крестоваго похода противъ Византійской имперіи» (*Kinlay, History of the Byzantine and Greek empires*, II, 143).

мундъ никогда болѣе не возвращался въ Антиохію. Вспомнимъ только, что тотъ же ученый справедливо надѣляется князя Тарентскаго свѣтлымъ государственнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, и разсудимъ—логично ли поступаетъ онъ, проповѣдуя походъ на Византію, задаваясь несбыточною мечтою покорить ее? Допустивъ, что такой планъ внезапно возникъ въ головѣ Боэмунда, мы должны отнять у него тѣ качества, которыя раньше ему придавали. Если намъ удастся, доказать, что Боэмундъ вовсе не имѣлъ въ виду покоренія Византіи, то такое обвиненіе отпадетъ само собою. Во всякомъ случаѣ, не разобравъ его дѣйствій, не слѣдуетъ обвинять его въ непоследовательности. Напротивъ, ставъ на его точку зрѣнія и не измѣняя его характера, мы очевидно съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что онъ покинулъ Антиохію не съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе туда не возвращаться, но что, напротивъ, онъ набиралъ войско для осуществленія своего первоначальнаго плана. Народу, конечно, онъ не могъ говорить объ Антиохіи, но долженъ былъ постоянно указывать на Иерусалимъ, хорошо зная, что разъ войско будетъ находиться въ Азіи, оно подъ его предводительствомъ будетъ сражаться противъ мусульманъ съ одинаковымъ рвеніемъ, пойдетъ ли дѣло объ Антиохіи или Иерусалимѣ, имѣя надежду дойти и до этого святаго города. И такъ, мы видимъ, что въ 1105 и 1106 г. проповѣдывался некий крестовый походъ въ Азію, и что такой походъ вполне соответствовалъ стремленіямъ Боэмунда.

Показанія другихъ современныхъ писателей, утверждающихъ, что Боэмундъ набиралъ войско съ цѣлью завоевать Византію, не могутъ служить серьезнымъ опроверженіемъ нашего мнѣнія. Такъ напр., по разказу Анны Компины, Боэмундъ имѣлъ въ виду покорить Византію; онъ переправился въ Италію для того, чтобы созвать какъ можно больше союзниковъ; онъ старался убѣдить всѣхъ, будто императоръ Алексѣй явчичникъ (*παύανος*) и такимъ образомъ возбудить противъ него ненависть¹⁾. По Альберту Ахенскому также выходитъ, что Боэмундъ собиралъ войско исключительно противъ Византійскаго императора²⁾. Фульхеръ Шартрскій говоритъ сперва, что Боэмундъ отпра-

¹⁾ Anna Comn. XII, p. 345—347.

²⁾ Alb. Aq. IX, 47 (1V, 620): Boemundo non solum Italiam sed et Galliam profecto ad acquirendas vires et commovendos principes adversus Alexium regem Graecorum.

вился въ Италію, съ цѣлью привести войско съ собою на востокъ ¹⁾, но дальше онъ ничего не упоминаетъ о цѣли вербовки, а въ одной хроникѣ, составленной по Фульхеру, находимъ извѣстіе о крестоносномъ войскѣ, набранномъ Воамундомъ противъ Византійскаго императора ²⁾. Вальгельмъ Тирскій въ этомъ отношеніи слѣдуетъ Фульхеру. Такого рода показанія, однако, нисколько не противорѣчатъ нашему выводу и объясняются очень просто. Вопервыхъ, планъ Воамунда крылся въ его головѣ, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ началъ походъ противъ Византіи; естественно было заключить, что онъ переправился въ Анулію для приготовленія именно къ этому походу. Всѣ вышеуказанные источники написаны послѣ 1108 г. Повторяя, Воамундъ и въ дѣйствительности проповѣдывалъ походъ противъ Византійскаго императора, но въ какомъ смыслѣ? Какъ противъ одного изъ враговъ, отъ которыхъ слѣдуетъ освободить Святую землю. Ему надо было обратить вниманіе на это обстоятельство, иначе—онъ могъ опасаться, что, когда онъ начнетъ военныя дѣйствія противъ Византіи, то рыцари и войско откажутся ему помогать, въ особенности если представятся затрудненія, что тѣ и другіе будутъ стремиться каждый въ своихъ видахъ въ Іерусалимъ, что, какъ увидимъ ниже, на самомъ дѣлѣ и случилось. Однако, возбуждать особую ненависть противъ Византійскаго императора, какъ говорить Анна, Воамунду не было необходимости: на Западѣ въ то время сложился далеко не лестный взглядъ на Алексѣя Комнина. Монахъ Робертъ пишетъ, что Византійскій императоръ радовался побѣдамъ Сельджуковъ надъ христіанами ³⁾. Алексѣя обвиняли въ томъ, что онъ заводитъ отряды крестоносцевъ въ пустыни и непроходимыя мѣста, чтобы они истощались отъ голода и жажды, и Туркамъ послѣ этого не трудно было ихъ перерѣзать ⁴⁾. Нѣмецкій лѣтописецъ Вернольдъ, начавшій свою хроніку въ 1072 г., пишетъ: „Императоръ Алексѣй вслѣдствіе старался устроиться такъ, чтобы не помогать крестоносцамъ. Ибо онъ не колебался предавать огню или возвращать невѣрнымъ тѣ страны, которыя наши

¹⁾ Fulch. II, 26 (III, 406). Ivit Boamundus ut de transmarinis partibus gentem secum reduceret.

²⁾ Gesta Francorum expugnantium Hierusalem, cap. 56 (III, 538): Boamundum vero trans Alpes in Gallias et partes Occidentis, ut contra Imperatorem sibi adiutoria quaereret, legavit (Papa) atque signiferum Christi exercitus eum constituit, vexillumque sancti Petri ei tradens, in pace dimisit.

³⁾ Rob. Mon. II, 13 (III, 736).

⁴⁾ Alb. Aq. VIII, 46 (IV, 584).

вырвали изъ ихъ рукъ, и всячески старался преградить пилигримамъ путь въ Іерусалимъ¹⁾. Такой взглядъ сложился подъ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ раздѣлились церкви и даже раньше 1054 г., Западъ считалъ Востокъ страной еретическою; тамъ не признавали папу, не признавали многихъ обрядовъ католической церкви; императоръ Константинъ былъ отлученъ отъ церкви, а въ лицѣ его и всѣ Византійскіе императоры. Затѣмъ Алексѣй Комнинъ не помогалъ крестоносцамъ; онъ даже воевалъ съ Боэмундомъ, пришедшимъ освободить Гробъ Господень. Наконецъ, въ его войскѣ видѣли Печенѣговъ, Половцевъ и даже Турокъ, все язычниковъ, все враговъ христіанской религіи. Какъ же было послѣ этого относиться сочувственно къ императору Алексѣю? Конечно, никто изъ западныхъ народовъ того времени не задумался бы сражаться противъ Византіи, но конечная цѣль была все-таки Святая Земля, и никто не сталъ бы медлить въ Греціи, если бы представлялась возможность мирно и какъ можно скорѣе пройти чрезъ эту еретическую страну въ Обѣтованную землю¹⁾.

Если принять, какъ мы это думаемъ, что Боэмундъ не покидалъ своего первоначальнаго плана основать Норманнское царство въ Сиріи, возникаетъ вопросъ: почему же онъ, набравъ достаточное войско, не переправился въ Азію? Еслибъ онъ сдѣлалъ это, говоритъ Куглеръ, — планъ его могъ бы осуществиться²⁾. Въ Византіи заключался для Боэмунда, такъ-сказать, центръ тяжести. Противъ Сельджуковъ онъ имѣлъ невольныхъ союзниковъ, другихъ крестоносцевъ, противъ Византіи — никого. Еслибъ ему удалось сломить ея могущество, заставить императора отказаться отъ завоеваній въ Сиріи, заключить съ нимъ, напримѣръ, мирный договоръ на нѣсколько лѣтъ, онъ могъ бы считать свое дѣло выиграннымъ. Положеніе его въ Антиохіи значительно измѣнилось бы: онъ не былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, ему пришлось бы имѣть дѣло съ одними только Сельджуками. У него естественно могло явиться желаніе бороться сначала съ однимъ непріателемъ, а потомъ съ другимъ, а не съ обоими сразу. Это не значить однако, чтобъ онъ задался несбыточною мечтою завоевать Византію.

Посмотримъ на дѣло съ другой стороны: могъ ли Боэмундъ предпринять въ 1107 г. морской походъ въ Сирію? Весь его флотъ, который онъ долго и съ трудомъ снаряжалъ, состоялъ изъ 30 воен-

¹⁾ Bernoldi Chronicon (*Perts* SS. V, p. 416).

²⁾ Boemund und Tankred, p. 29.

ныхъ судовъ. Морской походъ въ то время представлялъ бы для Воэмунда непреодолимныя препятствія: кромѣ естественнаго непріятеля, бури, которая сама по себѣ могла причинить значительный уронъ и почти уничтожить флотъ, Воэмундъ могъ ожидать нападенія соединеннаго флота греческаго и венеціанскаго, и съ этою силою ему было бы трудно справиться. Могущество морскихъ державъ въ это время постоянно развивалось, и Пиза, напримѣръ, выставила въ первый крестовый походъ 120 судовъ. Припомнимъ, что въ походъ Роберта Гвишмара норманскій флотъ оказался слабѣе венеціанскаго. По нашему мнѣнію, Воэмундъ не могъ рисковать морскимъ походомъ въ столь отдаленную страну, рисковать тѣмъ, что все его войско погибнетъ дорогой, и онъ не увидитъ Азіи; слѣдовательно, ему надо было послѣдовать примѣру 1096 г. и идти черезъ Византію. Но въ послѣдніи десять лѣтъ, положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Алексій Комнинъ уже не могъ безпрепятственно пропустить Воэмунда черезъ свою имперію: это грозило ему потерю земель въ Азіи. Кромѣ того, на этотъ разъ шло не стотысячное войско, и императоръ могъ вполнѣ надѣяться, что ему удастся разбить Воэмунда и не пропустить его въ Антиохію.

Оказывается, что Воэмундъ не могъ поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ: походъ черезъ Византію, а не на Византію, въ смыслѣ ея завоеванія, являлся неизбежнымъ слѣдствіемъ общаго положенія дѣлъ и плана, давно задуманнаго Воэмундомъ, плана, въ которомъ вылился весь его характеръ, необыкновенный государственный умъ, воинственный духъ и большое честолюбіе.

Въ январѣ 1105 г. ¹⁾ Воэмундъ прибылъ въ Варн и пробылъ тамъ до сентября ²⁾. Раньше чѣмъ предпринять задуманное имъ путешествіе по Европѣ для созванія крестоваго похода, онъ обратился къ папѣ, прося его благословенія. Санкція главы церкви имѣла важное значеніе для народа. Пасхалій II не только одобрилъ планъ Воэмунда, но далъ ему для сопровожденія ко Гробу Господню епископа Бруно, легата папскаго престола ³⁾. Между Римомъ и Визан-

¹⁾ Anon. Bar. s. a. 1105 (*Murat. V, p. 154*): Venit Boamundo ab Anthiocia in mense Januario.

²⁾ Anon. Bar. s. a. 1106: Mense Septembri perrexit Boamundus in occidentales partes.

³⁾ Sugerius, De vita Ludovici Grossi (*Bouquet XII, p. 18*): Legatus Dominus Bruno Signinus Episc. a dom. Paschali Papa, ad invitandam et confortandam Sancti Sepulcri viam dominum Boamundum comitatus.

тѣй былъ постоянный политическій антагонизмъ. Со времени Григорія VII, цѣль жизни котораго состояла въ возвышеніи власти церкви надъ всякою другою властью, побѣдѣ алтаря надъ трономъ, торжествѣ церкви надъ государствомъ, папы только и думали объ увеличеніи своего могущества и утвержденіи своей власти, особенно въ Германіи и Италіи. Она вполнѣ проникнулась мыслями своего великаго предшественника, что папа, сидящій на престолѣ св. Петра, подчиненъ одному только Богу, что какъ луна получаетъ свѣтъ отъ солнца, такъ императоры, короли и князья существуютъ только чрезъ папу, что римская церковь—мать всѣхъ христіанскихъ церквей, и всѣ церкви подчинены ей какъ дочери матери, что она имѣетъ право назначать и смѣнять царей, что еретикъ—тотъ, кто отнимаетъ у нея первенство, данное ей Главою всѣхъ церквей ¹⁾. Такъ думали наследники апостола Петра, но совсѣмъ иначе рассуждали преемники Кесаря Августа и Константина Великаго. Они не забыли того, что въ наследіе имъ было оставлено всемірное государство, и что они—законные цари всего міра отъ Гибралтара до Евфрата и отъ далекаго острова Оуле до Египта. Традиціи давно минувшихъ, но славныхъ временъ были живы въ восточной столицѣ. Она гордилась своимъ незапятнаннымъ православіемъ, помнила, что вселенскіе соборы происходили въ ея предѣлахъ, что здѣсь, а не на Западѣ, рѣшались важныя церковныя дѣла, здѣсь составленъ символъ вѣры, здѣсь положено прочное основаніе христіанской религіи, и хотя слабая, хотя разоренная хищниками внутренними и внѣшними, Восточная имперія не хотѣла склонить главы передъ римскимъ владыкою. Только въ критическія минуты, только тогда, когда нельзя было справиться собственными силами, Византійскіе императоры обращались на Западъ и призывали на помощь варварскій Римъ. Такимъ минутамъ всегда радовались папы, и тотчасъ готовы были оказать посильную помощь Византіи, рассчитывая, что чрезъ такое внѣшательство они скорѣе достигнутъ чаемаго результата, заставятъ гордую восточную столицу преклониться предъ собою и пріймутъ ее въ лоно истинной церкви, то-есть, подчинять единой Римской церкви. Такъ было въ 1073 г., когда императоръ Михаиль просилъ помощи у Григорія VII; такъ было и предъ первымъ крестовымъ походомъ. Но не только оказать помощь Восточной имперіи было пріятно папамъ; всякое ослабленіе Византіи, которое могло довести ее до того, что ей приш-

¹⁾ Voigt, p. 171—177.

лось бы связанной по рукамъ и ногамъ отдаться въ полное распоряженіе Рима, до того, что необходимо было бы выбирать между жизнью и подчиненіемъ папѣ, входило въ политику Римскихъ первосвященниковъ, составляло завѣтную ихъ мечту. Поэтому и въ 1105 г. Пасхалій II не отказался содѣйствовать плану Боэмунда; ибо, кромѣ сочувствія, которое возбуждалъ въ папахъ всякій крестовый походъ, онъ зналъ, что на этотъ разъ будутъ сражаться не только съ мусульманами, но и съ Византіей.

Въ мартѣ 1106 г. Боэмундъ былъ уже во Франціи, въ сопровожденіи епископа Бруно, и въ теченіе поста путешествовалъ по этой странѣ. На Пасхѣ онъ былъ въ Нормандіи и имѣлъ свиданіе съ Вильгельмомъ, королемъ Англійскимъ; цѣль этого свиданія и результаты его въ точности неизвѣстны. Очевидно только одно, что Вильгельмъ отклонилъ вѣроатное предложеніе Боэмунда самому принять участіе въ походѣ, но разрѣшилъ своимъ вассаламъ прійти на помощь норманнскому князю; потому что, какъ увидимъ ниже, въ войскѣ Боэмунда попадаются и англійскіе рыцари, съ острова Оулы, какъ говоритъ Анна. Ватѣмъ Боэмундъ отправился въ Léonard-le-Noblas, недалеко отъ Лиможа, поклониться мощамъ св. Леонарда и принести ему богатые дары въ благодарность за освобожденіе отъ плѣна. Странствуя по Франціи, Боэмундъ старался попасть въ тонъ господствовавшему тамъ аскетическому направленію и показывалъ народу привезенныя имъ изъ Святой земли реликвіи и разные священные предметы, возбуждая такимъ образомъ желаніе нобывать въ Палестинѣ и приобрѣсти такіа же драгоценности. Нѣсколько разъ во время своего путешествія Боэмундъ видѣлся съ Филиппомъ, королемъ Французскимъ, и сватался за его дочь Констанцію. Эта Констанція была уже замужемъ за графомъ Гуго Труасскимъ, но бракъ былъ расторгнутъ по причинѣ слишкомъ близкаго родства между супругами. Въ 1106 г. была отпразднована въ Шартрѣ свадьба Боэмунда съ Констанціей въ присутствіи Французскаго короля, папскаго легата, множества архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, князей и графовъ. Свадебный пиръ происходилъ у Аделаиды, вдовы Стефана, графа Блуасскаго, которая на славу угостила короля и весь дворъ. Здѣсь Боэмундъ сталъ на возвышеніе предъ алтаремъ Богоматери и началъ проповѣдывать походъ на освобожденіе Гроба Господня и возбуждать слушателей противъ враговъ христіанства, и въ особенности, Грековъ и императора Византійскаго; онъ сулилъ имъ богатые города и роскошныя земли. „Многіе, послѣ этой рѣчи“, говоритъ Ордерикъ Виталій, — „были

сильно воодушевлены, и принявъ крестъ, покинули все свое имущество, и торопясь какъ бы на пяръ, бросились въ Іерусалимъ¹⁾. 26-го іюня 1106 г. Воэмундъ присутствовалъ съ папскимъ легатомъ на церковномъ собраніи въ Пуату, гдѣ оба говорили рѣчи и опять наwerbовали много народу. Гуго, виконтъ Шартрскій (Hugo Riteacensis, viscomes Carnutensis), Рауль Рижій Понтъ д'Экрепинскій, братъ его Іосцелинъ, Симеонъ Анетскій, Робертъ Мѣльскій, двоюродный братъ его Голякъ (Sans avoir), Робертъ Монфорскій, Вильгельмъ Кларетъ и многіе другіе присоединились къ Воэмунду и отправились съ нимъ въ Тарентъ. Въ августѣ 1106 г. Воэмундъ вернулся въ свое княжество со всѣми присоединившимися къ нему рыцарями и пробылъ здѣсь до осени 1107 г., снаряжая флотъ и готоваясь къ походу²⁾.

Алексѣй Комнинъ, съ своей стороны, готовился оказать сопротивление Воэмунду; цѣль его заключалась въ томъ, чтобы не позволить непріятелю углубиться въ Византійскую имперію и переправиться въ Азію, а въ случаѣ возможности даже не допустить его высадиться въ Иллирикѣ. Императоръ отправилъ пословъ въ Пизу, Геную и Венецію, прося ихъ помощи противъ Воэмунда; но первые два города принимали дѣятельное участіе въ первомъ крестовомъ походѣ, и только Венеція вновь помогла своей старой союзницѣ Византіи. Контостефану, великому дуксу флота (то-есть, генераль-адмиралу), дано было порученіе охранять берега Иллирика и не дозволить Воэмунду сдѣлать десантъ—порученіе, которое онъ исполнилъ очень плохо. Въ то же время Алексѣй собралъ большое войско и лично обучалъ его въ Солуни; была вызвана армія, находившаяся въ Сиріи, со своимъ полководцемъ Кантакузиномъ; офицерами онъ назначилъ 300 молодыхъ людей, составлявшихъ отборный отрядъ, который состоялъ подъ личною командою императора. Такимъ образомъ Воэмундъ не имѣлъ преимущества, какое имѣлъ его отецъ въ 1081 г.; Алексѣй Комнинъ не былъ отвлеченъ другими дѣлами и имѣлъ достаточно времени набирать рекрутовъ, обучать ихъ, вообще готовиться къ войнѣ³⁾.

Въ началѣ октября 1107 г. Воэмундъ началъ переправу изъ Брин-

¹⁾ Unde multi vehementer accensi sunt et accepta cruce Domini omnia sua reliquerunt et quasi ad epulas festinantes iter in Hierusalem arripuerunt.

²⁾ Ord. Vit. I. XI, 24 (IV, 239); Sug I. c. (*Bouquet*, XII, 18); *Hagenmeyer*, *Ekkehardi Hierosolimita* p. 294; *Anon. Bar. s. a.* 1106; et eodem anno mense Augusti reversus est.

³⁾ *Anna Comn.* p. 366—369, 379.

дизи, флотъ его состоялъ изъ 200 транспортныхъ судовъ и 30 военныхъ, а войска было 3,400 ¹⁾. Контостефану не удалось предупредить десантъ норманскаго флота, и Воэмундъ высадился у Авлоны, взявъ этотъ городъ и затѣмъ подступилъ къ Драчу ²⁾. Защитникомъ крѣпости былъ на этотъ разъ племянникъ императора, Алексѣй, сынъ Исаака Севастократора; онъ принялъ всѣ мѣры, чтобъ укрѣпить городъ, приготовилъ большое количество сѣстныхъ припасовъ и смѣло ожидалъ приступа Воэмунда. Посоль былъ посланъ къ императору, еще не выступавшему изъ столицы, и извѣстіе о прибытіи Воэмунда навело на всѣхъ ужасъ ³⁾. Когда съ наступленіемъ весны Воэмундъ могъ предпринять какое-нибудь серьезное дѣйствіе, сдѣланы были три попытки взять городъ приступомъ. Старались проломать брешь въ стѣнѣ огромнымъ тараномъ, прикрытымъ крышей, обтянутою воловьей шкурою; но осажденные, созная крѣпость широкихъ стѣнъ, смѣлялись надъ этою атакою и чрезъ нѣсколько дней сожгли таранъ. Затѣмъ попробовали устроить подкопъ подъ стѣну, и проведеніе мины шло сначала удачно; но узнавъ объ этомъ, защитники Драча провели контрмину и встрѣтившись съ норманскими работниками, опалили ихъ лица греческимъ огнемъ. Работники бѣжали, и вторая попытка была оставлена, какъ не ведущая къ цѣли. Но главная надежда заключалась въ огромной башнѣ, которую Воэмундъ приказалъ выстроить заблаговременно. Мы уже раньше имѣли случай познакомиться съ такого рода атакою. На этотъ разъ башня, какъ всегда на колесахъ,

¹⁾ Это число показано по Анон. Вар. (*Murat*. V p. 155) Вилькеномъ, Куглеромъ и Гагенмейеромъ. По Фульхеру, II, 38 (III, 418) и Вильгельму Тирскому, XI, 6 (I, 481), Воэмундъ переправился 9-го октября; первый говоритъ о 65 тыс. войска, второй о 45 тыс. По Анониму переправа началась 10-го октября. У Альберта Ахенскаго, X, 40 (IV, 650) 72 тыс. Анна Комн. p. 369—370, вопреки западнымъ источникамъ, говоритъ, что Воэмундъ переправился изъ Вари. Относительно года никакого сомнѣнія быть не можетъ: всѣ лучшіе источники—Фульхеръ, Вильгельмъ Тирскій, Анна Комнина, Варійскій Анонимъ, Сиккардъ указываютъ на 1107 г. Походъ продолжался до 1108 г.; такъ у Анны и приведенъ 6517 г. отъ сотворенія міра, въ который былъ составленъ мирный договоръ между Воэмундомъ и Алексѣемъ Комниномъ. Варійскій Анонимъ относитъ этотъ походъ къ 1108—1109 г., но онъ начинается годъ съ 1-го сентября, такъ что послѣдніе 4 мѣсяца нашего 1107 г. представляютъ 4 первые мѣсяца 1108 г. по сентябрьскому лѣтосчисленію. Ср. *Kugler*, *Voemund und Tankred*. p. 70; прим. 65; *Hagenmeier*, p. 294.

²⁾ *Fulch.* II, 38 (III, 418): 13-го октября, что представляется намъ чрезъчуръ быстрымъ.

³⁾ *Anna Comn.*, p. 372.

была выстроена огромныхъ размѣровъ, раздѣлена на много этажей; внизу помѣщались стрѣлки, а на верху войны съ обнаженными мечами для того, чтобы вступить въ рукопашный бой, какъ только башню придвинуть къ городу, и они сойдутъ на стѣны. Но Алексѣй, защитникъ Драча, распорядился вывести внутри города башню еще выше неприязельской, прикрытую одною только крышей и открытую со всѣхъ сторонъ. Съ этой-то башни метали греческій огонь въ неприятеля; но когда онъ не оказалъ должнаго дѣйствія, промежутокъ между городскою стѣною и неприязельскою машиною наполнили горючимъ матеріаломъ, подожгли ее, и тогда пламя охватило башню и навело панику на Норманновъ. Въ ужасѣ они бросались внизъ и думали только о спасеніи жизни. Въ нѣсколько минутъ сгорѣла колоссальная постройка, и исчезла главная надежда взять городъ приступомъ ¹⁾.

Весною пришелъ на театръ войны и самъ императоръ и расположился лагеремъ на рѣкѣ Дѣволѣ. Онъ помнилъ страшное поражение, которое понесъ въ 1081 г., и умудренный опытомъ, рѣшился на этотъ разъ не давать генеральнаго сраженія ²⁾. Онъ приказалъ только своему легковооруженному войску изрѣдка беспокоить Норманновъ и метать стрѣлы, но преимущественно по лошадямъ, а не по всадникамъ. „Онъ зналъ“, говоритъ Анна,— „что западные рыцари почти неуязвимы вслѣдствіе панциря и стальной кольчуги, которую они носили подъ платьемъ. Поэтому стрѣлать по нимъ онъ считалъ бесполезнымъ и совершенно безумнымъ. Норманнское вооруженіе состоитъ изъ стального платья, сплетеннаго изъ колець и сдѣланнаго изъ прекрасной стали, такъ что оно не проникаемо для стрѣлъ и вполне предохраняетъ тѣло воина. Кромѣ того, оно прикрывается щитомъ, который не круглый, но продолговатый и широкій, вверху оканчивается почти остриемъ, выпуклый, съ совершенно гладкою и блестящею вѣшнею стороною, снабженною блестящею же шишкою, подобно глазу, изъ латой мѣды. Всякая стрѣла, будь то печенѣжская или турецкая и брошенная хотя бы гигантскими руками, отскакиваетъ отъ такого щита назадъ къ тому, кто ее метнулъ, Норманнъ на конѣ неотразимъ, и онъ могъ бы перескочить даже черезъ вавилонскую стѣну; но

¹⁾ Anna Comn., p. 381—386, Alb. Aq. X, 41 (IV, 650), также разсказываетъ, что Возмундъ столь же неудачно атаковалъ Диррахій, и что машины его были сожжены.

²⁾ Anna Comn., p. 386.

какъ только онъ сходитъ съ коня, всякій можетъ справиться съ нимъ какъ съ игрушкой¹⁾. Императоръ занялъ всѣ горные проходы; во всѣ города и мѣстечки вокругъ Драча были поставлены отряды. Авлону, гавань Іерихонъ (Іеріхѳ), Канину поручено было защищать Михаилу Кекамену. Петрулу занималъ Александръ Кавасила, отличившійся въ Азіи въ дѣлахъ противъ Сельджуковъ; въ Дибрѣ, на Черномъ Дринѣ, сѣвернѣе Охриды, былъ поставленъ гарнизонъ подъ начальствомъ Льва Никерита; Евстаѳію Камитцѣ поручено было защищать проходы вокругъ Эльбассана, города, лежащаго на рѣкѣ Шкумби (Генуѣ) къ юго-западу отъ Охриды, Главницу охранялъ Аліатъ.

Возмунду удалось однако, не смотря на это, овладѣть Эльбассаномъ и окрестными городками, а затѣмъ даже и Диброй. Послѣ того братъ Возмунда, Гвидъ, далъ сраженіе Камитцѣ; раздѣливъ войско на двѣ части, онъ напалъ съ фронта и съ тыла и нанесъ ему жестокое пораженіе¹⁾. Норманское войско одержало еще небольшую побѣду надъ Аліатомъ въ равнинѣ у Главницы, и начальникъ греческаго войска былъ убитъ²⁾. Между тѣмъ положеніе норманскаго войска было далеко не завидное: съ одной стороны, греческій и венеціанскій флоты оберегали берегъ, и не допускали никакихъ сношеній съ Италіей, съ другой—сухопутное войско занимало всѣ горные проходы къ востоку отъ Драча; продовольствіе было сопряжено съ большими затрудненіями, и въ лагерѣ Возмунда начался голодъ и какая-то болѣзнь желудка, вызванная, вѣроятно, дурнымъ питаніемъ³⁾.

Дальнѣйшія дѣйствія Норманновъ были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы помочь этому бѣдствію и добыть провіанта. На мѣсто Аліата императоръ послалъ въ Главницу Кантакузина, котораго онъ еще до похода вызвалъ изъ Лаодикей. Кантакузинъ осадилъ крѣпость Милу, которая была занята войскомъ Возмунда; Греки уже ворвались въ городъ, когда пришло извѣстіе, что на освобожденіе осажденнымъ идетъ новый отрядъ, и войско Кантакузина въ страхъ отступило и остановилось на равнинѣ, ограниченной, съ одной стороны, рѣкою Харваномъ, древнимъ Паніасомъ, впадающимъ въ море

¹⁾ Anna Comn., p. 390. Альбертъ X, 42 (IV, 651) разсказываютъ, что Возмундъ разбилъ 10-тысячный императорскій отрядъ, состоявшій изъ Туркопуловъ, Бумазовъ и Печенѣговъ; это, вѣроятно, то самое пораженіе Камитца, о которомъ говоритъ Анна.

²⁾ Anna Comn., p. 381.

³⁾ Anna Comn., p. 390.

у Драча ¹⁾, а съ другой—болотомъ. Между тѣмъ братъ Воэмундовъ, Гвидъ, удачно продолжалъ свои дѣйствія; цѣль его была занять Іерихонъ и Каннуну. Конница его разбила Михаила Кекавмена, стоявшаго въ одномъ изъ горныхъ проходовъ, недалеко отъ этихъ городовъ. Другой отрядъ западныхъ рыцарей обратился противъ Кантакузина. Онъ приготовился къ сраженію; самъ занялъ центръ, на правый флангъ поставилъ Турокъ, на лѣвый Варяговъ, подъ командою Росника. Прежде всего были пущены впередъ печенѣжскіе стрѣлки, но и они, и Турки, и Варяги были разбиты. Кантакузину однако удалось побѣдить и обратить въ бѣгство норманское войско; онъ взялъ въ плѣнъ Гуго и брата его Ричарда ²⁾. Воэмунду приходилось съ большимъ трудомъ добывать провіантъ. Онъ посылалъ небольшіе отряды по направленію къ Авлонѣ для грабежа. Но эту мѣстность оберегали Кантакузинъ. О нѣсколькихъ такихъ неудачныхъ стычкахъ говоритъ Анна. Въ одно изъ сраженій былъ взятъ въ плѣнъ и какой-то неизвѣстный намъ родственникъ Воэмунда ³⁾. Между тѣмъ одно время положеніе Воэмунда нѣсколько улучшилось; Контостефанъ плохо оберегалъ берега Илирика, и приплывшему изъ Италіи флоту удалось подвести съѣстныхъ припасовъ норманнскому войску. Извѣщенный объ этомъ письмомъ отъ Лантульфа, великаго друнгарія флота, находившагося съ Контостефаномъ, императоръ назначилъ на мѣсто послѣдняго Маврокатаалона, который окончательно отрѣзалъ всякія сношенія съ Италіей и сжегъ нѣсколько судовъ, пытавшихся было пристать къ берегу ⁴⁾.

Такимъ образомъ Воэмундъ, видя, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, что ему не удастся взять Драча, который онъ уже осаждаеть цѣлый годъ, что ему трудно продовольствоваться, потому что изъ Италіи нельзя ничего подвести, а грабить страну тоже не удастся,—началъ переговоры о мирѣ. Его особенно побуждали къ этому другіе бывшіе съ нимъ рыцари, говоря, что они взяли за предпріятіе, превышающее ихъ силы, и что Богъ наказываетъ ихъ за жадность и несправедливое желаніе сражаться съ христіанами-Греками ⁵⁾.

¹⁾ *Дюлакжа* прим. къ р. 111 А (стр. 505 Воняскаго изданія).

²⁾ *Anna Comn.*, р. 391—393.

³⁾ *Anna Comn.*, р. 394—395. Объ одной такой стычкѣ говоритъ и Альбертъ Ахенскій, X, 43 (IV, 651).

⁴⁾ *Anna Comn.*, р. 395—397.

⁵⁾ *Ord. Vit. XI* (IV, 239).

При сравненіи съ походомъ Роберта Гвискарда невольно возникаетъ вопросъ: почему же Боэмунду съ гораздо бѣльшимъ войскомъ не удалось достигъ того результата, какого достигъ его отецъ? Почему Робертъ съ отрядомъ по крайней мѣрѣ въ четыре раза меньше Боэмундова могъ продержаться въ странѣ пять лѣтъ. Прежде всего причина кроется въ планѣ войны, составленномъ въ 1107 году Алексѣемъ Комниномъ. На этотъ разъ онъ стянулъ всѣ бывшія въ его распоряженіи силы къ Илирику, и поставилъ по всѣмъ городамъ гарнизоны, чтобы препятствовать мѣстнымъ жителямъ помогать непріятелю, чего не было сдѣлано въ предыдущую кампанію; византійское войско было на этотъ разъ гораздо сильнѣе, тактика императора несравненно искуснѣе, и этимъ отчасти можно объяснить неудачу Боэмунда. Но все-таки остается непонятнымъ, какъ Боэмунду не удалось прорвать цѣпь непріятелей, почему онъ не далъ ни одного генеральнаго сраженія, которое рѣшило бы его судьбу, сраженія, которое вполне соответствовало его воинственному настроенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что Боэмундъ могъ рѣшиться на это, какъ бы ни избѣгалъ Алексѣй такого сраженія. Это-то непонятное бездѣйствіе Боэмунда объясняется совсѣмъ другимъ обстоятельствомъ. Въ нѣсколькихъ источникахъ находимъ извѣстіе объ измѣнѣ въ Боэмундовомъ войскѣ, извѣстіе, кажущееся сперва невѣроятнымъ. Какъ западные рыцари, считавшіе Византійскаго императора злѣйшимъ врагомъ христіанства, могли перейти на его сторону и стать противъ своего же князя, такъ храбро и славно сражавшагося за освобожденіе Гроба Господня?

Посмотримъ же прежде всего, что говорятъ источники объ этой измѣнѣ, и постараемся потомъ разъяснить, что это была за измѣна, и какое она имѣла вліяніе на успѣшный ходъ военныхъ дѣйствій. Анна Комнина сообщаетъ намъ по этому поводу слѣдующее: „Вильгельмъ Кларетъ (Κλαρέτης), одинъ изъ знатныхъ рыцарей Боэмунда, видя, что все галльское войско погибаетъ отъ голода и ужасной болѣзни, посланной свыше, заботясь о собственномъ благѣ, переходитъ съ 50 всадниками на сторону императора. Алексѣй Комнинъ любезно принялъ его, и разузнавъ отъ него о положеніи дѣлъ въ лагерѣ Боэмунда, о голодѣ, удручающемъ войско, вообще о стѣсненномъ положеніи Боэмунда, богато одарилъ его и далъ ему титулъ нобиліссима (νοβιλίσσιμου)“¹⁾. Кромѣ того, мирный договоръ съ Боэмундомъ под-

¹⁾ Anna Comn. XIII, p. 399.

писали со стороны Византіи нѣсколько, безъ сомнѣнія, западныхъ рыцарей. Имена ихъ Анна приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: Ρογέρης ὁ τοῦ Ταχοκέρτου, Πέτρος Ἀλίφας, Γαλιάνος ὁ Γαυζῆ, Ριτζάρδος ὁ Πριτζίτας, Ιοσρρέ Μαλῆς, Οὐμπέρτος ὁ υἱὸς τοῦ Γραούλ¹⁾). Первые два уже раньше находились на византійской службѣ, а остальные принадлежать къ спутникамъ Боэмунда.

Ордерижъ Виталий проливаетъ много свѣту на тогдашнее положеніе: „Доблестный князь“, говоритъ онъ²⁾,—„многими способами старался взять городъ, но ему мѣшали тѣ, кому слѣдовало всего больше ему помогать. Братъ его, Гвидъ и Робертъ Монфорскій, на которыхъ онъ особенно рассчитывалъ, обманнымъ образомъ обратились на сторону императора; и ослѣпленные посланными имъ громадными денежными подарками, коварно замыслили противъ своего князя. Ибо въ то время, какъ послѣдній приготавлилъ машины и рѣшилъ въ назначенный день произвести атаку, тѣ, приводя какіе-то лживые поводы, просили перемирія. Такъ, вслѣдствіе измѣны своихъ, Боэмундъ былъ одураченъ со своимъ войскомъ, и отъ недостатка, съѣстныхъ припасовъ въ чужой странѣ крестоносное войско было истощено. Наконецъ, не будучи въ состояніи вытерпѣть сильнаго голода, они мало по малу удалились, и разсѣявшись по Македоніи, заключили миръ съ императоромъ; они были любезно приняты имъ и получили свободу оставаться въ его подданствѣ, или уйти куда угодно. Поэтому большая часть получили отъ него дары, и оправившись отъ сильной голодовки, были ему очень благодарны“.

Альбертъ Ахенскій, X 44, 45 (IV, 652), разказываетъ объ измѣнѣ рыцарей слѣдующее: Гвидъ, сынъ сестры Боэмунда, Вильгельмъ Кларетъ и остальные предводители войска, подкупленные деньгами и льстивыми обѣщаніями императора, пытались уговорить его (Боэмунда) оставить осаду города и заключить миръ съ императоромъ, представляя ему разныя важныя причины, указывая то на недостатокъ провіанта, то на разбродъ сухопутнаго и морскаго войска, то на богатство императорской столицы. Наконецъ Боэмундъ, видя, что свои отстантъ отъ него, многіе обращаются за помощью къ императору, и что они все менѣе и менѣе заботятся объ атакѣ города, повѣрилъ совѣту своихъ; итакъ, онъ заключилъ миръ съ императоромъ, получивъ большое количество золота, серебра и слоновой кости“.

¹⁾ Anna Comn. XIII, p. 416.

²⁾ IV, 240—241.

Присовокупимъ къ этому еще одно обстоятельство. По разказу Альберта Ахенскаго (X, 45), рыцари, сопровождавшіе Боэмунда, по заключеніи мирнаго договора, обратились съ просьбою къ императору Алексѣю пропустить ихъ миролюбиво черезъ свое царство и дозволить продолжать имъ начатый походъ до Іерусалима. Императоръ разрѣшилъ имъ безъ всякаго препятствія съ своей стороны пройти черезъ имперію. Такого же рода извѣстіе находимъ у Ордерика Виталія: „Тогда“ (то-есть, по заключеніи мира), говоритъ онъ, — „Гуго Шартрскій и Рауль Понтъ д'Екрепинскій съ братомъ Іосцелиномъ и многіе другіе отправились въ Константинополь и были богато одарены императоромъ Алексѣемъ, а оттуда отправились въ Іерусалимъ“. То же находимъ у Фульхера и Вильгельма Тирскаго ¹⁾.

Теперь, можетъ быть, удастся намъ уяснить одно не совсѣмъ понятное для насъ мѣсто у Анны Комнины, которое, однако, буквально передается нѣкоторыми историками, и уяснивъ его, надлежащимъ образомъ понять измѣну западныхъ рыцарей. Императоръ Алексѣй—разказываетъ его дочь—старался посѣять раздоръ среди рыцарей и уничтожить союзъ, заключенный съ ними Боэмундомъ. Онъ призываетъ къ себѣ севаста Марина, Рожера и Петра Алифу и допытывается у нихъ, кто изъ западныхъ рыцарей стоитъ ближе всѣхъ къ Боэмунду, и кому онъ больше всѣхъ довѣряетъ. Къ этимъ-то лицамъ, а именно Гвиду, брату Боэмунда, и Ричарду дель-Принчипато, онъ посылаетъ письма, служащія какъ бы отвѣтомъ на письма, которыхъ они никогда не писали, и въ которыхъ изъявляли будто свое желаніе вступить съ нимъ въ дружбу и выдавали ему тайные планы Боэмунда. Въ этихъ письмахъ онъ благодарилъ рыцарей за ихъ хорошее къ нему расположеніе. Императоръ рассчитывалъ на то, что если эти письма попадутъ въ руки Боэмунда, онъ повѣритъ измѣнѣ, имъ овладѣетъ страшная ярость, и онъ произведетъ надъ ними какое-нибудь насиліе, вслѣдствіе чего тѣ дѣйствительно отпадутъ отъ него и перейдутъ на сторону императора. Извѣстѣ съ людьми, которымъ было поручено отвезти письма въ норманскій лагерь, былъ посланъ человекъ, который долженъ былъ опередить первыхъ, представлять изъ себя перебѣжчика, увѣрить Боэмунда, что такіе-то рыцари измѣнники, и посовѣтовать ему удержать посланныхъ. Боэмундъ

¹⁾ Inde in Apuliam reversus (Boamundus) dimissa peregrinorum turba, quae votis obligata tenebatur iter Hierosolymitanum perficere, ipse domi familiaribus adhuc detentus curis remansit. Guill. Tyr. XI, 6.

послѣдовалъ совѣту этого человѣка, и когда читалъ письма, съ нимъ сдѣлалось дурно: до того поразило его это извѣстіе. Воэмундъ просидѣлъ недѣлю въ своей палаткѣ, не желая никого видѣть, но затѣмъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ измѣнниковъ, догадываясь, вѣроятно, что письма императора не имѣли никакого значенія. Послѣ того и Гвидъ, и Ричардъ сражаются противъ Грековъ.

Въ этомъ видѣ разказъ Анны кажется намъ неправдоподобнымъ: хитрость слишкомъ груба для такого умнаго и тонкаго человѣка, какъ Алексѣй Комнинъ; онъ не могъ ожидать, что Воэмундъ попадется на такую удочку. Кромѣ того, ему не зачѣмъ было прибѣгать къ такой гнусной продѣлкѣ: положеніе его было значительно лучше Воэмундова. Однако, нельзя думать, что византійская царица разказываетъ свою выдумку или передаетъ невѣрный слухъ или ходячую басню. Имена Гвида, на измѣну котораго указываютъ и Ордерикъ, и Альбертъ, и Ричарда дель-Причипато, подписавшаго договоръ съ Воэмундомъ, ясно указываютъ, что разказъ Анны не выдумка. Но ничего не будетъ несообразнаго предположить, что царица не вполне поняла политику своего отца. Постараемся уяснить себѣ положеніе западныхъ рыцарей лѣтомъ 1108 г. Прошелъ почти цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ они выступили изъ Италіи подъ предводительствомъ Воэмунда. Конечною цѣлью ихъ похода былъ Іерусалимъ; они шли, какъ и первые крестоносцы 1096 г., съ надеждою на богатую добычу и обширныя земли въ Азіи; они шли, чтобы защитить Гробъ Господень отъ враговъ христіанства. Однимъ изъ такихъ враговъ былъ для нихъ, безъ сомнѣнія, императоръ Алексѣй; поэтому, вступивъ на почву Византіи, они нисколько не были удивлены встрѣтить здѣсь сопротивленіе къ дальнѣйшему странствію. Они были достаточно предуведомлены объ этомъ Воэмундомъ и предшествовавшими событиями. Но вотъ они проводятъ около года въ этой странѣ, дѣла ихъ идутъ не особенно удачно, они окружены со всѣхъ сторонъ неприятелемъ, не гдѣ добывать съѣстныхъ припасовъ, появляется голодъ и въ связи съ нимъ разныя болѣзни. Грозитъ серьезная опасность: пожалуй, все войско погибнетъ тутъ, и не придется увидѣть обѣтованной земли. Войско, съ своей стороны, недовольно; оно стремится увидѣть Гробъ Господень, осязать, такъ-сказать, Господа: къ чему же оно теряетъ время въ Византійской имперіи? Рыцари начинаютъ думать о томъ, какъ бы имъ достигъ цѣли, переправиться въ Азію; примѣръ предыдущихъ лѣтъ на лицо: крестоносцы вступили въ соглашеніе съ Византійскимъ императоромъ, даже приносили

ему денную присягу, лишь бы онъ пропустилъ ихъ въ Палестину. Положимъ, они припесли присягу Воэмунду; но они добровольно присоединились къ нему, онъ не ихъ сюзеренъ; къ тому же то, что онъ имъ судилъ, не сбывается; поэтому они въ правѣ договариваться самостоятельно съ Алексѣемъ Комниномъ. Послѣдній, съ своей стороны, знаетъ, что одинъ только Воэмундъ имѣетъ основаніе вести съ нимъ войну до послѣдней возможности, для того чтобы въ случаѣ побѣды не бояться его въ Сиріи. Политика его та же, что въ 1096 г.: надо переговорить съ каждымъ рыцаремъ отдѣльно, обѣщать имъ свободу безпрепятственно пройти чрезъ имперію; вѣроятно, многіе согласятся, и тогда уже ничего не будетъ стоять побѣдить Воэмунда. Съ этою цѣлью разсылаетъ онъ письма западнымъ рыцарямъ. Вотъ какъ — кажется намъ — происходило дѣло, и какъ надо понимать разказъ Анны. Орденикъ Виталій, какъ мы видѣли выше, подтверждаетъ нашу мысль, говоря, что рыцари мало по малу удалялись отъ Воэмунда и заключали миръ съ императоромъ. Анна, вѣрно намѣчая цѣль отца, не поняла, въ чемъ заключалась его политика: онъ посылалъ не фиктивные письма, а истинныя, можетъ быть, въ отвѣтъ на другія, а можетъ быть и нѣтъ. Можетъ быть, дѣйствительно письма эти попали въ руки Воэмунда, и онъ пришелъ въ ужасъ, понявъ отчаянное положеніе, въ которомъ находился. Однако сдѣлать онъ ничего не могъ, потому что рыцари преслѣдовали свою цѣль, ту цѣль, къ которой онъ ихъ велъ. Не забудемъ того, что рыцари, договорившись съ императоромъ, направились въ Іерусалимъ. Еслибъ они пришли съ цѣлью завоевать Византію и для своего спасенія передались на сторону непріятеля, то конечно, вернулись бы во-свояси. Но они не измѣняли Воэмунду: они только нарушали военную дисциплину, взявъ на себя инициативу, они только придумали болѣе легкій способъ для достиженія цѣли; вмѣсто того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ пройти чрезъ Восточную имперію, чего ожидали и что оказалось невозможнымъ, они предпочли спокойно пройти чрезъ эту страну и сохранять силы для борьбы съ мусульманами. Слѣдовательно, эта измѣна, о которой говорятъ современники, была вовсе не измѣной въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, не явленіемъ ненормальнымъ, а прямымъ слѣдствіемъ общаго хода вещей ¹⁾.

¹⁾ Вилькенъ (Geschichte der Kreuzzüge. II, 341—342) дословно, безъ всякихъ комментариевъ, передаетъ разказъ Анны Комнины. Томе находимъ у Филла

Безъ сомнѣнія, переговоры рыцарей съ Византійскимъ императоромъ начались раньше заключенія договора; на это имѣемъ указанія въ вышеприведенныхъ источникахъ. Во время переговоровъ рыцари сторонились отъ военныхъ дѣйствій, а когда пужно было добыть провіанта, дѣйствовали отдѣльно; поэтому и не было ни одного большаго сраженія, даннаго соединенными силами. Въ числѣ рыцарей, входившихъ въ переговоры, можно, кажется, безъ ошибки назвать Гвида, Роберта Монфорскаго, Вильгельма Кларета, Иосцелина; безъ сомнѣнія, были и другіе, имена которыхъ намъ не извѣстны.

Когда Воэмундъ понялъ, въ какихъ тискахъ онъ находится, понималъ, что онъ не можетъ руководить всѣми рыцарями по своему желанію, что они не воодушевлены тою же идеей, какъ онъ,—ему ничего больше не оставалось, какъ заключить миръ съ Византійскимъ императоромъ. Ему хотѣлось, однако, сохранить свой внѣшній пресътажъ и договариваться съ восточнымъ монархомъ, какъ равному съ равнымъ. Воэмундъ требовалъ, чтобы нѣсколько знатныхъ Грековъ оставлены были ему въ заложники, и императоръ послалъ къ нему севаста Марина, Рожера, Константина Евфорвина и Адралеста, чтобы условиться, какъ будутъ происходить переговоры о мирѣ. Воэмундъ просилъ, чтобы къ нему вышли на встрѣчу за шесть стадій самыя близкіе родственники императора, чтобы самъ императоръ всталъ, какъ только онъ войдетъ къ нему въ палатку, чтобы онъ не упоминалъ о прежней присягѣ, чтобы ему позволено было говорить обо всемъ сколько ему угодно, чтобы императоръ взялъ его за руку и посадилъ у изголовья своего сѣдалища, чтобы ему дозволено было войти въ сопровожденіи рыцарей, и не надо было преклонять ни головы, ни колѣнъ. Послы согласились на то, чтобы императоръ взялъ

(II, 147). Въ одномъ источникѣ читаемъ, будто по заключеніи Воэмундомъ договора съ Алексѣемъ, заболѣлъ Гвидъ, и терзаемый совѣстью, сознался Воэмунду, что императоръ обещалъ выдать за него дочь и отдать ему Драчъ, и что, обольщенный этимъ обещаніемъ, онъ, Гвидъ, пересталъ дѣйствовать на пользу Воэмунда, почему Драчъ и остался не взятымъ. Въ этомъ источникѣ весь походъ Воэмунда представленъ въ совершенно ложномъ видѣ; Воэмундъ наноситъ два серьезныя пораженія Грекамъ, послѣ чего Алексѣй проситъ мира. По договору, имъ заключенному, онъ обязуется облегчить паллгринамъ путь въ Іерусалимъ и вознаграждать ихъ за всѣ убытки, которые они могутъ понести дорогой, возвратитъ Воэмунду всѣ земли, которыя были завоеваны его отцомъ, дать ему столько войска, чтобы онъ могъ завладѣть въ Малой Азіи страной въ 15 дней пути въ длину и столько же въ ширину (*Ex historiae Francicae fragmento, Boiquet, XII, p. 6—7*).

его за руку и посадилъ у изголовья, чтобы его вышли встрѣчать царскіе родственники, однако не самыя близкіе, чтобы онъ могъ войти съ конвоемъ; на остальныя условія не согласились. Маринъ, Рожеръ и Адраслетъ были переданы Гвиду въ качествѣ заложниковъ. Евфорвинъ позволилъ Боэмунду перенести свой лагерь въ другое, болѣе здоровое мѣсто, а въ замѣнъ того Боэмундъ разрѣшилъ Евфорвину войти въ Драчъ, гдѣ онъ нашелъ все въ отличномъ состояніи. Боэмундъ вмѣстѣ съ Евфорвиномъ отправился въ императорскій лагерь; Алексѣй Комнинъ взялъ его за руку, какъ было условлено, и пригласилъ его стать у царскаго сѣдалища. Въ началѣ переговоры чуть было не приняли весьма непріятнаго оборота. Императоръ вспоминалъ, хотя и мимоходомъ, о прежнемъ договорѣ между ними, уговаривалъ Боэмунда добровольно покориться ему и заставить сдѣлать то же и Танкреда. Это оскорбило князя Антиохійскаго, и онъ вышелъ изъ царской палатки, намѣреваясь вернуться къ Драчу. Но Никифору Вриеннію, мужу Анны Комнины, удалось уговорить Боэмунда согласиться на нѣкоторыя требованія императора, и онъ за руку повелъ его въ царскую палатку. Послѣ того уже безирепатственно былъ заключенъ мирный договоръ.

По этому трактату Боэмундъ, согласно съ предшествовавшимъ соглашеніемъ (1098 г.), вновь призналъ себя вассаломъ императора Алексѣя Комнина и сына его Іоанна; онъ обязался помогать имъ противъ всякаго непріятеля, будь то христіанинъ или мусульманинъ; въ случаѣ же, если ему помѣшаетъ война или онъ будетъ боленъ, онъ обѣщалъ высылать Византіи вспомогательное войско; онъ обязался не завоевывать ни одного города, находящагося или когда-либо находившагося въ предѣлахъ Византійской имперіи, не начинать войны по собственной инициативѣ; если же онъ отвоеуетъ какой-нибудь городъ, то обязанъ предоставить императору или сохранить его для отдать ему въ ленъ; онъ обѣщалъ не признавать себя вассаломъ какого-нибудь другаго монарха, всѣ возможныя завоеванія считать леномъ Византіи. Онъ обѣщалъ силою заставить Танкреда отдать всѣ земли Византіи, исключая тѣхъ, которыя будутъ отданы въ ленъ Боэмунду. Если послѣдній откажется отъ пофеновціи Византіи, его вассалы, послѣ сорокадневнаго срока, имѣютъ право отказаться отъ всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ нему. Въ ленъ Боэмунда, по данному ему хрисовулу, вошли: Антиохія и ея область съ гаванью св. Симеона, оеми Дуксъ, Кавна, Лула, Удивительная Гора, Фересія, стратигиды св. Или, Борса, Ларисса, Артасія и Дал-

лукъ, Германікея и горы Мавронъ со всѣми замками и прилежащею равниной, воеводства Пагра и Палаца. Бозмундъ обязывался возвратить все, что Танкредъ завоевалъ между рѣкою Кидномъ и горами Гермонъ, хотя эта мѣстность первоначально принадлежала къ княжеству Антиохійскому, именно—о ему Поддидъ, воеводство Тарсъ, города Адапу, Монсуестію и Анабарзу, область Лаодикею, Габалонъ, Джибель, Валению, Мараклею, Антарадъ и Тортозу. Въ замѣнъ этой уступки Бозмундъ долженъ былъ получить въ пожизненное владѣніе области, которыя еще надо было отвоевать у Турокъ, Алеппо, еемы Лапару, Лимнію, Аэти. Антиохія отдана была Бозмунду въ пожизненное владѣніе, а графство Едесское въ наследственный ленъ. Ему былъ дарованъ почетный титулъ севаста. Императору было предоставлено право назначать Антиохійскаго патріарха, и кромѣ того, онъ обязался выплачивать 20 талантовъ Бозмунду. Договоръ этотъ былъ подписанъ въ сентябрѣ 2-го индикта 6617 г. отъ сотворенія міра, то-есть, въ 1108 г. ¹⁾).

Вилькенъ справедливо говоритъ, что Византійская имперія получила очень мало выгоды отъ этого мира съ Бозмундомъ ²⁾). Нѣкоторыя условія договора никогда не были исполнены; такъ напримѣръ, Вернардъ, католическій епископъ, былъ Антиохійскимъ патріархомъ съ 1099 г. по 1134. Антиохійское княжество было признано въ ленной зависимости отъ Византійскаго императора; большая часть его должна была отойти къ Византіи. Но все это существовало только на бумагѣ; да Бозмундъ и не могъ исполнить то, что обѣщалъ: фактически онъ уже не былъ Антиохійскимъ княземъ, а Танкредъ, по смерти Бозмунда, наотрѣзъ отказался признать силу не имъ заключеннаго договора. Едва ли Бозмундъ имѣлъ въ виду исполнить всѣ условія мирнаго трактата, когда ему удастся собраться съ силами и водвориться вновь въ Антиохію. Этотъ договоръ былъ только по формѣ лестень Византійской имперіи, а по существу онъ давалъ важное преимущество Бозмунду. Въ случаѣ новаго похода онъ могъ безпрепятственно пройти чрезъ Восточную имперію: сюзеренъ не могъ напасть на вассала, идущаго водвориться въ свой ленъ, а въ слу

¹⁾ Anna Comn., p. 400—415. Единственный подробный разказъ о переговорахъ Бозмунда съ Алексеемъ и объ условіяхъ мира у Анны Комнинны. По виду, она сообщаетъ подлинный договоръ, который она легко могла имѣть въ рукахъ, а потому не доврять ей нѣтъ никакого основанія.

²⁾ Geschichte d. Kreuzzüge. II, 355.

чаѣ такого нападенія былъ бы нарушенъ договоръ, и Воэмундъ вѣроятно сдѣлался бы независимъ.

Конечно, тяжело было Воэмунду подписать этотъ трактатъ: это значило подписать свое безсиліе. Рушились его надежды на крайней мѣрѣ на нѣкоторое время; планъ, который онъ дѣлалъ столько лѣтъ, оказывался не исполнимымъ. Сирійское царство еще разъ выскользнуло изъ его рукъ. Ему оставалось одно—вернуться въ Апулію и вѣновь собрать войско, еще болѣе многочисленное; но ему не удалось еще разъ попытать счастья. Отчего однако Воэмундъ, дѣль котораго не состояла въ завоеваніи Византіи, не пошелъ съ другими рыцарями въ Азію? Отвѣтить на такой вопросъ очень не мудро. Горькій опытъ доказывалъ ему, что онъ не въ состояніи держать въ рукахъ крестоносное войско; рыцари дѣйствовали сами по себѣ, заботились больше всего о себѣ и не хотѣли единодушно приняться за норманнское дѣло. Вернуться въ Антиохію съ остатками войска, сильно пострадавшаго въ теченіе этого года, — значило погубить свой планъ; пришлось бы исполнить договоръ съ Византіей, уменьшить свое княжество; не было силъ бороться и съ Греками, и съ Сельджуками. Онъ могъ опасаться, что Танкредъ, видя его слабость и зная о его неудачѣ, не уступитъ ему своего мѣста. Выгоднѣе было подождать еще нѣсколько лѣтъ и явиться въ Антиохію во всеоружіи.

Но всѣ мечты Воэмунда были уничтожены. Онъ умеръ въ 1111 году ¹⁾.

¹⁾ Показанія относительно смерти Воэмунда различны въ разныхъ источникахъ. Анна Комнина (р. 119) говоритъ, что Воэмундъ умеръ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ отправленія въ Италію, то-есть, весной 1109 г. Guil. Туг. (XI, 6) согласенъ съ Анною. Матей Едесскій (с. 32) говоритъ годъ 1104 г.: Au bout de 5 ans le grand comte des Franks mourut sans avoir revu l'Asie, то-есть, въ 1109 г. Но большинство современныхъ писателей указываютъ на 1111 г. Въ Варійской лѣтописи (*Murat*, V, 155) находимъ указаніе на мартъ 1111 г. То же у Петра Діакона (IV 40) (*Paris* SS. VII, 781), продолжателя хроника Льва Остіискаго, и Рогуальда. Ордерикъ Виталій согласенъ съ предыдущими писателями, но ошибается, говоря, что Воэмундъ умеръ въ Антиохіи. Фальконъ Веневетскій относитъ смерть Воэмунда къ есвразію 1110 г., 4-го идиакта; но у него мартовское лѣтосчисленіе, и 4-й идиактъ приходится въ слѣдующемъ году, то-есть, въ 1111 г. Alb. Aq. (XI, 48) опредѣляетъ время его смерти такъ: *Woesmundus vita discessit tempore quo Henricus V rex Romae plurimos sibi hostili impetu resistentes in ore gladii crudeliter edomuit*. Ветупленіе Генриха V въ Римъ относится къ есвразію 1111 г. Камаль-ад-динъ (*Röhricht* I, 235) говоритъ: *il mourut en 504*, то-есть, отъ 20-го іюля 1110 г.—10 іюля 1111 г. Это также не противорѣчатъ предыдущему.

Мы старались разказать дѣятельность Боэмунда съ той минуты, какъ онъ появляется на исторической сценѣ, до его смерти. Дѣятельность эта особенно интересна потому, что имѣла мѣсто въ весьма важную и характерную эпоху среднихъ вѣковъ; потому, знакомясь съ нею, мы знакомимся и съ стремленіями рыцарства, направленіемъ народа, отношеніемъ Запада къ Востоку. Мы старались не только разказать походы Боэмунда, но и объяснить ихъ, показать причину, по которой они возникли, причину, почему они приняли тотъ или другой ходъ. Мы старались не только разказать исторію, но и понять ее. Въ заключеніе мы хотимъ еще показать какъ поучительны описанные два похода для пониманія общаго смысла историческихъ событій.

На первый взглядъ можетъ казаться, что и въ 1081 году и въ 1107 происходило одно и то же событіе, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Норманны ведутъ походъ противъ Византіи. Но это одно только внѣшнее тожество. Робертъ Гвискардъ ведетъ походъ вслѣдствіе одного только своего воинственнаго духа и славолюбія. Онъ думаетъ награть богатствъ, думаетъ, можетъ быть, завладѣть землею, которую ему никогда не удалось бы удержать за собою. Это хищническій походъ, чисто въ духѣ норманнскомъ и въ духѣ средневѣковомъ; это—увлеченіе съ его стороны, а не требованіе разумной политики и здраваго государственнаго ума. Совсѣмъ не то представляетъ походъ 1107 г. Боэмундъ, конечно, унаслѣдовалъ отъ отца свойственный его расѣ духъ войны и славолюбія. Но при этомъ онъ—государственный человѣкъ и дипломатъ. Онъ идетъ въ Палестину не съ какими-нибудь несбыточными и неопредѣленными мечтами; у него готовый планъ—основать норманнское государство. Въ Италіи недостаточно простору для его могучей дѣятельности, у него одно только маленькое княжество, расширить которое не возможно. Онъ пользуется обстоятельствами и идетъ съ другими въ Азію. Уже въ Константинополѣ онъ выказываетъ свой дипломатическій умъ; онъ чувствуетъ, что можетъ встрѣтить препятствіе къ осуществленію своего плана въ соперничествѣ другихъ крестоносцевъ, и рѣшается вступить въ союзъ съ Алексѣемъ Комниномъ, чтобы воспользоваться его силами для

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, кажется, безошибочно можно принять, что Боэмундъ умеръ въ 1111 г. Это положительно утверждаетъ Гагенмейеръ (стр. 295). Куглеръ (Boemund und Tankred, p. 70), кажется, напрасно говоритъ, что не возможно положительно рѣшить, въ какомъ году умеръ Боэмундъ.

своихъ плановъ. Но Возмунду не удается сдѣлать изъ Византійскаго императора свое орудіе: онъ наталкивается на силу равную, которую не возможно подчинить себѣ. Тогда начинаются пререканія съ Византіей. Мусульмане оказываются сильнѣе Норманновъ, Возмундъ теряетъ свою твердую позицію и возвращается въ Европу. Онъ покидаетъ Сирію именно въ тотъ моментъ, когда ему уже нельзя было оставаться долѣе: это значило бы компрометировать свой авторитетъ, свое обаяніе, которое послѣ побѣдъ, во время перваго крестоваго похода, сильно распространилось и на Западѣ, и на Востокѣ. Онъ является въ Европу, и здѣсь, благодаря своему громкому имени, благодаря умѣнью и связи съ королемъ Французскимъ, воодушевляетъ многихъ рыцарей; они слѣдуютъ за нимъ, и онъ ведетъ ихъ въ Сирію, рассчитывая дойти до нея и на этотъ разъ крѣпко сѣсть въ Антиохію. Онъ вовсе не имѣетъ въ виду крестоваго похода для защиты Гроба Господня, но онъ знаетъ настроеніе своего времени и пользуется имъ для достиженія своихъ цѣлей. Идти походомъ на Византію является разумнымъ слѣдствіемъ всей его политики; онъ не можетъ добраться до Сиріи иначе, какъ сухимъ путемъ; онъ предпочитаетъ сломить власть сначала одного непріятеля, чѣмъ имѣть дѣло съ обоими сразу; наконецъ, онъ знаетъ, что его не пропустятъ безпрепятственно чрезъ Восточную имперію. Онъ терпитъ неудачу, и причина этой неудачи кроется въ той самой причинѣ, по которой ему удалось набрать новое крестоносное войско, въ томъ же настроеніи рыцарей и народа. Они идутъ въ Іерусалимъ и не хотятъ гибнуть въ Византіи; для нихъ побѣда надъ Восточнымъ императоромъ не представляетъ ничего существеннаго, они не имѣютъ въ виду плана Возмунда. Не смотря на свое стѣсненное положеніе, сынъ Роберта Гвискарда умѣетъ составить такой договоръ, который ни къ чему его не обязываетъ, какъ только онъ опять пріобрѣтетъ силу. Тутъ онъ поступаетъ какъ будто нелогично: онъ не идетъ въ Антиохію, но въ сущности этотъ поступокъ доказываетъ только его ясный умъ, понимающій окружающія обстоятельства. Онъ уже не можетъ рассчитывать на сопутствовавшихъ ему рыцарей, онъ слишкомъ слабъ, чтобы осуществить свой планъ.

Мы видимъ, что Возмундъ съ начала до конца послѣдовательно преслѣдовалъ свой планъ, что онъ не отклонялся въ сторону, не давался мечтою покорить Византію. Онъ ошибся главнымъ образомъ въ одномъ, въ силѣ Сельджуковъ, какъ ошибались въ томъ всѣ западные рыцари, мало знавшіе Востокъ. Не попади онъ въ плѣнъ,

дѣла его приняли бы совсѣмъ другой оборотъ. Не смотря однако на это, непристрастный историкъ не можетъ не отдать справедливости его государственному уму, его послѣдовательности въ проведеніи своего давно задуманнаго плана, цѣли всей его жизни, всѣхъ его стремленій, не можетъ не отдать справедливости его умѣнью пользоваться обстоятельствами, его способности отдать себѣ ясный отчетъ въ своемъ собственномъ положеніи и въ политическомъ положеніи другихъ государствъ и народовъ.

И. Безобразовъ.
